

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Тимофеев Иван Сергеевич

**«СТАНОВЛЕНИЕ ЛАТИНСКОЙ АТОМИСТИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ ФИЛОСОФИИ ЭПИКУРЕИЗМА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ ЛУКРЕЦИЯ)»**

Специальность 10.02.14 – Классическая филология,
византийская и новогреческая филология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
д.ф.н., доц. Солопов Алексей Иванович

Москва 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. Понятие термина и терминология работы.....	6
2. История исследования философской терминологии эпикуреизма.....	15
3. Цицерон и латинская философская терминология: грамматика и методы перевода.....	29
4. Общая характеристика работы.....	36
Актуальность и степень научной разработанности темы.....	37
Объект и предмет исследования	39
Материал исследования.....	39
Цель и задачи работы.....	40
Методология и методические основы исследования.....	41
Теоретическая база.....	43
Научная новизна.....	43
Теоретическая значимость исследования.....	44
Практическая значимость исследования.....	44
Положения, выносимые на защиту	45
Апробация результатов исследования.....	46
ГЛАВА 1. СООТНОШЕНИЕ ПОЭЗИИ И ФИЛОСОФИИ. ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ГРЕЧЕСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА НА ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК	
1.1. Предшественники Лукреция в жанре дидактической поэмы и поэтической форме.....	48
1.2. Взгляды Эпикура и Филодема на поэзию. Соотношение поэзии и философии в поэме Лукреция.....	55
1.3. Проблема языка и стиля Эпикура.....	66
1.4. Филологические и терминотворческие установки Лукреция.....	71
1.5. Механизмы выделения термина в поэме. Способы ввода терминов у Лукреция.	85

1.6. Обозначение понятий «философия» и «философ» в поэме Лукреция (Reperta). Образ Эпикура и культ учителя в греческой философии.....	95
1.7. Синонимия в номинации четырех первоэлементов в поэме Лукреция «О природе вещей» (и ее источники в терминологии Эмпедокла).....	119
ГЛАВА 2. ТЕРМИНЫ ЭПИКУРЕЙСКОЙ АТОМИСТИКИ	
2.1. Обозначение материи (<i>materia/materies</i>) в поэме Лукреция: этимология, семантика, морфология, синтаксис, метрика.....	129
2.2. Семантическое поле «атом, тело, первоначало».....	148
2.2.1. Лексика с семантическим компонентом «первоначало»: <i>primordia (rerum), ordia prima, exordia (rerum/prima), principia, prima, elementa (prima/primoria)</i>	151
2.2.2. Лексика с семантическим компонентом «цельное (неделимое) тело»: <i>corpora (prima/genitalia), corpuscula, semina (rerum)</i>	170
2.3. Понятие «пустота»: <i>inane, vacuum, spatium, locus</i>	173
2.4. Отклонение атомов: <i>clinamen</i> и <i>declinare/inclinare</i>	194
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА И СТРУКТУРА ДУШИ В ЭПИКУРЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ	
3.1. Проблема и структура души ($\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$) в эпикурейской философии...200	
3.2. <i>animus</i> и <i>mens</i> ($\tau\omicron\lambda\omicron\gamma\iota\kappa\omicron\nu\acute{o}\nu$).....221	
3.3. <i>anima</i> ($\tau\omicron\acute{\alpha}\lambda\omicron\gamma\omicron\nu$).....224	
3.4. <i>quarta natura animi omnino nominis expers</i> ($\acute{\epsilon}\kappa\ \tau\epsilon\tau\acute{\alpha}\rho\tau\omicron\upsilon\ \tau\iota\nu\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\kappa\alpha\tau\omicron\nu\omicron\mu\acute{\alpha}\sigma\tau\omicron\upsilon$).....225	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	229
Приложение к главе I.....	235
Приложение к главе II.....	236
Приложение к главе III.....	238
Словарь греко-латинских терминов и понятий эпикурейской философии...239	
Список сокращений.....	241
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	244

ВВЕДЕНИЕ

Многие античные мыслители посвящали свои произведения рассмотрению и исследованию природы, но так жадно и радостно, как Лукреций, не вглядывался в земной мир ни один античный философ и даже ни один поэт¹.

Ценность философской поэмы «О природе вещей», чудом сохранившейся за столько веков и избежавшей участи многих древних текстов, заключается в передаче монументального слепка античного мировоззрения в динамике и мысли, воспитанной по лучшим канонам греко-римской учёности. Несмотря на недостаток сведений о жизни Тита Лукреция Кара (род. ок. 98/94 – ум. между 55/50 гг. до н.э.)², можно с уверенностью признать, что перед нами хорошо образованный человек и даже – *sit venia verbo* – интеллектуал, поскольку широта осведомленности в философской проблематике, учениях и различиях школ, подробность анализа природных явлений и процессов говорят о незаурядной личности. Благодаря Лукрецию у нас есть возможность познакомиться с мировосприятием представителя классической эпохи, свидетеля ключевых событий периода заката Римской республики³.

В многогранной поэме «О природе вещей» сквозь призму видения поэта перед нашим взором раскрываются не только ожидаемые философская и научная картины мира, но и другие, вплоть до политико-правовой, содержащей в себе аспекты повседневной жизни римлян первой половины I века до н.э.:

¹ Васильева Т.В. Лукреций и его гений // Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикста, 2008. С. 671.

² Совсем немного известно об авторе поэмы подобно тому, как обычно мало знают о художнике, любясь его картиной. Даты жизни приводятся по С. Бейли. Подробнее см. добротную подборку сведений о биографии и происхождении имени Лукреция: Holford-Strevens L. Horror vacui in Lucretian Biography // Leeds International Classical Studies. Vol. 1.1. 2002. Pp. 1-23. Дискуссия и критика сведений биографов: Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. Pp. 1-12.

³ Несмотря на декларируемое желание славы, Лукреций не автобиографичен: он не оставляет никаких сведений о себе в своём творении. О датировке поэмы см.: Volk K. Lucretius' Prayer for Peace and the Date of De Rerum Natura // The Classical Quarterly. New Series. Vol. 60. № 1. 2010. Pp. 127-131.

Denique avarities et honorum caeca cupido
quae miseros homines cogunt transcendere finis
iuris et interdum socios scelerum atque ministros
noctes atque dies niti praestante labore
ad summas emergere opes, haec vulnera vitae
non minimam partem mortis formidine aluntur. (III 59-64)⁴

Денег алчба, наконец, и почестей жажда слепая
Нудят несчастных людей выходить за пределы закона
И в соучастников их обращают и в слуг преступлений,
Ночи и дни напролет заставляя трудом неустанным
Мощи великой искать. Эти язвы глубокие жизни
Пищу находят себе немалую в ужасе смерти⁵.

Именно в обыденной жизни человек сталкивается с одним из своих главных врагов – страхом смерти (*mortis formido*), борьба с которым выступает как один из приоритетных тезисов поэмы и эпикурейской философии.

Из-за особенной картины мира римлянина эпохи Пунических войн и специфики обычаев, нравов и взгляда на мироустройство философия с трудом приживалась на италийской почве. Предыстория философии в Риме – череда неудачных попыток закрепиться в новом, перспективном для себя ареале. В 173 году до н.э. из Рима выдворяют эпикурейцев Алкея и Филиска, в 155 году власти отправляют домой посольство видных греческих мыслителей, представлявших основные греческие эллинистические школы.

⁴ См. также о жажде власти, законах и их нарушении: V 1140-1160. Здесь и далее текст поэмы Лукреция цитируется по непревзойдённому в охвате материала фундаментальному изданию Сирила Бейли: *Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947.* В процитированных отрывках текст сопоставлялся со свежим изданием Лукреция: *Lucretius Carus, Titus. De Rerum Natura Libri VI / Ed. M. Deufert. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019.*

⁵ Как указывает Т.В. Васильева, «это одно из немногих мест поэмы, где поэт обращается к общественной жизни человека». См.: Тит Лукреций Кар. О природе вещей / Пер. с лат. Ф.А. Петровского, вступ. статья Т.В. Васильевой. М.: Худож. лит., 1983. С. 341. Русский перевод, если не указано иное, принадлежит Ф.А. Петровскому и дается по изданию: Лукреций. О природе вещей. Т. I / Ред. лат. текста и пер. Ф.А. Петровского. Т. II / Сост. Ф.А. Петровский. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л.: АН СССР, 1946-1947.

Философия была не в почете на государственном уровне⁶ до определённого времени, ещё в сер. II в. до н.э. не было принято заниматься ей открыто и позиционировать себя философом. Извинения Лукреция по этому поводу являются наглядным примером такого положения дел. Поэт оправдывается стремлением принести пользу:

Primum quod magnis doceo de rebus et artis
religionum animum nodis exsolvere pergo,
deinde quod obscura de re tam lucida pango
carmina, musaeo contingens cuncta lepore. (I 931-934 = IV 6-9)

Ибо, во-первых, учу я великому знанью, стараясь
Дух человека извлечь из тесных тенёт суеверий,
А, во-вторых, излагаю туманный предмет совершенно
Ясным стихом, усладив его Муз обаянием всюду.

Поэма «О природе вещей» являет удивительный продукт метаморфозы римского общества и менталитета. Некогда встречавшие препятствия греческая культура и философия теперь становятся для римского поэта основной темой, которую он искусно завуалировал в общих словах (*doceo de rebus magnis, de re obscura*), а противником – неверное понимание природы и давление ошибочных представлений, квинтэссенцию которых он находит в суевериях (*nodis arti religionum* «тесные тенета суеверий»). Лукреций движим пафосом борьбы с невежеством, борьбы за истинное счастье и духовную свободу для каждого человека.

1. Понятие термина и терминология работы

Прежде чем обратить внимание на содержание поэмы, необходимо определить, что можно считать термином, а что термином не является, каковы критерии выделения и признаки термина, как оценить эквивалентность перевода греческой терминологии в поэме.

⁶ Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: ГЛК, 2002. С. 548-560.

Профессор Эдинбургского университета писатель-популяризатор Р. Калдер писал: «Одной из главных трудностей в популяризации научных знаний является терминология, профессиональный язык... Научные термины, бывшие когда-то описательными, превратились теперь в загадочные. Иногда кажется, что их нарочно изобрели, чтобы ввести вас в заблуждение...»⁷. Ознакомившись с трудами терминоведов за последнюю половину века, легко убедиться, что среди специалистов нет согласия порой даже по ключевым, отправным пунктам, а дефиниции понятий отражают плюрализм мнений.

В терминоведении существует множество подходов к окончательной формулировке семантики и наполнения слова «термин». Это вызвано как углублением анализа собственного понятийного аппарата в отдельных науках, так и геометрическим ростом количества статей и монографий⁸, посвящённых данной области знания. Первую попытку собрать эти формулировки воедино и оценить успешность определений, как кажется, предприняла В.П. Даниленко, в монографии которой приводится 19 определений понятия «термин»⁹. По итогам своего обзора В.П. Даниленко «узаконивает ситуацию с множественностью определений понятия «термин», проводя аналогию с множественностью научного понимания термина «информация»»¹⁰.

⁷ Калдер Р. Сделать знание и опыт достоянием всех людей // Наука и человечество. М.: Знание, 1964. С. 79.

⁸ Ограничимся только основными влиятельными учебными пособиями по терминологии на русском языке: Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: АН СССР, 1961; Кандаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977; Гринёв-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008; Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2009; Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Кандаки. Изд. 6-е. М.: URSS, 2012.

⁹ Даниленко В.П. Русская терминология (Опыт лингвистического анализа). М.: Наука, 1977. С. 83-86. Цит. по: Шуфан С., Шелов С.Д. Термин как основная единица терминологии: разнообразие определений и единство понимания // Вопросы языкознания. № 6. 2017. С. 102.

¹⁰ Шуфан С., Шелов С.Д. Термин как основная единица терминологии: разнообразие определений и единство понимания // Вопросы языкознания. № 6. 2017. С. 102-103.

По-видимому, наиболее полной и актуальной на данный момент попыткой осмысления понятия «термин» необходимо считать фундаментальную статью интернационального тандема С. Шуфан и С.Д. Шелова¹¹. Учёные анализируют преимущества и недостатки около 60 различных определений¹² к этому важному слову, предложенных в русско-, англо-, немецко-, французско- и китайскоязычной литературе за последние 40 лет.

По мнению исследователей, в анализируемых определениях для многочисленной группы авторов необходимыми свойствами¹³ термина оказываются достаточно традиционно выделяемые его характеристики: точность; строгость понятия, стоящего за термином, или его наименования; непереносимое наличие дефиниции соответствующего понятия; системность понятия и, соответственно, его языкового выражения; ограниченность профессиональной сферой употребления. Как указывает на основе своих предыдущих работ С.Д. Шелов, условие точности и строгости обозначенного понятия (или его определения) не является ни достаточным, ни необходимым; остальные три – условие наличия дефиниции (определения) обозначенного языковым знаком понятия, требование системности термина, условие «профессиональности» обозначенного языковым знаком понятия не являются необходимыми¹⁴.

По результатам изучения столь серьёзной подборки формулировок С. Шуфан и С.Д. Шелова предлагают, как им кажется, более корректную дефиницию термина: «Термин – языковой знак (слово, словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т. п.),

¹¹ Ibid. P. 102-114.

¹² См. любопытное мнение А.А. Реформатского, что «термин – слуга двух господ: лексики и логики». Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1967. М.: Наука, 1968. С. 122.

¹³ По-видимому, самый полный список требований, предъявляемых к терминам, содержит 10 пунктов. См.: Кияк Т.Р. Лингвистические аспекты терминоведения: Учеб. пособие. Киев: УМКВО, 1989.

¹⁴ Шуфан С., Шелов С.Д. Термин как основная единица терминологии: разнообразие определений и единство понимания // Вопросы языкознания. № 6. 2017. С. 109-110.

соответствующий норме его употребления в профессиональном или ином сообществе и выражающий специальное понятие какой-либо области знания и в силу этого либо имеющий дефиницию (определение, толкование, объяснение), либо мотивированный другими языковыми знаками (словами, словосочетаниями, сочетаниями слов или словосочетаний с особыми знаками и т. п.), среди которых хотя бы один выражает специальное понятие и имеет в силу этого собственную дефиницию (определение, толкование, объяснение)»¹⁵.

Эта в некоторой степени громоздкая дефиниция для своей инновационной, второй части имеет толкование: языковая единица «полностью объяснима (мотивирована) своими составными частями-терминоэлементами», которое будет учитываться в данной диссертации. В целях практического удобства в данном исследовании за основу берётся лаконичное понимание слова «термин» О.С. Ахмановой: «Слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов»¹⁶. Лексические единицы находящейся в становлении терминологии Лукреция будут выявляться на основании соответствия этим двум определениям.

Обилие определений к слову «термин» и кажущаяся невозможность идеального окончательного варианта не должна удивлять, поскольку подобная ситуация наблюдается и в отношении лексемы «слово». По подсчётам И.Е. Аничкова, суммирующего подходы лингвистов к определению «слова», следует выделять 6 основных способов его толкования: 1) предельный минимум предложения; 2) минимальная синтаксическая единица; 3) минимальная значимая единица речи; 4) единица языка, совмещающая в себе фонетические, грамматические и семантические

¹⁵ Шуфан С., Шелов С.Д. Термин как основная единица терминологии: разнообразие определений и единство понимания // Вопросы языкознания. № 6. 2017. С. 111.

¹⁶ Ахманова О.С. Термин // Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 474.

признаки; 5) обозначение элемента действительности; 6) самостоятельный и цельный элемент речи¹⁷.

Переходя к структуре термина, следует пояснить, что означает слово «терминоэлемент». В.М. Лейчик пишет, что понятие терминоэлемента было развито и сформулировано в работах Д.С. Лотте, В.П. Даниленко, Т.Л. Канделаки и представляет собой морфему в однословном термине или целое слово в термине неоднословном¹⁸. В качестве примера можно привести количественные терминоэлементы: микромир, макромир, космомир, а также слово с комбинацией корневых морфем «гидроэлектростанция». «Элементная» структура лингвистических терминов «диглоссия» и «билингвизм» абсолютно идентична (ди- <греч. δίς «два» [вернее: дважды, двукратно] = би- <лат. bis; -глоссия γλῶσσα «язык» = -лингвизм <лат. lingua), но значение их различно: «диглоссия» обозначает социолингвистическое понятие – наличие в обществе двух вариантов коммуникативных средств, а «билингвизм» представляет скорее психолингвистическое понятие – практику попеременного пользования двумя или более языками¹⁹. Терминоэлементы могут подвергаться специализации: пять терминоэлементов медицины церебр(о)-, энцефал(о)-, миел(о)-, медулл(о)-, менинг(о)- распределяются по терминологическим полям «головной мозг», «спинной мозг», «костный мозг», причём один элемент может принадлежать одному или двум полям²⁰. Поэтому иногда можно говорить о дуплетности терминоэлементов разного происхождения.

Касаясь такого параметра термина, как размер, В.М. Лейчик считает правильным говорить не о краткости, а об «идеальной длине термина» и

¹⁷ Аничков И.Е. Об определении слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963. Цит. по: Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: URSS, 2012. С. 162-163.

¹⁸ Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 179.

¹⁹ Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: URSS, 2012. С. 190.

²⁰ Ibid. P. 189.

«оптимальной длине термина». Терминовед вводит математический подход: «Под идеальной длиной термина следует понимать такую его длину, при которой каждый терминологический элемент обозначает одно понятие из системы понятий данной отрасли. Эту величину можно обозначить... $n + 1$, причем в случае основного термина терминосистемы $n = 0$. Длина производного термина n -й степени составляет $n + 1$ терминологических элементов, где n равно количеству этапов деления понятия». В.М. Лейчик далее поясняет, что «оптимальная же длина термина – это такая его длина, при которой учитываются реальные условия образования терминов в определенной терминосистеме..., т. е. возможность обозначения основного понятия [некоторыми] m терминологическими элементами. Поэтому оптимальная длина термина равняется $m + n$ »²¹. Процитированный терминовед иллюстрирует свои соображения такими примерами: фототехника (основное понятие), цветная фототехника (производное понятие), кинофототехника (сложное понятие).

Важным выводом из осуществлённых учёными статистических подсчётов среднего размера терминов оказывается, что в таких областях, как философия, для русского языка имеется «общая тенденция к доминирующему использованию в качестве терминов словосочетаний... из четырех-пяти слов»²². Кроме того, среди 10 тысяч русских стандартизированных терминов, проанализированных И.Н. Волковой, однословных оказалось только 10,2%, двусловных 36,2%, а трёхсловных и более длинных 53,6%²³. Такая статистика свидетельствует, что многосоставный термин – это скорее норма, а не недостаток.

²¹ Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 51.

²² Данные Б.Н. Головина, Р.Ю. Кобрин, Л.А. Пекарской см. в: Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1987. С. 60-70. Цит. по: Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 51.

²³ Волкова И.Н. Стандартизация научно-технической терминологии. М., 1984. С. 77. Цит. по: Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: URSS, 2012. С. 132.

В.М. Лейчик замечает, что теория русского терминоведения находится в стадии становления и «можно констатировать также, что в новой терминоведческой теории уже... создается своя терминосистема, включающая такие единицы, как термин, вариант термина, терминойд, предтермин, терминойэлемент, терминойлогичность, терминойлогия, терминосистема, терминойлогизация, детерминойлогизация и многие другие»²⁴.

Рассмотрим по порядку эти важные понятия. В соответствии с афоризмом *nihil est simul inventum et perfectum* возникающие новые термины, без сомнения, могут быть несовершенными, неточными и очень протяженными: в таком случае их обычно считают терминойдами, прототерминами, предтерминами, квазитерминами²⁵. Терминойдами (ввёл А.Д. Хаютин) или квазитерминами также называют лексические единицы, обозначающие понятия с расплывчатым содержанием и объемом и потому не входящие в терминосистемы (напр., холод в физике)²⁶. Иногда выделяют «полутермин» – слово, имеющее флёр термина, но не являющееся таковым.

В науке нет единой позиции по вопросу сходства и различия *терминойлогии* и *терминосистемы*, но есть понимание, что «главные различия состоят в том, что терминойлогии складываются, а терминосистемы конструируются»²⁷. То есть терминойлогия – это термины в становлении, а пример сконструированной терминосистемы – макросистемы наподобие таксономии животных и растений К. Линнея, периодическая система элементов Д.И. Менделеева (но из данного определения, конечно, есть исключения – сложившаяся терминосистема понятий шахматной игры и др.).

Терминосистема включает несколько групп терминов: базовые термины (термин «атом» в системе терминов химии); основные термины,

²⁴ Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С.167.

²⁵ См., например: Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С.105.

²⁶ Ibid. P. 77.

²⁷ Ibid. P. 183.

которые обозначают понятия данной отрасли (термин «иск» в юриспруденции), а также производные и сложные термины²⁸.

Полная систематичность терминологии, по мнению Д.С. Лотте, достигается лишь при соблюдении трех условий²⁹: 1) Система терминов должна основываться на классификации, рассматривающей понятия в их развитии; 2) на основе классификаций выделяются необходимые и достаточные признаки, которые подлежат терминологическому отражению; 3) наконец, подбираются слова для образования термина, по возможности, отражающие общность данного понятия с другими и его специфичность.

Более наглядной иллюстрацией систематичности будет знаменитый хаотично оформленный принцип Н.В. Юшманова, который демонстрируется как нормативный не только молодому поколению³⁰, но и кочует по диссертациям и серьёзным монографиям: «Зная термин, знаешь место в системе, зная место в системе, знаешь термин»³¹.

Терминологизация обычно понимается в работах исследователей, как переход лексической единицы из состояния нетермина в состояние термина, а процесс детерминологизации, когда лексическая единица, используемая в функции термина в составе терминосистемы, перестает быть таковой. При этом некоторые термины, вышедшие из научного употребления, могут сохраняться в неспециальных сферах (напр., эфир: «выходить в эфир»)³².

Перманентный недостаток средств выразительности языка приводит к поиску удачных лексем в смежных, уже сложившихся понятийно сферах. Прежде чем стать терминами, такие единицы, как «нос» (корабля), «орбита»

²⁸ Ibid. P. 49-50.

²⁹ Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: АН СССР, 1961. С. 73.

³⁰ Терминология // Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В. Панов. М.: Педагогика, 1984. С. 303.

³¹ Юшманов Н.В. Грамматика иностранных слов (приложение) // Словарь иностранных слов / Под ред. Петрова Ф.Н. М.: «Советская энциклопедия», 1937. С.703. Э.П. Сवादост назвал этот принцип «идеал терминосистемы»: Сवादост Э.П. Как возникает всеобщий язык? М.: Наука, 1968. С. 43.

³² Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 29.

(лат. *orbita* «след от колеса, колея»), метафора (*metaphora* «перенесение»), были неспециальными лексемами соответствующего языка³³. Значение метафоры для формирования терминов трудно переоценить: «Интернет – заимствование, в основе которого лежит метафора, всемирная сеть – тоже заимствование или калька и тоже метафора, всемирная паутина (*web*) – калька-метафора, от которых образованы многочисленные производные термины»³⁴.

Наконец, необходимо согласиться с Б.Н. Головиным в том, что усилия исследователей «предписывать терминам и терминосистемам ультимативные требования («краткость», «точность», «однозначность», «отсутствие синонимии» и под.) пока мало что изменили в реальном положении вещей»³⁵.

Осталось оговорить несколько существенных лингвистических понятий и привести их дефиниции.

Консубстанциональные термины – лексические единицы, встречающиеся как в обыденной, так и в профессиональной речи³⁶.

Семантическое поле – «частичка действительности, выделенная в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы (семантическое поле времени)»³⁷.

Семантическая доминанта – «один из членов синонимического ряда, избираемый в качестве представителя главного значения, подчиняющего все дополнительные и господствующего над ними (русс. «идти» по отношению к «брести», «тащиться» и т.д.)»³⁸.

³³ Ibid. P. 28.

³⁴ Ibid. P. 76.

³⁵ Головин Б.Н. Типы терминосистем и основания их различия // Термин и слово. Межвузовский сборник. Горький: изд. ГГУ им. Н. И. Лобачевского, 1981. С. 10.

³⁶ Гринёв-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. С. 25.

³⁷ Ахманова О.С. Поле // Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 334.

³⁸ Ibid. P. 400-401.

Гипонимия – «одно из основных парадигматических отношений в семантическом поле – иерархическая организация его элементов, основанная на родо-видовых отношениях. Гипонимия базируется на отношении несовместимости – свойстве семантически однородных языковых единиц, соотносящихся с понятиями, объемы которых не пересекаются. Слова, соответствующие видовым понятиям (напр., ... «спаниель», «дог», «овчарка», «борзая» и др.), выступают как гипонимы по отношению к слову, соотносящемуся с родовым понятием («собака»), – гиперониму – и как согипонимы по отношению друг к другу»³⁹.

Для Лукреция как поэта важным параметром при подборе слов на роль термина оказывается фонетический облик слова или благозвучие. Как указывает С.В. Гринёв-Гриневич, благозвучность термина имеет два аспекта: во-первых, удобство произношения терминов требует их орфоэпической благозвучности. Во-вторых, термин не должен вызывать нежелательные ассоциации вне узкоспециального употребления, не должен обладать ассоциативной неблагозвучностью, что хорошо видно из сравнения следующей пары терминов: спаивание – пайка⁴⁰.

Таков основной понятийный аппарат, который понадобится в данной научной работе. Конечно, он далёк от полноты охвата и будет уточняться по необходимости в главах диссертации.

1.2. История исследования философской терминологии эпикуреизма

По сравнению с другими крупными философскими течениями в отношении эпикурейской философии, и даже в ученом сообществе, бытует мнение, что она банальна в своей простоте. Достаточно упомянуть в качестве примера мнение американского учёного В.Д. Хайда (начало XX века):

³⁹ Новиков Л.А. Гипонимия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е (репр.) изд. М.: БРЭ, 1998. С. 104.

⁴⁰ См.: Гринёв-Гриневич С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2008. С. 36.

«Эпикурейство это такой простой и ясный принцип, что он едва нуждается в толкователе»⁴¹. Однако, что это далеко не так, можно заключить из количества крупных филологов и философов, посвятивших свои усилия изучению наследия Эпикура (род. 342/341 – ум. 271/270)⁴², а также из значительного числа монографий, сборников, диссертаций⁴³ и, тем более, изданий текста Эпикура и, в особенности, Лукреция.

Среди наиболее ранних монографий, посвящённых общему изложению учения Эпикура, как кажется, можно назвать сочинение Пьера Гассенди⁴⁴, преданного поклонника и популяризатора учения данного греческого мыслителя. Первые⁴⁵ опыты в XIX веке, среди которых стоит упомянуть монографии крупного датского учёного Й.Н. Мадвига⁴⁶ и немецкого профессора Ф.В. Альтенбурга⁴⁷, носят характер текстологических и герменевтических штудий, направленных на филологическую сторону поэмы Лукреция.

⁴¹ «Epicureanism is so simple and transparent a principle that it scarcely needs an interpreter» в: Hyde W.D.W. *From Epicurus to Christ: a Study in the Principles of Personality*. New York; London: the Macmillan Company, 1904. P. 1. Краткий очерк истории эпикурейской школы, её представителей и схолархов см. в: Шахнович М.М. Эпикуреизм // *Античная философия. Энциклопедический словарь*. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 822-826; ещё один очерк истории школы и рецепции учения в европейской культуре последующих эпох см. в: Шахнович М.М. *Парадоксы теологии Эпикура*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000. С. 148.

⁴² Даты жизни по: Шахнович М.М. Эпикур // *Античная философия. Энциклопедический словарь*. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 815.

⁴³ За период с 1830-х годов до 1900 года автору данного исследования удалось насчитать минимум 35 диссертаций и некоторое количество монографий, изданных на латинском языке в Европе (Германия, Нидерланды, Франция) и посвящённых разностороннему изучению Лукреция.

⁴⁴ Gassendi P. *Opera Omnia*. T. III (*Syntagma philosophiae Epicureae*). Lugduni, 1658. О личности и творчестве П. Гассенди см., например, статью: Коньо Ж. Пьер Гассенди – возобновитель эпикуреизма // *Вопросы философии*. № 3 (пер. статьи из «*La Pensée*» № 63, 1955). М., 1956. С. 87-97.

⁴⁵ К сожалению, осталась недоступной для изучения работа Форбигера: Forbiger A. *De Lucretii carmine a scriptore senioris aetatis denuo pertractato*. Diss. Lipsiae, 1824.

⁴⁶ Madvig J.N. *Disputatio de aliquot lacunis codicum Lucretii*. Hauniae: Typis directoris J.N. Schultzii, 1832.

⁴⁷ Altenburg F.W. *Adnotationes ad T. Lucretii Cari aliquot locos Carminis de rerum natura*. Schleusingen, 1845.

Важной вехой в исследовании поэмы Лукреция необходимо признать диссертацию немецкого филолога А.Й. Рейзакера по общим проблемам эпикурейской доктрины, имеющую, однако, довольно неконкретное заглавие «*Quaestiones Lucretianae*». В этой работе он признаёт⁴⁸, что предшествующие учёные мало внесли для понимания истинной природы латинской поэмы, которое Рейзакер видит в объяснении философского содержания «О природе вещей» и сравнении с взглядами самого Эпикура. Исследователь привлекает материалы не только Эпикура, но и цитирует Энния, Цицерона, Варрона, Анаксагора, Эмпедокла, Еврипида, Аристотеля, Плутарха, Диогена Лаэртского, Секста Эмпирика, доксографию и т.д. Подвергаются последовательному рассмотрению такие разделы философии, как гносеология (каноника), атомистика, учение о душе, учение о небесных телах, а также впервые и вполне оправданно уделено пристальное внимание влиянию творчества Эмпедокла на Лукреция. Во второй своей работе⁴⁹, небольшой монографии по учению о душе, Рейзакер развивает положения, изложенные отдельным пассажем в упомянутой диссертации.

Без сомнения, достойны упоминания среди внесших существенный вклад в понимание и роль философского содержания поэмы довольно объёмный труд нидерландского исследователя Яна Волтьера⁵⁰ и диссертация немца Германа Пахнике⁵¹. Кроме того, не стоит забывать, по-видимому, первые серьёзные труды по основным разделам философии, написанные также по-латински: по канонике П.Ф. Тома⁵²; по этике М. Гийо⁵³.

⁴⁸ Reisacker A.J. *Quaestiones Lucretianae*. Diss. Bonnae: formis F.P. Lechneri, 1847. P. III.

⁴⁹ Reisacker A.J. *Epicuri de animorum natura doctrina a Lucretio discipulo tractata*. Coloniae Agrippinensium: excudebat J.P. Bachem, 1855.

⁵⁰ Woltjer J. *Lucretii philosophia cum fontibus comparata (Specimen litterarium)*. Diss. Groningae: apud P. Noordhoff, 1877.

⁵¹ Pachnicke H. *De philosophia Epicuri*. Diss. Halle: Typis expressit E. Hopf, 1882.

⁵² Thomas P.F. *De Epicuri canonica*. Parisiis: F. Alcan, 1889.

⁵³ Guyau M. *La Morale d'Épicure*. Paris, 1878.

Изучению эпикурейской атомистики были посвящены диссертации Т. Биндсейла⁵⁴ и мюнстерского священника И.В. Брауна⁵⁵.

Справедливо будет заметить, что данная диссертация И.В. Брауна имеет в качестве методической установки рассмотрение нескольких аспектов: на последней странице читаем вывод, в котором он подчеркнул все грани творчества Лукреция: «Itaque Lucretius miser philosophus, concinnus poeta, elegans Epicuri interpres, optimus linguae formator iure habebitur»⁵⁶. Во всех этих 4 ипостасях Лукреций имел непосредственное дело с языком. Кроме того, исследование Брауна содержит одну из самых ранних попыток выделить общий список терминов для понятия «атом»⁵⁷.

Указанная работа Т. Биндсейла включает в себя, вероятно, первую попытку аргументации и объяснения мотивации Лукреция для отказа от греческого термина «атом». Также автор предлагает список латинских соответствий этому термину и, что довольно значимо, указывает к некоторым из них греческие прототипы. Ту же самую продуктивную модель он повторяет для понятия «пустота»⁵⁸.

Как сможет убедиться любой исследователь, погрузившись в проблематику данной философской школы, приступить к рассмотрению истории исследования терминологии эпикуреизма невозможно иначе, как с Германа Узенера и его фундаментального труда «Epicurea»⁵⁹. Несмотря на отсутствие цельного специального очерка, посвящённого терминологии, сам основополагающий характер оглавления ко всему труду (особенно с. 443-

⁵⁴ Bindseil T. Nonnulla ad Lucretii de rerum natura Carminis librum primum et secundum qui sunt de atomis. Diss. Halae: formis Ploetzianis, 1865.

⁵⁵ Braun J.W. Lucretii de atomis doctrina. Diss. Monasterii: ex typographia E.C. Brunn, 1857.

⁵⁶ Ibid. P. 66.

⁵⁷ Ibid. P. 15.

⁵⁸ Bindseil T. Nonnulla ad Lucretii de rerum natura carminis librum primum et secundum qui sunt de atomis. Diss. Halae, formis Ploetzianis, 1865. P. 11-12; 16-17.

⁵⁹ Epicurea. Ed. H. Usener. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1887 (reprint New York, 2010). Фрагменты эпикурейцев цитируются по данному изданию. Новое переиздание классической монографии с переводом на итальянский язык и добавлением некоторых новых фрагментов осуществлено в Италии: Epicurea. Testi di Epicuro e testimonianze epicuree nella raccolta di H. Usener / Traduzione e note di I. Ramelli, presentazione di G. Reale, 3 ed. Milano: Bompiani, 2007.

445) может служить моделью и эталоном для любого системного исследования, поскольку уже содержит все базовые разделы: общие предварительные замечания (*Prolegomena philosophiae*) и три главы, включающие канонику (*Canonica*), физику (*Physica*), этику (*Ethica*). Также имеется рубрикация по обязательным терминам эпикуреизма, предвкусывающая и направляющая любые новые перспективные изыскания в этой области.

Первым же фундаментальным критическим изданием по Лукрецию и вехой в истории классической филологии принято считать труд Карла Лахмана⁶⁰.

Начало комплексного интереса среди зарубежных учёных к философской терминологии у Лукреция можно отсчитывать, по-видимому, с диссертации К.К. Рейли⁶¹. Она является неосознанным продолжателем традиций изысканий по атомистике А.Й. Рейзакера, И.В. Брауна, Т. Биндсейла. Конечно, эта научная работа, затрагивающая только атомистическую терминологию, не лишена недостатков, на которые указывает в своей рецензии авторитетный издатель Лукреция В.А. Меррилл⁶²: игнорирование некоторых базовых работ по терминологии Цицерона; рассмотрение ограниченного пласта лексики Цицерона – только той, которая имеет параллели в поэме Лукреция; категоричность и обилие неподкреплённых аргументацией критических выпадов в адрес ученых предшественников, свойственных, как вытекает из общего тона рецензии, молодым учёным. Тем не менее, большим преимуществом этого труда

⁶⁰ Lucreti Cari, Titi De rerum natura libri sex / C. Lachmannus recensuit et emendavit. Berolini: impensis Georgii Reimeri, 1850.

⁶¹ Reiley K.C. *Studies in the Philosophical Terminology of Lucretius and Cicero*. Diss. New York: Columbia University Press, 1909. Продолжил данную модель изучения общей философской терминологии и её параллельного перевода Лукрецием и Цицероном Ф. Петерс, см. в: Peters F. T. *Lucretius et M. Cicero quomodo vocabula Graeca Epicuri disciplinae propria Latine verterint*. Diss. Münster, 1926. Данная диссертация, к сожалению, осталась недоступна.

⁶² См. рецензию Меррилла на работу К.К. Рейли: Merrill W.A. Review on «Reiley K.C. *Studies in the Philosophical Terminology of Lucretius and Cicero*. Diss. New York: Columbia University Press, 1909» // *Classical Philology*. Vol. 5, Issue 2. 1910. P. 249.

можно признать попытку системного анализа, и притом с опорой на греческие первоисточники, одних и тех же понятий применительно к двум ключевым философским писателям Рима сер. I в. до н.э. Данная монография благодаря своей композиции, скорее напоминающей методическое пособие или словарь, может быть всё ещё крайне полезной на семинарских занятиях по античным языкам и истории философии.

Большую основополагающую работу, задавшую эталон научного изыскания по античной литературе и философии, а также масштаб которой невозможно переоценить, провел британский учёный Сирил Бейли⁶³. В своих комментированных изданиях Эпикура и Лукреция он затронул труднейшие термины данного философского направления (например, ἐπιβολὴ τῆς διανοίας⁶⁴) и дал небольшой обзор⁶⁵ философской лексики и понятий трех разделов (каноника, этика, теология), которые представлены у римского поэта менее ярко по сравнению с атомистикой. В другом своем произведении – монументальном исследовании по античной атомистике – он не только изложил основные взгляды и положения эпикурейской философии в рамках объемной главы (с. 217-534), но попытался рассмотреть отдельные дискуссионные моменты учения: спорные взгляды оппонентов⁶⁶ на термин πρόληψις «пролепсис»; ошибочность мнения Джуссани, которому казалось, что под понятием ὄγκος «масса, объём» скрывается нечто вроде «молекулы»

⁶³ Учёными предшественниками С. Бейли были Хью Эндрю Джонстоун Манро и Уиллиам Огастус Меррилл с их ставшими классическими англоязычными комментированными изданиями поэмы Лукреция: *Lucreti Cari, Titi De rerum natura libri sex. Vol. I-II* / Ed. H.A.J. Munro, 4th ed. London: George Bell and Sons, 1900; *Lucreti Cari, Titi De rerum natura libri sex* / Ed. W.A. Merrill. New York: American Book Company, 1907. Немного ранее Бейли выпустили свой комментарий, содержащий два подробных введения, американские филологи Уиллиам Эллери Леонард и Стэнли Барни Смит: *Lucreti Cari, Titi De Rerum Natura Libri Sex* / Ed. W.E. Leonard, S.B. Smith. Madison: the University Of Wisconsin Press, 1942.

⁶⁴ Epicurus. *The Extant Remains with short critical Apparatus* / Trans., ed. and noted by C. Bailey. Oxford: At the Clarendon Press, 1926. Pp. 259-274.

⁶⁵ *Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III* / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. Pp. 51-72.

⁶⁶ Bailey C. *The Greek Atomists and Epicurus*. New York: Russell and Russell, 1928 (repr. 1964). Pp. 557-559.

с латинскими параллелями *sacumen* «вершина, высшая точка» и *glomeramen*⁶⁷ «шар, комок»; а также некоторые точки зрения на связь «безымянного» четвертого элемента и разума⁶⁸.

Некоторые зарубежные исследователи анализируют преимущественно отдельные понятия и термины лукрециевой эпикурейской доктрины, почти не уделяя внимания связям и месту всех единиц в рамках всей совокупности терминов поэмы. Так, вопросу движения и отклонения первоначал посвятил свою монографию Э.А. Шмидт⁶⁹. Происхождением эпикурейской концепции пустоты и влиянием критики Аристотеля на ее усовершенствование занимался Б. Инвуд⁷⁰. Отдельным самым популярным терминам атомистики посвятил свою лаконичную статью Р. Кин⁷¹. Несмотря на привлечение греческого материала и продуктивность некоторых наблюдений, его изыскание уступает труду К.К. Рейли, имея значительно менее системный охват материала и игнорируя, к примеру, параллели в латинском языке Цицерона.

Из свежих зарубежных диссертаций достойно упоминания добротное по исполнению и комплексное по охвату материала сочинение Розарии Луцци, анализирующее поле латинских лексем с семантическим компонентом «вода» в поэме Лукреция⁷². Последние работы по атомизму посвящены его рецепции в более поздние эпохи. Плодотворно работает над исследованием Лукреция в трудах ренессансных мыслителей Е. Николи⁷³.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ibid. Pp. 581-587.

⁶⁹ Schmidt E. A. *Clinamen. Eine Studie zum dynamischen Atomismus der Antike*. Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2007.

⁷⁰ Inwood B. The Origin of Epicurus` Concept of Void // *Classical philology*. Vol.76. №4. Pp. 273-285.

⁷¹ Keen R. Notes on Epicurean Terminology and Lucretius // *Apeiron: A Journal for Ancient Philosophy and Science*. Vol. 13. № 2. 1979. Pp. 63-69.

⁷² Luzzi R. *Splendor aquai. Il lessico dell'acqua nel De rerum natura*. Tesi di dottorato in letteratura Latina. 2009-2010.

⁷³ Nicoli E. *Ficino, Lucretius and Atomism* // *Early Science and Medicine*. Vol. 23. №4. 2018. Pp. 330-361; Nicoli E. *Atoms, Elements, Seeds. A Renaissance Interpreter of Lucretius' Atomism* // *Lucretius Poet and Philosopher. Background and Fortunes of De Rerum Natura* / Eds Ph.R. Hardie, V. Proserpi, D. Zucca. Berlin; Boston: De Gruyter, 2020. Pp. 235-250.

Если обратиться к изысканиям по эпикурейской гносеологии⁷⁴, то нельзя не упомянуть содержательную статью Дэвида К. Глиддена. Он рассматривает, как в поэме описываются механизмы чувственного восприятия, анализируя лексему *sensus* и стоящие за ней эпикурейские понятия⁷⁵. Однако лингвистические особенности языка Лукреция, а также его терминотворческие установки исследователь не выявляет должным образом.

Продуктивным оказался другой, лингвистический подход к изучению доктрины каноники. Британско-американский филолог Э.А. Лонг⁷⁶, один из крупнейших исследователей античной философии, считает⁷⁷, что лингвистические взгляды Эпикура сильно полагаются на концепт, выраженный в термине *πρόληψις*. Изучив наследие Эпикура, он выделил такие термины, как: *εἶδωλα*, *αἴσθησις*, *φαντασία*, *πρόληψις*, *φανταστικὴ ἐπιβολή*, *ἐνάργεια*, *σαφήνεια*, *δόξαι*. Важным и, кажется, впервые подмеченным принципом оказывается то обстоятельство, что «при чтении эпикурейских текстов поражает множество технических терминов для выражения мыслительной деятельности: *διαλαμβάνειν*, *καταλαμβάνειν*, *περιλαμβάνειν*, *ἐμπεριλαμβάνειν*, *ὑπολαμβάνειν*, *ἐπιβάλλειν*, *ἐπινοεῖν* и так далее». Э.А. Лонгу удалось составить одно из наиболее удачных и доступных изложений группы терминов каноники.

⁷⁴ К сожалению, некоторые труды по эпикурейской канонике остались недоступны. По-видимому, определённый обзор гносеологической терминологии содержится в работах: Thomas P.F. *De Epicuri canonica*. Paris: F. Alcan, 1889; Merbach F. *De Epicuri Canonica*, 1909; Asmis E. *Epicurus' Scientific Method*. Ithaca, 1984; Васильева Т.В. Критерии эпикуровской «каноники» в интерпретации Лукреция и Цицерона // Из истории философского наследия древнего Средиземноморья Ч. I. М., 1989. С. 40-62.

⁷⁵ Glidden D. K. «Sensus» and Sense Perception in the «De rerum natura» // *California studies in Classical Antiquity*. Vol. 12. 1979. Pp. 155-181. О понятии пролепсис см. также: Glidden D. *Epicurean Prolepsis* // *Oxford studies in ancient philosophy (OSAPh)*. Vol. 3. 1985. P. 175-218.

⁷⁶ Э.А. Лонг автор такого классического труда, как антология текстов (с переводом и кратким комментарием) трёх философских школ: эпикуреизма, стоицизма, скептицизма: Long A.A., Sedley D.N. (edd.) *The Hellenistic Philosophers*. Vol. I-II. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 (repr.1998).

⁷⁷ Long A.A. *Aisthesis, Prolepsis and Linguistic Theory in Epicurus* // *Bulletin of the Institute of Classical Studies (BICS)*. Vol. 18. 1971. P. 114.

Одно из наиболее свежих комплексных исследований, посвящённых нравственной психологии, этике и эпистемологии, а также возникновению представлений о личности в учении Эпикура, принадлежит А. Немету⁷⁸.

Отсчет серьезных отечественных опытов исследования терминов стоит вести с фундаментальной книги – перевода поэмы «О природе вещей» Ф.А. Петровским, включающей в себя ценные статьи разных ученых, а также переводы фрагментов Эпикура и Эмпедокла, выполненные соответственно С.И. Соболевским и Г.И. Якубанисом⁷⁹. В комментариях к текстам Лукреция и Эпикура содержатся полезные пояснения по взглядам представителей этого философского направления, по терминологии школы, а зачастую даже приводится научная полемика, затрагивающая основные наиболее дискуссионные вопросы.

В отечественной научной литературе после указанного издания Ф.А. Петровского стали выходить целые серии статей, посвященных анализу отдельных философских понятий и терминологии у Эпикура и Лукреция. Основной вклад в исследование аспектов терминологии и понятий эпикурейской философии внесли такие отечественные учёные, как Н.Ф. Дератани, Я.М. Боровский, З.А. Покровская, Т.В. Васильева, С.А. Мельников.

Некоторые существенные проблемы, которые помогут лучше понять место Лукреция в античной философии, поднимает в своей краткой статье Н.Ф. Дератани. Он предлагает проанализировать и установить связи поэмы «О природе вещей» с предшествующими греческими дидактическими поэмами Περί φύσεως, а также связь поэта с его римским литературным окружением⁸⁰. Он также утверждает необходимость исследований по

⁷⁸ Németh A. Epicurus on the Self. London; New York: Routledge, 2017.

⁷⁹ Лукреций. О природе вещей. Т. I / Ред. лат. текста и пер. Ф.А. Петровского. Т. II / Сост. Ф.А. Петровский. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л.: АН СССР, 1946-1947. Следует уточнить, что перевод Г.И. Якубаниса (1906 года) даётся под редакцией Ф.А. Петровского, который дополнил его своей версией фр. 27а.

⁸⁰ Дератани Н.Ф. Lucretiana // ВДИ. № 1, 1950. С. 217-220.

риторической стороне поэмы, так как Лукреций явно не только поэтизирует сухой философский материал, но и проявляет ораторское мастерство.

Говоря о Лукреции, нельзя пропустить весьма продуктивного и тонкого исследователя, рассмотревшего многие аспекты творчества римского поэта – лексику, грамматику, поэтику, а также исторические первоисточники шестой песни «О природе вещей» и изображение мудреца-культурного героя⁸¹ в поэме. Речь идет о Якове Марковиче Боровском, известном также своим существенным вкладом⁸² в изучение атомистической терминологии эпикуреизма. О масштабе интеллектуального вклада в филологию и лукрециеведение красноречиво свидетельствуют труды, посвящаемые его научному пути⁸³.

Также весьма плодотворный научный путь, достойный самого Эпикура, демонстрирует Заря Алексеевна Покровская. Прежде всего она, что уже стало достаточно традиционным в научном сообществе, посвящает свое внимание подсистеме атомистической⁸⁴ терминологии. Затем, анализируя этические термины в произведении, приходит к мнению, что они довольно точно передают эпикуровские, редко меняя смысл, хотя и могут варьировать его в различных синонимических словесных оболочках, строго сохраняя содержание термина⁸⁵. Она выделяет такие термины как *bonum summum* «высшее благо», *bonum commune* «всеобщее благо», *commune malum* «всеобщее зло», *pietas* «благочестие», заключающееся не в соблюдении религиозных обрядов, а в полном спокойствии духа, *aequus animus*

⁸¹ Боровский Я.М. Образ Эпикура у Лукреция. В кн.: *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 115-125; Боровский Я.М. Поэтика доказательства у Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 126-40; Боровский Я.М. Лукреций и Фукидид // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 140-50.

⁸² Боровский Я.М. О термине *natura* у Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 151-163; Боровский Я.М. Обозначение вещества и пространства в лексике Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 164-185.

⁸³ Верлинский А.Л. Лукреций в трудах Я.М. Боровского // *Philologia Classica*. Вып. 6. *Cathedra Petropolitana*. СПб, 2004. С. 69-87.

⁸⁴ Покровская З.А. Первоначала, пустота и вселенная в философском словаре Лукреция // ВДИ. № 4, 1960. С. 83-101.

⁸⁵ Покровская З.А. Основные понятия этики у Лукреция и Эпикура // ВДИ. № 4, 1966. С. 157-166.

«безмятежность», соответствующая эпикуровской атараксии, *religio* «суеверие». Большинство из них представляют словосочетания, в то время как Эпикур, как правило, пользуется одиночным словом. Подводя итоги, З.А. Покровская замечает, что для «создания этической терминологии Лукреций пользуется своими обычными средствами – субстантивацией, перифразой и синонимией, совершенно избегая неологизмов и сводя новаторство к лексико-семантическому переосмыслению известных и бывших в обиходе слов и словосочетаний»⁸⁶. Отдельные аспекты происхождения и функционирования философских понятий у философов-поэтов и преемственность Лукреция в отношении этих греческих поэтов были рассмотрены в специальной монографии⁸⁷. З.А. Покровская – редкий исследователь Эпикура и Лукреция, который уделил внимание ключевым параметрам термина: «Первостепенное значение в термине имеет точность, полная устойчивость и определенность»⁸⁸. Конечно, З.А. Покровская также не обошла вниманием характеристику Эпикура в поэме «О природе вещей»⁸⁹, руководствуясь рассмотрением *laudes Epicuri* «с точки зрения композиции поэмы, гносеологических и этико-эстетических принципов» поэта.

Т.В. Васильева в своих работах затрагивает проблему мировоззрения Лукреция, неортодоксальных элементов и стоических влияний в его философской концепции. Сравнивая атонизм Эпикура и Лукреция, она приходит к выводу, что различия между двумя концепциями проявляются на лексическом уровне⁹⁰: Лукреций, по ее мнению, опускает в этимологии термина «пролепсис» (один из канонов эпикурейской гносеологии) указание на обращенность вперед, переводя его как «знакомство» (*notitia*), тогда как

⁸⁶ Ibid. P. 166.

⁸⁷ Покровская З.А. Античный философский эпос. Лекции по спецкурсу. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. Особенно см. главу II «Философский эпос в Риме», раздел 4 «Философская терминология», с. 45-51.

⁸⁸ Ibid. P. 45.

⁸⁹ Покровская З.А. *Laudes Эпикуру в поэме Лукреция* // Вопросы античной литературы и классической филологии / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1966. С. 266-280.

⁹⁰ Васильева Т.В. Лукреций и его гений // Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикста, 2008. С.671-672.

Цицерон по её мнению калькирует точно⁹¹, вводя в философский обиход слово «антиципация» (*anticipatio*) как перевод термина Эпикура. Исследователь отмечает соответствие греческого τὰ φαινόμενα «явления» латинскому *res apertaе*. Васильева также последовательно разбирает с точки зрения вкладываемого семантического содержания отдельные лексемы: *species* – внешний облик объективного мира в представлении Лукреция, *ratio* – предлагаемый им путь объяснения видимого, *natura* – проясненный лик мироздания. Она рассматривает образ матери-природы, указывает на его эволюцию и связь с постепенно выплывающим пессимизмом Лукреция: «Лик природы, изображенной Лукрецием, ужасен... Лукреций сумел свести человека к природе, но не сумел найти союза между ними»⁹².

Некоторые последующие работы не привнесли существенного вклада в понимание формирования атомистической философии и мотивированности терминологического аппарата в поэме Лукреция⁹³.

Из современных отечественных ученых исследованием концепта времени в эпикурейской философии занимался С.А. Мельников⁹⁴. Путём убедительных параллелей он установил, что существует прямая зависимость Эпикура от Аристотеля в его представлении времени как «сопутствующего феномена», а трактовка феномена времени как «симптома симптомов» восходит непосредственно к Аристотелю (Arist. *Physica* IV, 10-14). В

⁹¹ Cicero *De nat. deor.* I 16, 43 - 17, 44.

⁹² Васильева Т.В. Философия и поэзия Лукреция как выражение единого мироощущения // Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикста, 2008. С.730.

⁹³ Чекалова Е.И. К проблеме стихотворной формы поэмы Лукреция "О природе вещей" // *Philologia classica*. № 1. Л., 1977. С. 134-137; Чекалова Е.И. О характере изложения натурфилософии у Эпикура и Лукреция // *Philologia Classica*. № 2. Л., 1982. С. 180-187.

⁹⁴ Мельников С.А. Аристотель и Эпикур о понятии времени // Аристотелевские чтения. Античное наследие и современные гуманитарные науки. Ростов-на-Дону, 2011. С. 19–24. Вопросу изучения феномена времени по сохранившимся папирусам из общего фундаментального труда Эпикура посвящена статья: Cantarella R., Arrighetti G. Il libro «Sul tempo» (PHerc. 1413) dell'opera di Epicuro «Sulla natura» // *Cronache Ercolanesi. Bolletino del Centro Internazionale per lo Studio dei Papiri Ercolanesi*. № 2. 1972. Pp. 5-46; также см.: Barigazzi A. Il concetto del tempo nella fisica atomistica // *Epicurea: In memoriam Hectoris Bignone miscellanea philologica* / Ed. M. Untersteiner. Genova, 1959. Pp. 29-59.

настоящий момент исследователей преимущественно интересуют проблемы этической философии Эпикура⁹⁵.

Даже беглый обзор диссертаций, опубликованных по Лукрецию во второй пол. XX в., демонстрирует, что этот автор не был обделён вниманием, но исследователи посвящали свои штудии жанру, композиции, эстетической стороне поэмы⁹⁶. Существенный прогресс в понимании Эпикура и Лукреция представлен фундаментальным трудом А.Л. Верлинского, материал которого содержит анализ происхождения и развития языка в теории Эпикура, а также взгляды философа на истоки звуковой коммуникации и происхождение артикуляции звуков в человеческом обществе⁹⁷.

В последнее время наблюдается бурный рост публикаций, закладывающих фундамент для новых прорывов в лукрециеведении. Эти труды концентрируются на текстологическом изучении поэмы⁹⁸, на создании улучшенных версий текста⁹⁹ и разработке комментариев к книгам поэмы¹⁰⁰.

⁹⁵ Бровкин В.В. Концепция добродетели у Эпикура // СХОЛН. Т. 6, вып. 2. Новосибирск: Ред.-изд. центр Новосиб. гос. ун-та, 2012. С. 340-349.

⁹⁶ Покровская З.А. Поэтическое творчество Лукреция. М., 1953; Васильева Т.В. Эстетические принципы творчества Лукреция (к вопросу об аутентичности рукописного текста поэмы «О природе вещей»). М., 1969; Чекалова Е.И. Философская поэма Лукреция «О природе вещей» (жанровая специфика). Л., 1974; Степанов В.Г. Композиция поэмы Лукреция «О природе вещей». Архитектонические планы вступлений и композиционная техника автора. Тбилиси, 1987.

⁹⁷ Верлинский А.Л. Античные учения о возникновении языка. Автореферат дисс. докт. филол. наук. СПбГУ, 2008.

⁹⁸ Butterfield D. A Dozen Lucretian Emendations // *Philologia Classica*. № 16 (1). St.Petersburg, 2021. Pp. 158-169.

⁹⁹ Lucretius Carus, Titus. *De Rerum Natura Libri VI* / Ed. M. Deufert. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019.

¹⁰⁰ Deufert M. *Kritischer Kommentar zu Lukrezens De rerum natura*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018; Nail Th. *Lucretius I: An Ontology of Motion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018 (книги 1-2); Nail Th. *Lucretius II: An Ethics of Motion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020 (книги 3-4); Nail Th. *Lucretius III: A History of Motion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022 (книги 5-6). Здесь нельзя оставить без упоминания актуальный комментарий В. Лапини на Письмо к Геродоту и биографию Эпикура, включающий полемические заметки о некоторых изданиях и исследователях: Lapini W. *L'Epistola a Erodoto e il Bios di Epicuro in Diogene Laerzio. Note testuali, esegetiche e metodologiche*. Roma, 2015.

Методически важной для всех занимающихся исследованиями понятий и языка античной философии следует назвать статью С.С. Аверинцева¹⁰¹. Несмотря на то, что учёный не занимался напрямую эпикурейцами, он приводит ценные наблюдения из собственного опыта изучения античных философских текстов. Учёный говорит о муках добросовестного подхода и ложных ожиданиях, вызванных сложившимися стереотипами. Например, он замечает: «Термины «эйдос» и «идея» у Платона употребляются, в общем, чрезвычайно редко. 408 текстов с «эйдосом» и 96 с «идеей», это что-то почти невероятное. 96 случаев «идеи» на сотни и тысячи страниц, – это носит характер курьеза». Упоминая факт однократного употребления популярного термина *κάθαρσις* в «Поэтике» Аристотеля, С.С. Аверинцев вступает в заочную полемику с А.Ф. Лосевым и задаёт существенный вопрос, в конце концов, всему научному сообществу: «Так как же, термин *κάθαρσις* или не термин? По-видимому, какой-то минимум терминологичности за этим словом приходится признать...; осуществленное Аристотелем переосмысление можно назвать *катахрезой* термина, как бы паратермином»¹⁰². Если такова глубина и неразрешимость проблем с весьма плодовитыми и популярными философами, то какие апории ждут при обращении к натурфилософам и второстепенным мыслителям. Наконец, совершенно оправданно на примере критики двух приведённых ложных ожиданий С.С. Аверинцев предостерегает исследователя, что «современный подход к греческим философским текстам настоятельно требует реалистического, осмотрительного, чуткого подхода к специфике становящейся терминологичности»¹⁰³.

Завершить обзор исследований эпикуреизма и атомистики хотелось бы, упомянув дискуссионную, но практически полезную сферу – создание словарей терминологии античной философии. Довольно любопытный опыт

¹⁰¹ Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление абстрактно-литературного ряда // Новое в современной классической филологии. М., 1979. С. 41-81.

¹⁰² Ibid. С.50.

¹⁰³ Ibid.

составления системного словника представлен в учебно-методической литературе. Пособие А.С. Степановой¹⁰⁴ выступает как весьма продуманный курс с ясной и бесспорной структурой блоков. Однако самой полезной стороной книги стоит признать раздел 7.4 «Словарь античных философских терминов», который предлагает экспозицию базовых лексем общего языка и философских понятий на греческом и латинском языках, а также раздел 7.2. «Термины византийской философии и культуры», включающий дефиниции и варианты толкования. Пособие А.С. Степановой было найдено в течение работы над диссертацией и подтвердило необходимость составления словарей понятийного аппарата отдельных философских школ.

Подводя итог истории исследования вопроса, можно заметить тенденцию, что как в зарубежной, так и в отечественной филологии интерес к философской терминологии у Лукреция носит стабильный характер. Если говорить о ключевых фигурах, современных Лукрецию, чья философская лексика привлекла внимание ученых, то стоит обязательно упомянуть пусть и очень ограниченную, но все же попытку системного анализа цельного пласта философской лексики в латинском языке на материале Цицерона, которую предприняла Т.К. Фомина¹⁰⁵.

Введение 3. Цицерон и латинская философская терминология: грамматика и методы перевода

Творчество Цицерона – важная веха в развитии латинской литературы и формировании канона классического латинского языка. Его заслуги на поприще создания философской терминологии и языкового новаторства не

¹⁰⁴ Степанова А. С. Древний язык: генезис философских понятий: Учебно-методическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. Необходимо отметить, что название пособия выбрано, может быть, не самое удачное, так как подразумеваются прежде всего классические языки – греческий и латинский, а не египетский, санскрит или китайский. Возможно, корректнее было бы сформулировать титул как «Языки античной философии: генезис понятий» или «Греческий и латинский языки: генезис философских понятий».

¹⁰⁵ Фомина Т.К. Философская терминология Цицерона (на основе анализа трактата «De finibus bonorum et malorum»). Автореф. дисс. к. филол. н. М., 1958.

вызывают сомнений. Однако применять Цицерона как источник по философии эпикуреизма необходимо с большой осторожностью и, как предостерегает¹⁰⁶ С. Бейли, только там, где есть параллельная традиция. Общие взгляды Цицерона на перевод философских понятий¹⁰⁷ и на словотворчество, разумеется, требуют отдельного, монографического сочинения¹⁰⁸. Здесь мы бы хотели довериться уже проведённому Т.К. Фоминой изысканию по очень показательному философскому произведению Цицерона – «*De finibus bonorum et malorum*» – и принять во внимание его основные находки и заключения.

Во-первых, согласно результатам анализа Т.К. Фоминой, полученным на материале трактата «*De finibus bonorum et malorum*», Цицерон приводит по вопросам физики в основном терминологию эпикурейцев, по вопросам этики и теории познания – стоическую¹⁰⁹. Важным выводом из наблюдений исследовательницы является «тяготение Цицерона к терминологии Стои»,

¹⁰⁶ Bailey C. *The Greek Atomists and Epicurus*. New York: Russell and Russell, 1928 (repr. 1964). P. 230.

¹⁰⁷ О том, что каждой сфере присуща своя терминология, см., например, Cic. *De fin.* III 4. Методике выявления терминов в творчестве Цицерона посвящена статья: Nagnajewicz M. *The Technique of identifying Greek terms and their Latin equivalents in Cicero's scientific writings* // *Annales de Lettres & Sciences humaines (Société des Lettres & Sciences de l'Université catholique de Lublin)*, 19. 1971. Pp. 5–44. По эстетической терминологии Цицерона полезны работы крупного отечественного латиниста Федорова Н.А.: Федоров Н.А. Лексическая группа *lepos, lepidus, lepide* в системе эстетической лексики Цицерона // *Живое наследие античности. Вопросы классической филологии IX* / Под ред. А.А. Тахо-Годи, И.М. Нахова. М., 1987. С. 213-230; Федоров Н.А. Семантическая специфика термина *venustas* в текстах Цицерона // *Античность в контексте современности. Вопросы классической филологии X* / Под ред. А.А. Тахо-Годи, И.М. Нахова. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 113-127

¹⁰⁸ Самыми ранними научными работами по Цицерону переводчику греческой философии, по-видимому, являются следующие диссертации: Bernhardt C.M. *De Cicerone Graecae philosophiae interprete*. Diss. Berlin, 1865; Hartfelder C. *De Cicerone Epicureae doctrinae interprete*. Diss. Caroliruhae, 1875; Behncke G. *De Cicerone Epicureorum philosophiae existimatore et iudice*. Berlin: Druck von A.W. Hayn's Erben, 1879. Кроме того, достойна упоминания довольно полезная монография француза Виктора Клавеля, снабжённая греко-латинским словариком соответствий в языке Цицерона, а также двумя переводами автора книги из эпикурейцев Федра и некоего анонима: Clavel V. *De M.T. Cicerone Graecorum interprete. (accedunt etiam loci Graecorum auctorum cum M.T. Ciceronis interpretationibus et Ciceronianum lexicon Graeco-Latinum)*. Paris, 1868.

¹⁰⁹ Фомина Т.К. *Философская терминология Цицерона (на основе анализа трактата «De finibus bonorum et malorum»)*. Автореф. дисс. к. филол. н. М., 1958. С.6.

что в определенной мере сказывается на том, что Цицерон под влиянием своих симпатий и ученых предпочтений «термины и понятия Стои часто применяет к понятиям других философских школ, в частности, к понятиям эпикурейской философии»¹¹⁰. Как кажется, такие вольности римского мыслителя отчасти можно объяснить иллюзиями первопроходца, пренебрегающего объективной научной необходимостью в своем увлечении мессианством, что становится видно на примере несколько самоуверенного утверждения, что до Цицерона философия была в пренебрежении: *philosophia iacuit usque ad hanc aetatem nec ullum habuit lumen litterarum Latinarum* (Cic. Tusc. disp. I 3)¹¹¹. Таким образом осторожная позиция Бейли подтверждается для, как минимум¹¹², одного крупного произведения римского писателя.

Второй отличительной чертой метода Цицерона-философа по Т.К. Фоминой стоит считать «большее количество абстрактных слов-терминов, чем у других писателей – современников Цицерона или предшественников: Энния, Лукреция и Варрона»¹¹³. В этом отношении особо ценной можно признать небольшую выборку статистики по творчеству самого Цицерона, обобщённую в работе М. фон Альбрехта: отглагольные существительные с окончанием на *-mentum* встречаются более чем в два раза чаще, слова на *-io* в три раза чаще, а производные с окончаниями на *-us* и *-tas* в четыре раза чаще в философских трактатах по сравнению с речами; кроме того, абстрактных существительных на *-ntia* порядка сорока, в то время как в речах они

¹¹⁰ Фомина Т.К. Философская терминология Цицерона (на основе анализа трактата «De finibus bonorum et malorum»). Автореф. дисс. к. филол. н. М., 1958. С.8.

¹¹¹ Текст Цицерона цитируется по: Kennedy S.M. M. Tulli Ciceronis Tusculanarum Disputationum De Libro Primo Commentarius. Diss. for the degree of doctor of philosophy in classics. University of Exeter, 2010. P. 27.

¹¹² Ср. также иную идеологическую установку, которую откровенно признаёт за собой Цицерон: «Ведь ораторское искусство имеет много общего с той философской системой, которой мы следуем: оратор заимствует у Академии тонкость мысли, а взамен отдает ей изобилие и красоту речи» (Циц. О судьбе II 3, См. по: Цицерон, Марк Туллий. О судьбе // Цицерон. Философские трактаты / Пер. М.И. Рижского. М.: Наука, 1985. С. 300).

¹¹³ Фомина Т.К. Философская терминология Цицерона (на основе анализа трактата «De finibus bonorum et malorum»). Автореф. дисс. к. филол. н. М., 1958. С. 10.

довольно редки¹¹⁴. О том, как важен подбор нужного слова, говорит тот факт, что «в философских трактатах Цицерон предпочитает слово *dementia* (безумие) более сильному *amentia* (сумасшествие), *demens* оказывается в два раза более частотным, чем *amens*»¹¹⁵. Однако ещё более неожиданным, озадачивающим и поразительным оказывается наблюдение, что «словарь философских произведений [Цицерона], несмотря на их меньшее число, не только шире словаря речей, но также более красочный и разнообразный»¹¹⁶.

Тезис Т.К. Фоминой о своеобразии языковой манеры Цицерона-философа подкрепляется также на синтаксическом уровне: «В философских трудах Цицерона глагол в личной форме часто помещается скорее в середине, а не в конце предложения. Однако на первых 15 страницах «*De natura deorum*» преобладает обычная постановка в конце фразы»¹¹⁷. Ещё более любопытной и неожиданной оказывается дистанция в стилистическом оформлении цитат между философами академико-перипатетического периода и базовыми эллинистическими школами: «В отличие от цитат из Платона, Ксенофонта и Аристотеля, которые в то же самое время служат художественным украшением¹¹⁸, переводы из Эпикура и Стоиков чисто технические»¹¹⁹. Таким образом набор лексических единиц и стиль могут

¹¹⁴ Albrecht M. von. *Cicero's Style: a synopsis*. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden, Boston: Brill, 2003. P.29. Альбрехт приводит данные со ссылкой на следующие работы: Hofmann J.B., Szantyr A. *Lateinische Syntax und Stilistik*. rev. ed. München, 1972 (2nd repr. 1997). Ss. 742-745; Müller H. *Ciceros Prosaübersetzungen*. Diss. Marburg, 1964. Ss. 126-136.

¹¹⁵ Albrecht M. von. *Cicero's Style: a synopsis*. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden, Boston: Brill, 2003. P. 28-29. Со ссылками на Парцингера: Parzinger P. *Beiträge zur Kenntnis der Entwicklung des Ciceronischen Stils*, 2nd part. Landshut, 1912. Ss. 42f.

¹¹⁶ Albrecht M. von. *Cicero's Style: a synopsis*. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden, Boston: Brill, 2003. P.28.

¹¹⁷ Ibid. P. 86.

¹¹⁸ А. Тралья выявил некоторое количество поэтизмов в языке трактата «*De natura deorum*» (II 39, 98): *globosus*, *perlucidus*, *liquor*, *fluitare*, *innare*. Сенека подвергает критике Цицерона за использование таких составных слов как *suaviloquens* или *breviloquentia*. Подробнее см. в: Albrecht M. von. *Cicero's Style: a synopsis*. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden, Boston, 2003. P. 32; Traglia A. *La lingua di Cicerone poeta*. Bari, 1950. P. 112, 126.

¹¹⁹ Albrecht M. von. *Cicero's Style: a synopsis*. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden, Boston: Brill, 2003. P. 91. Альбрехт ссылается в данном случае на работу: Müller H. *Ciceros Prosaübersetzungen*. Diss. Marburg, 1964. Ss. 75–88.

весьма наглядно иллюстрировать исходные идеологические установки автора перевода, его философские ориентиры.

Третья, довольно показательная особенность методологии Цицерона по наблюдениям Т.К. Фоминой заключается в том, что, когда он употребляет обыденные слова в новом, специально-философском значении или когда создает неологизм¹²⁰, он приводит эти слова-термины в сопоставлении с их греческим прототипом. В то же время, как указывает М. фон Альбрехт, «даже в философских произведениях технические термины относительно менее частотны, чем греческие заимствования, касающиеся культуры и повседневной жизни»¹²¹. Как будет продемонстрировано далее, Лукреций придерживается совершенно иного метода: по возможности не допускает грецизмов и варваризмов в терминологии (за двумя исключениями, не касающимися эпикурейской лексики), вводя термин с кратким или долгим перифрастическим предвосхищением. При этом во втором аспекте получается схожая картина, так как греческие слова из других областей культуры не встречаются видимых ограничений в поэме Лукреция.

Только четвертая черта методологии Цицерона оказывается общей с Лукрецием – богатая синонимия в терминологии. Благодаря уже осуществленным попыткам осмысления роли и причин синонимии¹²², актуальным, по крайней мере, для какой-то части творчества Цицерона, теперь представляется возможным сравнить две методики, две

¹²⁰ Краткий очерк о проблеме так называемых «переносных значений» слов и непоследовательности в классификации тропов на материале всего лишь двух трактатов Цицерона «De Oratore» и «Orator» см. в: Федоров Д.А. Феномен полисемии слов в протолингвистическом учении Цицерона // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 2 (92). 2015. С. 62-66.

¹²¹ Albrecht M. von. Cicero's Style: a synopsis. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden, Boston: Brill, 2003. P. 114.

¹²² Фомина Т.К. Философская терминология Цицерона (на основе анализа трактата «De finibus bonorum et malorum»). Автореф. дисс. к. филол. н. М., 1958. С. 18: «Причиной употребления этих синонимов являются не стилистические требования, не поверхностность в работе, не «поиски и нащупывание» новых терминов, хотя это частично имеет место; основной причиной является стремление Цицерона по возможности точно и полно отразить все нюансы греческого термина. Цицерон много и упорно работает над созданием нужного термина – «saepe quaerimus verbum Latinum par Graeco et quod idem valeat» (Cic. De fin. II 13).

терминотворческие парадигмы авторов противоположных жанров – прозы и поэзии. Сразу бросается в глаза, что порой Цицерон-прозаик позволяет себе даже большую вариативность¹²³ терминологии, чем поэт Лукреций. Особенно, к примеру, это касается труднообъяснимого многообразия при передаче термина τὰ πρώτα κατὰ φύσιν: *res secundum naturam, prima naturae, prima elementa naturae, principia naturae, initia, initia naturae, initia et semina, prima data, prima naturalia*. Фомина приходит к любопытному выводу, что концентрация вариантов Цицерона «по данному понятию несравненно богаче, чем терминология стоиков...»¹²⁴. Учитывая уже упомянутые научные труды по терминологии Лукреция, можно говорить с определенной долей уверенности, что такова общая тенденция для латинской философии сер. I до н.э., потому что и у римского поэта отдельные понятия изобилуют вариантами больше, чем у Эпикура. По данному параметру можно констатировать схожесть герменевтических установок двух латинских философских писателей.

При этом Т.К. Фомина подмечает интересную деталь: «синонимы имеют только вновь созданные термины или термины, взятые из обиходной лексики и употребленные в переносном значении», а такие термины, как *malum, bonum, honestum, honestas, virtus, voluptas, sensus, cupiditas, sapientia, iustitia*, не имеют вариантов. Важный лаконичный итог изысканий указанной исследовательницы по методологии Цицерона заключается в том, что «термины же, передающие новые для римлян понятия греческой философии, все имеют синонимы»¹²⁵.

Здесь стоит оговориться, что для переводческой техники Лукреция дело обстоит не совсем так: множеством вариантов он, вероятно, нащупывает оптимальный, представляя тем не менее оценку и выбор наиболее удавшихся

¹²³ Свою методику и вариативность выражений Цицерон объясняет так: «... erit enim notius quale sit pluribus notatum vocabulis idem declarantibus» (Cic. De fin. III 14).

¹²⁴ Фомина Т.К. Философская терминология Цицерона (на основе анализа трактата «De finibus bonorum et malorum»). Автореф. дисс. к. филол. н. М., 1958. С. 19.

¹²⁵ Ibid. P. 18.

находок на суд читательского сообщества, поскольку все-таки поэма Лукреция – это научно-популярный трактат. Во-вторых, стоят особняком такие новые для римского уха понятия как *clinamen* «отклонение» (*παρέγκλισις*) и *potitia/-es* «преставление», «пролепсис» (*πρόληψις*), не получившие синонимов.

Завершить этот обзор методологии Цицерона без одной любопытной, но довольно дискуссионной гипотезы невозможно. К.К. Рейли выдвигает саму собой напрашивающуюся концепцию¹²⁶ связи характера человека и методики его работы с терминами: «Индивидуальный характер каждого человека, [так же] как и воздействие особого отношения его определенной философской школы, без сомнения имел огромное влияние на упорство, с которым он вцеплялся и распоряжался термином». В конце концов исследовательница приходит к выводу, что даже в узком смысле, то есть применительно к технической терминологии, «стиль – это человек»¹²⁷. К сожалению, позиция К.К. Рейли остается малоубедительной в отношении метода Лукреция и совсем неубедительной по отношению к Цицерону¹²⁸. Сравнивая методику перевода одного и того же эпикурейского термина *γαργαλίζειν*¹²⁹ «раздражать», «возбуждать» двумя римскими авторами¹³⁰,

¹²⁶ Reiley K.C. *Studies in the Philosophical Terminology of Lucretius and Cicero*. Diss. New York: Columbia University Press, 1909. Pp. 29-32.

¹²⁷ Ibid. P.32. О стиле философских сочинений Цицерона см. размышления признанного специалиста по латинскому языку Михаэля фон Альбрехта в подразделе «Философские трактаты» в главе 1 «Отличия жанра», главе 2 «Нюансы стиля в рамках отдельных трудов», главе 3 «Хронологическое развитие стиля» в: Albrecht M. von. *Cicero's Style: a synopsis*. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden, Boston: Brill, 2003. Pp. 27-45; 85-92; 114-116.

¹²⁸ См. там же, например, весьма произвольные и необоснованные суждения: «В результате он [Цицерон] был наибольшим платоником из всех платоников. Принцип невозможности абсолютного достижения любого вида истины был похож на потребность его характера и результат его обучения и карьеры».

¹²⁹ Лукреций переводит эту лексему как «titillare sensus», Цицерон более осторожно «has leviores dicis voluptates quibus quasi titillatio (Epicuri enim hoc verbum est) adhibetur sensibus» (Cic. De nat. deor. I 113), «si ea sola voluptas esset quasi titillaret sensus» (Cic. De fin. I 39).

¹³⁰ Традицию комплексного синхронного анализа методов и результатов, правда, только на эпикурейском материале, двух крупнейших римских философских писателей вслед за

она определяет подход Лукреция, как «ясная и простая строгость», в то время как Цицерона – *indefinitive terminology* «неопределенная терминология»: «Его quasi и quidam, его привычка двойного перевода, оговорки, варианты, частые сдвиги значения, – все выдают робкий перевод платоника»¹³¹. Данная точка зрения, как представляется, нуждается в более глубокой проработке и надежной, лишенной субъективности аргументации.

В конечном счёте стоит принимать во внимание основной вывод М. фон Альбрехта, что философская терминология Цицерона находится где-то в промежуточном положении между риторикой и эпистолографией: она менее пуристична, чем риторическая, но в ней он менее свободно пользуется греческим словарём, чем в письмах¹³².

Введение 4. Общая характеристика работы

Данная диссертация посвящена изучению становления атомистической терминологии эпикуреизма в латинском языке на материале поэмы Тита Лукреция Кара (ок. 98/94 - между 55/50 гг. до н.э.) «О природе вещей», выявлению связей и влияния на неё оформившейся на греческом языке терминосистемы афинского философа Эпикура (342/341 - 271/270 до н.э.), определению терминотворческих установок Лукреция при работе с готовым иноязычным материалом. Поэма Лукреция, являющаяся одним из первых дошедших до нас крупных философских произведений на латинском языке, представляет собой богатый материал, иллюстрирующий становление философской терминологии на римской почве.

К.К. Рейли, похоже, продолжил Фридрих Петерс: Peters F. T. Lucretius et M. Cicero quomodo vocabula Graeca Epicuri disciplinae propria Latine verterint. Diss. Münster, 1926.

¹³¹ Reiley K.C. Studies in the Philosophical Terminology of Lucretius and Cicero. Diss. New York: Columbia University Press, 1909. P. 32. Сравни более осторожное мнение фон Альбрехта: «Всякий раз, когда в своих философских сочинениях Цицерон дерзает вводить новые слова и отстаивать их употребление, он обычно извиняется за свои неологизмы, вводя объяснительное предложение или, по крайней мере, вставляя quasi (как бы) или quidam (некий, своего рода)». См. по: Albrecht M. von. Cicero's Style: a synopsis. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden, Boston: Brill, 2003. P. 34.

¹³² Albrecht M. von. Cicero's Style: a synopsis. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 114.

Актуальность и степень научной разработанности темы

Изучение терминологии науки не теряет своей актуальности вследствие плюрализма взглядов на сущность и определение термина, на признаки и требования, предъявляемые к этому средству языка. Специалисты отмечают ускоренную динамику изменений и рост интереса к проблемам терминоведения в последние тридцать лет. Терминолог В.М. Лейчик замечает, что теория русского терминоведения сейчас находится в стадии становления и «можно констатировать также, что в новой терминоведческой теории уже... создается своя терминосистема»¹³³.

Кроме того, диссертация представляет собой междисциплинарное исследование на стыке терминоведения, истории античной философии, классической филологии, литературоведения, языкознания. Дополнительным фокусом работы является трудная проблема переводоведения: методика работы Лукреция по переводу специальной философской литературы, осложнённая намеренной сменой жанра и стиля.

Творчество Эпикура и Лукреция вызывает стабильный интерес. Отдельные стороны собственно эпикурейской терминологии в поэме уже неоднократно привлекали внимание учёных и комментаторов. Тем не менее вне поля зрения осталось изучение философской атомистической терминологии Лукреция как цельной системы с применением филологических методов анализа. Комплексных работ по атомистической терминологии греческой и латинской эпикурейской философий за последние 40 лет, прошедшие с диссертации К.К. Рейли, статей Г. Властоса, Б. Инвуда, Р. Кина, Я.М. Боровского и З.А. Покровской, не появилось. Как правило, много внимания исследователями уделяется терминологии Цицерона, но редко анализируется параллельная работа Лукреция. В то же время на рубеже XX-XXI вв. терминоведческая наука сделала серьёзный шаг вперёд в понимании сущности и признаков термина, понятийного аппарата своей

¹³³ Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2009. С. 167.

дисциплины, процессов терминологизации и детерминологизации. Кроме того, перечисленные во Введении 2. исследователи, за редкими исключениями, не обращались к материалу эпикурейской философии с позиции учёта языковых установок Эпикура и Лукреция, объяснения мотивации получившегося термина, исследования методологии работы поэта с иноязычным материалом.

В связи с тем, что судить о творчестве представителей античной философии по отдельным понятиям представляется не совсем корректным методом, возникла необходимость выявить репрезентативную совокупность понятийно-категориального, терминологического аппарата атомистики эпикуреизма в поэме «О природе вещей». Это бы позволило более аккуратно толковать и сопоставлять тексты эпикурейцев, адекватнее понимать доксографию и системы взглядов древних мыслителей, надёжнее и с меньшим количеством ошибок работать с рукописными находками, поскольку к античным авторам нужен подход через их собственный инструментарий.

Привлечение доксографии для изучения эпикуреизма и античной философии не ново со времён Г. Узенера, однако преимуществом данной работы является применение достижений современного терминоведения к проблеме взаимоотношения эпикурейской терминологии с доксографической традицией, к проблеме перевода сложившейся иноязычной системы терминов.

Наконец, достаточно редко появляются труды в духе концепции В. Клавеля, К.К. Рейли или Т.К. Фоминой, разбирающие терминологию отдельного произведения или всего творчества системно, ещё меньше имели конечной целью создание сводного словаря специальной терминологии автора с необходимыми греческими прототипами. Данная диссертация предполагает отчасти восполнить пробел по атомистике Эпикура-Лукреция. Польза такого рода словарей в качестве пособия для учебных целей бесспорна.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является греческая и латинская атомистическая терминология философии эпикуреизма, представленная в поэме Лукреция и сочинении Диогена Лаэртского, а также релевантная доксографическая традиция, изложенная в монографии Г. Узенера¹³⁴.

Предметом изучения стали особенности слово- и формообразования, функционирования и перевода терминов атомистики на латинский язык. Этимологические, семантические, морфологические, синтаксические, метрические параметры терминов подвергаются рассмотрению, учитывая языковые принципы (кредо) Эпикура и Лукреция, мотивацию римского поэта при выборе конкретной терминообразовательной модели и конечного облика термина. Разбирается языковое и композиционное оформление способов ввода терминов.

Материал исследования охватывает цельные произведения Эпикура – три письма «К Геродоту», «К Пифоклу» и «К Менекею», собрание изречений Κύρια Δόξα (KD)¹³⁵ «Главные мысли», которые дошли до нас в изложении Диогена Лаэртского, составителя сборника «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»¹³⁶, а также так называемые «Ватиканские фрагменты»¹³⁷. При наличии параллелей учитывается авторитетная доксографическая традиция, собранная Г. Узенером. Латинский материал представлен всеми шестью песнями поэмы Лукреция «О природе вещей».

В связи с нерешённостью вопроса о самобытности понятийного аппарата Диогена из Эноанды, жившего спустя 4 века после Эпикура, привнесением собственных сочинений (т.н. «Трактат по физике») к трудам

¹³⁴ Epicurea. Testi di Epicuro e testimonianze epicuree nella raccolta di H. Usener. Traduzione e note di I. Ramelli, presentazione di G. Reale, 3 ed. Milano, 2007.

¹³⁵ KD = Κύρια Δόξα, собрание из 40 афоризмов Эпикура, отражающих в основном этическую проблематику.

¹³⁶ Данный трактат Диогена Лаэртского (III в. н. э.) – единственный дошедший до нас сводный труд античной эпохи, в котором имеются биографические сведения о всех известных древнегреческих философах и излагаются их учения.

¹³⁷ Sententiae Vaticanae (Sent. Vat.) – Ватиканское собрание эпикурейских изречений, обнаруженное в конце XIX в. в греческом кодексе XIV в.

учителя при публикации, а также плохой сохранностью атомистической части в его изложении тексты данного философа не привлекались. Как отмечает М.М. Шахнович, «расшифровка надписи [из Эноанды] в наше время стала похожа на разгадывание головоломки»¹³⁸. По схожим причинам пришлось отказаться от учитывания фрагментов Деметрия Лаконского (ок. 150-75 до н.э.). Использование текстов Диогена и Деметрия потребовало бы решения целого ряда проблем, находящихся за пределами задач данной диссертации: аутентичность слов Эпикура, диахроническая эволюция учения, специфика эпикурейского кружка в провинциальном городе (Эноанда, Милет), активная полемика с другими школами и т.д. Ограничив предмет диссертации наследием Эпикура в изложении Диогена Лаэртского и доксографии, получаем возможность повысить аккуратность исследования без рассмотрения вопросов диахронического развития учения в трудах последователей Эпикура и полемики преемников.

Цель и задачи работы

Настоящая диссертация ставит **целью** определить пласт атомистических терминов в поэме Лукреция, выявить закономерности в образовании и функционировании латинских терминов атомистики, установить типы преобладающих моделей терминообразования.

Эти общие цели предполагают решение целого ряда **задач**:

1. Выяснить, какова методология Лукреция: является ли атомистическая терминология Лукреция заимствованием лексики или она результат выражения греческих понятий собственными средствами латинского языка.
2. Попытаться определить характер связей терминов внутри поэмы: является ли вся совокупность терминов системой, своеобразной *elaborata concinnitas* (Cic. Orator 84) «достигнутая трудом стройность»

¹³⁸ Шахнович М.М. Диоген из Эноанды // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 332.

(пер. Н.А. Федорова) или же представляет собой случайное скопление лексических единиц. Её решение поможет уточнить степень оригинальности или подражательности манере Эпикура.

3. Исследовать влияние филологических установок Эпикура и Лукреция на оформление системы терминов, оценить степень собственного вклада Лукреция в римский эпикуреизм.
4. Проследить роль этимологии (в том числе народной) и этимологические связи терминов в формировании понятийной системы Лукреция с точки зрения современной науки. Проследить динамику поведения терминов (морфология, синтаксическая роль в предложении, определения, синонимы) и контекстуальную мотивацию в латинской поэме.
5. Определить доминирующие параметры при выборе слов на роль термина. Установить, какие терминоформы предстают наиболее продуктивными в языке Лукреция.
6. Рассмотреть способы именования Эпикура в поэме и влияние учительских культов на обожествление греческих философов, что имело место в рамках школы Эпикура.
7. Составить краткий словарь соответствий греко-латинской терминологии эпикурейской школы эллинистической философии, по данным наследия Эпикура, Лукреция, доксографии. Конечно, данная задача, в том, что касается составления единого полезного подручного словника, уже отчасти оказалась предвосхищённой в одном недавнем методическом пособии¹³⁹.

Методология и методические основы исследования

Исходными параметрами при работе с греческим и латинским материалом было многостороннее изучение каждого потенциального

¹³⁹ Степанова А. С. Древний язык: генезис философских понятий: Учебно-методическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2010.

термина: этимология и подразумеваемые этимологические и ассоциативные связи слов с прочей лексикой языка (народная этимология), морфология и особенности склонения, синтаксическая роль и синтагматические связи, метрика. Правильность выбранного подхода подтверждается авторитетом Б. Снелля, чьи лексикографические принципы оказались схожи: каждое слово исследовать в 4 аспектах (этимология, семасиология, грамматика, метрика). Латинская философская терминология Цицерона привлекалась как вспомогательное средство, по материалам анализа Т.К. Фоминой философского трактата «De finibus bonorum et malorum», К.К. Рейли и М. фон Альбрехта¹⁴⁰ трактатов данного писателя.

В диссертации применялись 3 метода:

1. Количественный метод. Доминантный анализ терминов по лексическим полям. Выявление гиперонима, основных и периферийных (факультативных) единиц словаря.
2. Сравнительно-текстологический метод. Анализ представленных в поэме лексем, претендующих на роль терминов, в сравнении с их греческими прототипами. Одним из достоинств данного метода является то, что он позволяет вскрыть удачность и продуктивность моделей словообразования и терминовтворчества.
3. Историко-филологический метод – анализ материала на стыке дисциплин. Лингвистико-литературоведческий комментарий сочетается с привлечением истории создания и взаимовлияния философских понятий. Определяются неявные (внелингвистические) механизмы (напр., эвфония или благозвучие), действующие при становлении системы философской терминологии. Принимаются в расчёт рукописные разночтения, некоторые конъектуры издателей.

¹⁴⁰ Albrecht M. von. Cicero's Style: a synopsis. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden; Boston, 2003; Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I / Пер. с нем. А.И. Любжина. М., 2002.

В целях большей ясности и во избежание смешения со словами в их базовых значениях терминами в данной диссертации будут считаться те лексемы, которые наделяются свойствами и силой термина посредством неоднократного употребления, устойчивого функционирования в определенных контекстах, четкой корреляции с греческим первоисточником.

В целях практического удобства в данном исследовании за основу берётся лаконичное понимание слова «термин» О.С. Ахмановой: «Слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов»¹⁴¹.

Теоретической базой диссертации послужили исследования отечественных и зарубежных специалистов по Эпикуру и Лукрецию (Я.М. Боровский, З.А. Покровская, Т.В. Васильева, А.Й. Рейзакер, И.В. Браун, К.К. Рейли, П. Фридлендер, Г. Властос, Р. Кин, Б. Инвуд), эпикуреизму (М.М. Шахнович, Г. Узенер, С. Бейли), античной философии (С.С. Аверинцев, Д. Клэй), по стилистике (М. фон Альбрехт, В.С. Дуров, А.И. Солопов), античной антропологии (Э.Р. Доддс, Р. Онианс), терминоведению (О.С. Ахманова, С.В. Гринёв-Гриневиц, В.М. Лейчик, Д.С. Лотте, С. Шуфан и С.Д. Шелов). При анализе семантики во внимание принимались работы по древнегреческой и латинской этимологии и латинскому словообразованию (П. Шантрен, Х. Фриск, Р. Бикс, Й. Покорны, А. Эрну и А. Мейе, А. Вальде и Й.Б. Хофман, М. де Фаан).

Научная новизна

Научная новизна диссертации состоит в том, что комплексно исследуются две системы терминов – материнская (греческая) и производная (латинская). Термины, когда это оправданно, изучаются с точки зрения их этимологии и потенциальных этимологических связей, семантики,

¹⁴¹ Ахманова О.С. Термин // Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М., 1966. С. 474.

морфологии, синтаксических связей и роли в предложении, метрики. В работе впервые представлено комплексное освещение роли стилистических средств (парономасии, перифразы, аллитерации, плеоназмов) не только для слов общего языка, но и для конструируемой совокупности терминов. Для лучшего понимания взаимосвязи терминов в работе предлагается выделять основные типы семантических полей. В диссертации впервые предпринята попытка исследовать роль филологических установок и мотивацию Лукреция при выборе лексем на роль термина. Также доказывается многокомпонентная природа души в эпикурейской философии, обосновывается её включение в атомистику, анализируются греческие прототипы и становление иерархично организованных групп терминов семантических полей «вещество души» и «структура души».

Теоретическая значимость исследования

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в применении методов современного терминоведения к античному поэтическому тексту, а также во введении в научный оборот метода комплексного всестороннего анализа выявленного терминологического слова. Диссертация служит апробацией эффективности терминологического анализа, учитывающего стилистику и учение о тропах и фигурах. Примененные подходы могут быть моделью для историков философии, терминоведов, специалистов по теории и практике перевода, специалистов по античной палеографии.

Практическая значимость исследования

Практическая значимость результатов состоит в том, что они могут быть использованы при комментированном чтении текстов греческой и римской литературы на семинарских занятиях (Эпикур, Лукреций), в углубленных курсах по древнегреческой и латинской грамматике, стилистике древнегреческого и латинского языков, в курсе по истории античной философии.

Полученный сводный словарь атомистической терминологии Лукреция с необходимыми греческими первоисточниками Эпикура и доксографии может применяться в качестве материалов для учебных целей. Вероятно, такой тип словаря будет бесполезен при текстологической и палеографической работе с находками рукописей эпикурейцев из Помпей и Геркуланума.

Положения, выносимые на защиту

На защиту выносятся следующие положения:

1. В поэме присутствует пласт лексики, относящийся к философской атомистической терминологии, поскольку эти лексемы обладают признаками термина. Атомистическая терминология Лукреция – результат выражения греческих понятий собственными средствами латинского языка, но с использованием семантических калек¹⁴².

2. Терминология Лукреция находится в становлении, но лексические единицы организуются в первичные неоднородные семантические поля: обширное по количеству лексем семантическое поле «атом, тело, первоначало», в иерархичное семантическое поле «пустота», почти равномерное семантическое поле «компоненты души» каждое со своими доминантами и периферийными лексемами. Исключением являются обособленные термины *clinamen*, *reperta*, *ratio*.

Образцовым термином выступает *materia/-es*, показательными можно считать *primordia (rerum)*, *inane*. Однако ряд перифрастических выражений и лексем не обладают в достаточной степени признаками термина или не соответствуют терминообразующим критериям, поэтому скорее должны быть признаны терминоидами (*spatium*, лексика семантического поля «вещество души»).

¹⁴² Имеется два случая заимствования из греч. языка с одновременной терминологизацией в языке-реципиенте: *harmonia* (III 100, 118, 131; IV 1248) и *homoeomeria* (I 830, 843), но данные слова не относятся к атомистике и эпикурейскому словарю в целом.

3. Язык и ресурсы стилистики служат Лукрецию доказательством действия законов атомистики, а метод поэта заслуживает определение «наглядно-акустически доказуемый атомизм»¹⁴³ и отражает индуктивную эпикурейскую модель познания: через наглядные проявления в буквенном и фонетическом строении слов слушателю предлагается понять скрытые феномены и законы природы.

4. Благозвучие, семантика и метрика являются ключевыми параметрами при выборе слова на роль термина. При этом этимология играет важную роль для некоторых групп терминов.

5. Синонимия, взаимозаменяемость вариантов и взаимодополняемость падежных форм метрически отличных слов составляют главный инструментарий поэта в создаваемом словаре атомистической терминологии.

6. Структура души по Лукрецию в основном повторяет традиционную эпикурейскую модель, сохранившуюся благодаря изложению в доксографии. Душа в эпикурейской философии не является цельным и неделимым образованием, но имеет многокомпонентную природу как с точки зрения образующего её вещества, так и складывающихся её частей, по-разному локализуемых в теле человека.

7. Особое почитание основателя учения Эпикура, своеобразный культ учителя-мудреца, существовавший в эпикурейской школе, находит отражение в лексическом материале поэмы. Именование Эпикура проходит эволюцию от *homo* и *pater* через *victor* и *sol* к апофеозу – *deus*.

Апробация результатов исследования

Материалы диссертации излагались в докладах и обсуждались в ходе дискуссий на международных конференциях: «Индоевропейское языкознание и классическая филология. Чтения памяти профессора И.М.

¹⁴³ Эта формулировка возникла под влиянием лаконичного принципа «etymology is atomology», выявленного П. Фридлендером: Friedländer P. Pattern of Sound and Atomistic Theory in Lucretius // The American Journal of Philology. Vol. 62. № 1. 1941. Pp. 16-34.

Тронского» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2013, 2014, 2016, 2017 гг.), на конференции «Ломоносовские чтения» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014, 2017, 2019, 2020 гг.), на конференции «Классическая филология в контексте мировой культуры – IX. Новолатинская традиция в Европе. Научные чтения, посвящённые памяти О.Д. Никитинского (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016 г.)»; на всероссийских конференциях: «Классическая филология в контексте мировой культуры – XIV. Научные чтения, посвящённые памяти профессора Д.Е. Афиногенова (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021 г.)» и на научно-практической конференции «Греко-латинская лингвокультурология» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019 г.); а также обсуждались в выступлениях на заседаниях кафедры классической филологии филологического факультета МГУ.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения. К диссертации прилагаются три приложения по главам, краткий словарь греко-латинских терминов и понятий атомистики эпикуреизма, список сокращений, список литературы. Текст работы включает 6 таблиц.

ГЛАВА 1. Соотношение поэзии и философии. Проблема перевода греческого философского понятийного аппарата на латинский язык

1.1. Предшественники Лукреция в жанре дидактической поэмы и поэтической форме.

Ко времени расцвета философии в Риме¹⁴⁴ в сер. I в до н.э. уже существовала богатая традиция рассуждения о философских проблемах в поэтической форме. Ксенофан, Парменид и Эмпедокл представляют свои взгляды и мысли о природных процессах в гекзаметрических стихах. Т.В. Васильева пишет о том, на что по её мнению ориентировались и с чем или с кем собирались бороться первые мыслители, избравшие для коммуникации стих вместо прозаических аксиом: «Ксенофан, а за ним Парменид и Эмпедокл пытались победить грозного соперника, овладев его оружием: пусть философия изъясняется не безликими формулами и туманными намёками, а картинами и сравнениями гомеровского образца. Фрагменты первых философских поэм немногочисленны и невелики; их достаточно, чтобы оценить решимость авторов соревноваться с Гомером, но слишком мало, чтобы судить, до какой степени удалось или, вернее сказать, не удалось это предприятие»¹⁴⁵. Упоминая эти преюбности, нельзя пройти мимо сравнения двух великих поэтов, которое совершенно неслучайно проводит Аристотель в «Поэтике» (Поэтика I. 1447 b 17): «У Гомера и Эмпедокла нет ничего общего, кроме размера. Поэтому первого правильно называть «поэтом», а второго — натурфилософом [«физиологом»] скорее, чем поэтом»¹⁴⁶.

¹⁴⁴ А.Ф. Лосев называет первый период римской философии (III-I вв. до н.э.) «просветительским», поскольку именно тогда возникли «те же освободительные течения, с которых начался и греческий эллинизм». См. в: Лосев А.Ф. Римская философия // Словарь античной философии. М.: Мир идей, АО Акрон, 1995. С. 188.

¹⁴⁵ Васильева Т.В. Философия и поэзия Лукреция как выражение единого мироощущения // Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикста, 2008. С. 31-32.

¹⁴⁶ Фрагменты ранних греческих философов / Пер. с изд. подгот. А.В. Лебедев, отв. ред. и авт. вступ. ст. И.Д. Рожанский. Ч.1. М.: Наука, 1989. С. 339.

Мнение Васильевой, как представляется, близко к истине. Чтобы преодолеть старое мифологическое¹⁴⁷ сознание надо представить важное учёное содержание не менее увлекательным и, что более существенно, возвышенным, задающим новые ценности и приоритеты. Творческий путь ионийского поэта и философа Ксенофана¹⁴⁸ (акмэ 540-537 гг. до н.э.) демонстрирует первые осторожные попытки в этом направлении. Во-первых, Ксенофан «посвятил одну поэму основанию родного Колофона, другую же – колонизации Элеи (в две тысячи стихов), в которой он принимал участие и где создал известную философскую школу (DL IX 18)»¹⁴⁹. Во-вторых, Ксенофан – философ критического направления; своей системы он не создал, но стал предтечей Элейской философии¹⁵⁰. Его философский эпос, позднее озаглавленный «О природе», содержал критику мифологических толкований явлений природы¹⁵¹. В лице Ксенофана мы встречаем первую, облечённую в аргументы критику поэтов за неверный подход к толкованию общечеловеческих и философских проблем. При этом Ксенофан ругает поэтов, будучи сам поэтом, и делает это не за выбранную форму (поэзия), а за подход к содержанию: «Писал эпические стихи, элегии и ямбы против Гомера и Гесиода, бичуя сказанное ими о богах. Но и сам в качестве рапсода декламировал собственные стихи. Говорят, что он полемизировал с Фалесом

¹⁴⁷ О переходе от мифологии к логической картине мира (от мифа к логосу) см., например, краткую подборку мнений и монографий на русском языке в: Комарова В.Я. Становление философского материализма в Древней Греции (Логико-гносеологический аспект диалектики философского познания). Л.: ЛГУ, 1975. С. 129-130.

¹⁴⁸ Одна из последних работ по проблемам философии Ксенофана: Егорочкин М.В. Земля Ксенофана (21 В 28; А 47 DK) // ΣΧΟΛΗ. Т. 13, вып. 2. Новосибирск: Ред.-изд. центр Новосиб. гос. ун-та, 2019. С. 554-579.

¹⁴⁹ Фрагменты ранних греческих философов / Пер. с изд. подгот. А.В. Лебедев, отв. ред. и авт. вступ. ст. И.Д. Рожанский. Ч.1. М.: Наука, 1989. С. 157; Лаптева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI-VI вв. до н. э. СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009. С. 397.

¹⁵⁰ Подробнее см., например: Лосев А.Ф. Элейская школа // Словарь античной философии. М.: Мир идей, АО Акрон, 1995. С. 5.

¹⁵¹ Позднев М. М. Ксенофан // Хрестоматия по литературе Древней Греции: Эпоха культурного переворота / Пер. с др.-греч.; сост. М. Позднев. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 196.

и Пифагором [В 7]...»¹⁵². Как сообщает традиция, Эмпедокл брал за образец Ксенофана; у него учился и его эпической поэзии подражал¹⁵³.

Приведённый список философов-поэтов не случаен: это представители западно-греческой, элейской философии, к которым по географическому принципу и испытанному влиянию примыкают труды Эмпедокла¹⁵⁴. О верном подходе исследователей в сопоставлении Эмпедокла и Лукреция и продолжении первопроходческих штудий немецкого филолога А.Й. Рейзакера свидетельствуют продолжающиеся публикации¹⁵⁵ на данную тему и включение этого поэтического «преемства» в словарные статьи¹⁵⁶. Косвенным подтверждением служит пример учёного Б. Инвуда: от изучения аспектов эпикурейской философии по материалам Эпикура и Лукреция его интерес сместился к проблеме творчества Эмпедокла.

Т.В. Васильева высказывает довольно любопытную мысль о том, что легитимация философских занятий в социуме проходила далеко не в последнюю очередь благодаря работе над качеством языка произведения и литературными достоинствами: «Поиски философского языка переходили в борьбу за литературное, а тем самым и общественное место философии, причем главная языковая проблема здесь даже еще не в том, как сказать, какими словами передать мысль, но о чём говорить, что равносильно тому, о чём мыслить»¹⁵⁷.

¹⁵² Фрагменты ранних греческих философов / Пер. с изд. подгот. А.В. Лебедев, отв. ред. и авт. вступ. ст. И.Д. Рожанский. Ч.1. М.: Наука, 1989. С. 157.

¹⁵³ Ibid. P. 157.

¹⁵⁴ Об учении Эмпедокла см. монографии: Егоров А.С. Проблемы реконструкции учения Эмпедокла. Автореферат дисс. к. филос. н. М., 2007; Inwood В. The poem of Empedocles, revised ed. Toronto, 2001. Первый комментированный перевод на русский язык новых фрагментов поэмы Эмпедокла, обнаруженных А. Мартином и О. Примавези в составе Страсбургского папируса, выполнила А.С. Афонасина. См.: Афонасина А.С. Страсбургский папирус Эмпедокла. Новосибирск: Центр изучения древней философии и классической традиции НГУ; Офсет-ТМ, 2021.

¹⁵⁵ Garani M. Empedocles redivivus: poetry and analogy in Empedocles and Lucretius. New York; Abingdon: Taylor & Francis, 2007.

¹⁵⁶ Лебедев А.В. Эмпедокл // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 802-803.

¹⁵⁷ Ibid. P.10.

Об обязательном характере такого фактора, как работа над языком в уже подготовленной развитой языковой среде для возникновения философской литературы, говорит О.А. Донских: «в поэтически богатой среде философы начинают работу по выработке специальных абстрактных терминов, без которых совершенно невозможно было бы в принципе поставить вопросы о первоначалах, о движении, о мире»¹⁵⁸.

Если касаться сферы государственных дел и управления, нельзя не вспомнить, как еще Солон излагал свою политическую программу в элегической форме¹⁵⁹, а Цицерон написал две поэмы¹⁶⁰, в которых описывал свою политическую деятельность и заслуги на государственном поприще («О моем консульстве») и недавнюю бурную политическую историю («Марий»¹⁶¹). Оратор и политик Цицерон также перевел с греческого¹⁶² на латинский две научные поэмы «Явления» и «Прогностика»¹⁶³ (Aratea) Арата из Сол (ок. 315 - 240), который был популярен в Риме, и эти переводы скорее всего были знакомы Лукрецию.

¹⁵⁸ Донских О.А. Поэзия как начало философии и науки // ΣΧΟΛΗ. Т. 13, вып. 2. Новосибирск: Ред.-изд. центр Новосиб. гос. ун-та, 2019. С. 718.

¹⁵⁹ Покровская З.А. Античный философский эпос. Лекции по спецкурсу. М., Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 4.

¹⁶⁰ О Цицероне как поэте и влиянии его поэтической техники на Лукреция и Вергилия см. системный анализ: Антонец Е.В. Поэзия Цицерона и Вергилий: К вопросу о преемственности // *Philologia Classica*. № 10. СПб, 2015. С. 136-150.

¹⁶¹ От сочиненной Цицероном поэмы о Марии сохранились только редкие отдельные строки. Стоит упомянуть любопытную характеристику этому политику, данную М.Л. Гаспаровым: «Греческий язык и знакомство с образцами греческой словесности стали почти обязательны для римского сенатора: Гай Марий, не знавший по-гречески, был в своём поколении уже не правилом, а (отчасти демонстративным) исключением». См. по: Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия в римской культуре // Гаспаров М.Л. Избранные труды, Т.1 «О поэтах». М., 1997. С. 62.

¹⁶² О Цицероне – переводчике с греческого см. приведённую ниже диссертацию. Её автор упоминает в том числе два места из Лукреция, в которых тот подражает стихам из поэм, переведённых Цицероном: Atzert C. *De Cicerone interprete graecorum*. Diss. Gottingae, 1908. P. 11. О том, что Цицерон при переводе в своём синтаксисе преимущественно следует Эннию, но ограничивает длину периода четырьмя стихами, см.: Антонец Е.В. О структуре периода в «Aratea» Цицерона // *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXV* (чтения памяти И.М. Тронского). СПб.: Наука, 2021. С. 55-68.

¹⁶³ См. примечания М. И. Рижского // Цицерон. Философские трактаты / Пер. М.И. Рижского. М.: Наука, 1985. С. 336. После Цицерона уже Германик переводил «Явления» Арата: Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: ГЛК, 2002. С. 308, 310.

Вероятно, непосредственным предшественником, а, может быть, даже ориентиром-от-обратного в деле освоения достижений греческой философии латинским языком был, как ни парадоксально это говорить, Марк Теренций Варрон¹⁶⁴. Приведем пространную, но вполне уместную цитату Сидорович О.В. о методах работы и целях Варрона при изложении греческой философии: «Прежде всего, следует обратить внимание на то, каким образцом для написания сатир пользовался Варрон. Это – сатиры Мениппа, философа-киника III в. до н.э., в которых серьезные темы преподносились в веселой и шутливой манере. Мениппова сатира представляла собой разновидность сатирических сочинений, характеризовавшихся свободным соединением стихов и прозы. В ней обыденные реалии переплетались с фантастическими вымыслами. Основной мишенью авторской иронии служили представления различных философских школ, мифические предания и человеческие пороки. Но Варрон, по убеждению наших источников, лишь подражает Мениппу, не воспроизводя его сатиры буквально. Один из основных замыслов Варрона сводился к тому, чтобы популяризировать греческую философию, облечь основные ее положения в занимательную форму, и тем самым пробудить у своих сограждан интерес к философским штудиям»¹⁶⁵. Кроме этого, о серьезности подхода Варрона к философской проблематике свидетельствует то обстоятельство, что после 45 г., уже в зрелый период творчества, выходят в свет его общие труды (*De philosophia* и *De forma philosophiae*), в которых он примыкает к традиции Древней Академии¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Одно из актуальных изданий Менипповых сатир Варрона: Varronis, M. Terentii Saturarum Menippearum fragmenta / Ed. R. Astbury. Leipzig, 1985.

¹⁶⁵ Сидорович О.В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III-I в. до н. э. М.: РГГУ, 2005. С. 192.

¹⁶⁶ Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: ГЛК, 2002. С. 648.

Мениппова сатира Варрона¹⁶⁷ – киническая философия в стихах и прозе, появившаяся на свет с конца 80-х гг. по 67 г., поэтому можно осторожно предположить, что крупный дидактический эпос Лукреция выступает как своеобразный ответ, исполненный от-обратного в высокой поэзии. Это покажется менее невероятным, если учесть, что некоторые менипповы сатиры, содержащие философскую проблематику (Тифон о старости, Περίπλους, Περί φιλοσοφίας. Λογομαχία, Περί αἰρέσεων), были по собственному признанию Цицерона предшественниками его философских трактатов (Cic. Acad. Post. I 1, 3; 3, 9)¹⁶⁸. Тем более это не должно казаться абсурдным, поскольку имеются точки зрения, что римская дидактическая поэма как жанр обязана своим происхождением сатуре¹⁶⁹.

В позднереспубликанскую эпоху в Риме появляются собственные эпикурейцы¹⁷⁰: Т. Альбуций (конец II в. до н.э.)¹⁷¹, Г. Амафиний¹⁷², Рабирий

¹⁶⁷ О фигуре Мениппа, генезисе жанра и адаптации мениппеи под римский менталитет в творчестве Варрона см.: Дуров В.С. Жанр мениппеи в творчестве Варрона-сатирика // *Philologia Classica*. № 2. Л., 1982. С. 187-199.

¹⁶⁸ Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: ГЛК, 2002. С. 661. О влиянии поэмы Лукреция уже на речь «За Милона» (52 г. до н.э.) см.: Hirst M.E. A Reference to Lucretius in Cicero Pro Milone // *The Classical Review* / Vol. 43, Issue 05. 1929. Pp. 166-168.

¹⁶⁹ Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия в римской культуре // Гаспаров М.Л. Избранные труды, Т.1 «О поэтах». М., 1997. С. 65-66.

¹⁷⁰ Общий список первых латинских писателей, переведивших Эпикура или касавшихся эпикуреизма, а также список видных эпикурейцев конца II-нач. I вв до н.э. см. в диссертации Яна Волтьера: Woltjer J. Lucretii philosophia cum fontibus comparata (Specimen litterarium). Diss. Groningae: apud P. Noordhoff, 1877. Pp. 1-2.

¹⁷¹ Т. Альбуций – сенатор и оратор, в юности обучался в Афинах. Был объектом критики Луцилия за своё грекофильство (88-93 Marx). Цицерон признаёт его сведущим в греческой литературе и почти греком, а за пренебрежение красноречием называет perfectus Epicureus «идеальным эпикурейцем» (перевод мой – И.Т.; Cic. Brut. 131). Необходимо уточнить, что его имя имеет разночтения в рукописях, см.: Ciceronis, M. Tvlli scripta quae manservnt omnia; Fasc. 4 Brutus / Recogn. Henrica Malcovati. Ed. altera. Leipzig: B.G. Teubner, 1970. P. 39. Альбуций вопреки эпикурейскому учению занимал магистратуры и был наместником Сицилии ок. 106 или 104 г. до н.э. После обвинений в вымогательстве отправился в изгнание в Афины, где предался философии (Cic. Scaur. 40; Tusc. disp. V 108 - без имени). См.: Furley D. J., Griffin M.T. Albucius // *The Oxford classical dictionary* / Edd. S. Hornblower, A. Spawforth, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 1999. P. 51.

¹⁷² Г. Амафиний – старший современник Цицерона. Пренебрежительные упоминания о нём см. в: Cic. Epist. ad Fam. XV 19. 2; Acad. Post. I 2, 5-6; Tusc. disp. I 3 (без имени, об эпикурейцах), II 7 (без имени), IV 6-7 (с именем). О нём кратко см.: Amafinius // *The Oxford classical dictionary* / Edd. S. Hornblower, A. Spawforth, 3rd ed. New York: Oxford

(II - I в. до н.э.), Г. Веллей (начало I в. до н.э.), Катий Инсубр (ум. 45 г. до н.э.). Первые эпикурейские писатели работают в прозаическом жанре: Рабирий¹⁷³ – автор латинских прозаических сочинений об эпикурейской философии. Сведения об их произведениях скупы, а Цицерон критически отзывается о языке и манере письма Амафиния, Рабирия (Cic. Acad. Post. I 2, 5) и Катия.

Современником Цицерона и нашего поэта был также Катий Инсубр (ум. 45 г. до н.э.), который написал четыре книги «De rerum natura et de summo bono»¹⁷⁴. О стиле данного эпикурейца остались две противоречивые характеристики: Цицерона «omnes Catii et Amafinii, mali verborum interpretes» (Cic. Epist. ad Fam. XV 19, 2) и Квинтилиана «in Epicuriis levis quidem sed non iniucundus tamen auctor» (Quint. Inst. or. X 1, 124)¹⁷⁵. Из вероятных современников и конкурентов Лукреция, писавших поэмы со схожим названием «De rerum natura», можно упомянуть некоего Эгнатия¹⁷⁶ (по «Encyclopedia of ancient natural scientists» жил ок. 100 – 50? гг., по фон Альбрехту ум. ок. 55), по-видимому, родом из Испании, написавшего по меньшей мере III книги. От него сохранилось 2 кратких фрагмента, и

University Press, 1999. P. 69. Амафиний вначале учил устно, затем опубликовал много книг и имел учеников. О нём и других эпикурейцах также см. полезное примечание «illis quidem viris» в: Kennedy S.M. M.Tulli Ciceronis Tusculanarum Disputationum De Libro Primo Commentarius. Diss. for the degree of doctor of philosophy in classics. University of Exeter, 2010. P. 28. См. также: Howe H.M. Amafinius, Lucretius, and Cicero // The American Journal of Philology. Vol. 72. № 1. 1951. Pp. 57-62.

¹⁷³ Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: ГЛК, 2002. С. 552.

¹⁷⁴ Ibid. P. 552; Woltjer J. Lucretii philosophia cum fontibus comparata (Specimen litterarium). Diss. Groningae: apud P. Noordhoff, 1877. P. 2. См. также критико-юмористическое упоминание Катия и изложенной Цицероном эпикурейской теории истечений в Epist. ad Fam. XV 16, 1. Катий был родом из Цизальпийской Галлии; на момент указанного письма, по-видимому, уже скончался. См.: Griffin M.T. Catius // The Oxford classical dictionary / Edd. S. Hornblower, A. Spawforth, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 1999. P. 303.

¹⁷⁵ Текст Квинтилиана приводится по изданию: Quintilianus. Institutionis oratoriae libri XII. Vol. I-II / Recognovit brevique adnotatione critica instruxit M. Winterbottom. Oxonii, 1970.

¹⁷⁶ Об Эгнатии см.: Meliadori C. Egnatius // The Encyclopedia of ancient natural scientists. The Greek tradition and its many heirs / Ed. P.T. Keyser, G.L. Irby-Massie. London; New York: Routledge, 2008. P. 280.

невозможно сказать, был ли он подражателем Лукреция или писал независимо.

Таким образом, на основании всех приведенных примеров, кроме двух последних писателей, о которых известно крайне мало, можно с определенной долей уверенности говорить, что как в Греции, так и в Риме философия, а порой и наука, проходила обряд легитимации через литературу и воздействовала на первых стадиях через поэзию, чтобы расширить свою аудиторию. При этом достоинства языка и хорошие литературные качества философского произведения с большей вероятностью вели к признанию его автора. Поэтому утверждение М. фон Альбрехта о том, что «герольды философии в Риме – поэты»¹⁷⁷, представляется вполне справедливым. Также представляется не вызывающим сомнений, что «поэзия и философия в античном мире существуют в одном культурном смысловом пространстве, поддерживая друг друга»¹⁷⁸.

1.2. Взгляды Эпикура и Филодема на поэзию. Соотношение поэзии и философии в поэме Лукреция.

Рефлексии о взаимоотношениях поэзии и философии возникли уже в зрелой классической античности и в дальнейшем характерны для представителей разных философских направлений. Эта тема обширна и несомненно значительно выходит за рамки данного исследования. Поэтому благоразумно ограничимся экскурсом в эпикурейскую традицию.

Говоря о столкновении и слиянии поэзии и философии в поэме римского писателя, стоит начать со взглядов основателя эпикурейского учения на функцию поэзии. О неприязненном¹⁷⁹ отношении Эпикура к

¹⁷⁷ Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: ГЛК, 2002. С. 551.

¹⁷⁸ Донских О.А. Поэзия как начало философии и науки // ΣΧΟΛΗ. Т. 13, вып. 2. Новосибирск: Ред.-изд. центр Новосиб. гос. ун-та, 2019. С. 722.

¹⁷⁹ Эпикур «отрицал значение поэзии и гомеровскую поэзию считал ненужным вымыслом», «считал, что мудрец может правильно рассуждать о музыке и поэзии, но

поэзии (DL X 121) как явлению всем известно. Исследователи неоднократно об этом упоминают, как и о том, что молодым эпикурейцам это обстоятельство не мешало, и они увлеченно ей предавались¹⁸⁰. З.А. Покровская приводит, как кажется, наиболее глубокую и правдоподобную интерпретацию такой позиции греческого философа: «Однако, здесь нет противоречия: *субъективно* отрицая гомеровскую поэзию как предмет познания, поскольку она была основана на мифологии, Эпикур *объективно*, логикой своей гносеологии утверждал возможность чувственно-эстетического познания мира. Его каноника видит в процессе познания два этапа: чувственный и рациональный; начинается оно с ощущения, но завершается разумом, постигающим скрытую сущность вещей. Вот это чувственное познание и открывало возможность освоения мира с помощью образно-поэтической системы, что обеспечивалось врожденным дарованием Лукреция»¹⁸¹.

С течением времени в рамках эпикурейской школы мы наблюдаем некоторую эволюцию взглядов¹⁸² её последователей в сторону более

никогда не станет сам сочинять стихи (DL X 121)». Перевод по: Шахнович М.М. Филодем // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 766.

¹⁸⁰ См., например: Classen C.J. Poetry and Rhetoric in Lucretius // Transactions and Proceedings of the American Philological Association (TAPA). Vol. 99. 1968. P. 110; Kilpatrick R. S. «Amicus Medicus»: Medicine and Epicurean Therapy in «De Rerum Natura» // Memoirs of the American Academy in Rome. Vol. 41. 1996. P. 90.

¹⁸¹ Покровская З.А. Античный философский эпос. Лекции по спецкурсу. М., Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 91. См. также довольно категоричное суждение М. Нуссбаум, уступающее по пронципальности мнению З.А. Покровской: «Эпикур был враждебен к поэзии и образованию, которое ее поощряло». См. по: Nussbaum M. Beyond Obsession and Disgust: Lucretius' Genealogy of Love // Apeiron. Vol. 22. 1989. P. 17.

¹⁸² О взглядах эпикурейцев на взаимоотношения поэзии и философии существует обширная литература: Тахо-Годи А.А. Эпикуреец Филодем и стоическая оценка поэзии // Вопросы филологии. М., 1969. С. 407-412; Покровская З.А. Филодем и его взгляды на поэтику / Эпикурейцы и литературная критика // Древнегреческая литературная критика / Отв. ред. Л.А. Фрейберг. М.: Наука, 1975. С. 235-253; Она же. Лукреций о поэтическом искусстве // Там же. С. 254-270; Asmis E. An Epicurean survey of poetic theories (Philodemus, On Poems 5, cols. 26-36) // The Classical Quarterly. Vol. 42. 1992. Pp. 395-415; монография Philodemus and Poetry: Poetic Theory and Practice in Lucretius, Philodemus, and Horace / Ed. D. Obbink. Oxford: Oxford University Press, 1995. О функциях и статусе поэзии и её взаимоотношении с философией, но преимущественно применительно к материалу диалогов Платона «Кратил», «Федон» и «Государство»: Levin S.B. The ancient quarrel

позитивного восприятия поэзии. Так, например, Филодем (110/100-40/35 до н. э.), один из самых видных эпикурейцев в Италии I в. до н.э., в трактате «О стихах» или «О поэзии» (Περὶ ποιημάτων: PHer. 460, 463, 1074, 207, 1425, 914, 1676) «придерживается общего мнения: поэмы по философии, истории, медицине приносят лишь научную пользу, а не эстетическое удовольствие»¹⁸³. Более того, сам Филодем был «известен, прежде всего, как поэт (в Палатинской антологии - около 30 его эпиграмм¹⁸⁴), его влияние отмечают в творчестве Катулла, Горация, Проперция и Марциала»¹⁸⁵.

Филодем активно занимается теоритической и практической сторонами поэзии: кроме упомянутого сочинения в 5 книгах «О поэзии» (Περὶ ποιημάτων) также составляет труд «О хорошем государе сообразно Гомеру» (Περὶ τοῦ καθ' Ὅμηρον ἀγαθοῦ βασιλέως), пишет эпиграммы, а его поэтические опыты заслуживают одобрительных отзывов Цицерона. Благодаря сохранившимся фрагментам Филодема становится очевидным масштаб интереса философов-эпикурейцев I в. до н.э. к проблеме антагонизма философии и поэзии: вовсе не примитивное категоричное отрицание, а интерес, можно сказать, с полемическим задором, свидетельствующий не о безразличии, а о злободневности и актуальности.

Аудитория и адресат трактатов Эпикура и Филодема в целом понятны. Соглашаясь с учёными предшественниками в том, что «...различие в форме изложения у Лукреция и Эпикура имеет глубокие основания»¹⁸⁶, попытаемся

between philosophy and poetry revisited: Plato and the Greek literary tradition. New York: Oxford University Press, 2001. См. также сложившуюся традицию универсальной литературы: Rosen S. The quarrel between philosophy and poetry? Studies in ancient thought. New York; London: Routledge, 1993 (1988); Gould T. The ancient quarrel between poetry and philosophy. Princeton, 1990; Barfield R. The ancient quarrel between philosophy and poetry. New York: Cambridge University Press, 2011.

¹⁸³ Покровская З.А. Поэтическая структура вступлений в философской поэме // ВДИ. №1, 1982. С. 164.

¹⁸⁴ Одно из актуальных изданий стихотворного наследия Филодема: The Epigrams of Philodemus / Introd., text and comm. by D. Sider. Oxford; New York, 1997.

¹⁸⁵ Годы жизни и сведения приводятся по: Шахнович М.М. Филодем // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., Прогресс-Традиция, 2008. С. 761.

¹⁸⁶ Боровский Я.М. Образ Эпикура у Лукреция // Opera philologica. СПб., 2009. С. 117.

по-новому объяснить, почему ситуация для римского поэта выглядит иначе: его отличия от Эпикура по жанру, как представляется, мотивированы влиянием двух взаимодополняющих установок, сложившихся в римской литературной традиции и представляющими собой два простых вопроса.

Во-первых, это позиция Катона Старшего, полагавшего, что «у греков нужно учиться практическому опыту, но без идейных компромиссов («прочитывать, но не зазубривать» их сочинения – Плиний Старший XXIX, 14) ...»¹⁸⁷. Во-вторых, это показательный пример Луцилия: «Примечательно, что первым же вопросом, вставшим при появлении нового жанра, стала проблема читателя: для кого сочиняет Луцилий, если не для школы и не для сцены? Луцилий отвечает: для читателей книг, но не для самых учёных и деловитых, а для средних, общеобразованных (фр. 588-596 из ранней XXVI книги: «Не хочу, чтобы читал меня Персий, – пусть читает Децим Лелий» или, в другом варианте, «Юлий Конг»))»¹⁸⁸. Таким образом, эти установки выдвигают два вопроса, на которые писатель отвечает на раннем этапе работы над произведением: как и для кого он творит?

Почему адресат поэмы Меммий (ок. 104 - ок. 49 до н.э.)¹⁸⁹? Помимо всем знакомых биографических связей и мотиваций, стоит обратить взор на звуковую сторону этого имени – выбора римского поэта. Получается своеобразный, по всей вероятности, неслучайный каламбур или литературная параллель, возможно, очевидная и понятная современникам: Луцилий – Лелий, Лукреций – Меммий. Даже если это не совсем так, необходимо признать, исходя из всех биографических сведений о довольно прохладной

¹⁸⁷ Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия в римской культуре // Гаспаров М.Л. Избранные труды, Т.1 «О поэтах». М., 1997. С. 62.

¹⁸⁸ Ibid. P. 65.

¹⁸⁹ См. подборки источников сведений о Меммии и его творческой несостоятельности в примечаниях 1-4 к статье: Roller D.W. Gaius Memmius: Patron of Lucretius // *Classical Philology*. Vol. 65, № 4. 1970. P. 247. Д.В. Роллер считал на основании разнообразия контекстов (за исключением двух в проэмии первой песни), где в конце стиха в звательном падеже фигурирует имя Меммия (9 из 10), что для появления этого слова нет разумной причины, и оно может быть удалено без существенного влияния на смысл. По мнению учёного, Лукреций обращался к этому имени в качестве временного формульного заполнения позиции в стихе.

приверженности учению, что аристократ и чиновник Меммий – это тоже образец усреднённого читателя, ежели не хуже¹⁹⁰. Это подкрепляется на лексическом уровне: нетвёрдость и лень¹⁹¹ Меммия. Образованные римляне, как правило, сведущие в греческом языке, могли бы обратиться к оригинальным трактатам Эпикура и учеников, а не листать пусть и искусное, но всё же переложение. Тем более, что «строго научный характер философская литература на латинском языке обретает только в позднеантичную эпоху»¹⁹². Поэтому стоит иметь в виду не подкреплённое доказательствами мнение М.Л. Гаспарова, но из всего выше сказанного приходится констатировать, что поэма «О природе вещей» скорее для обычного читателя или для неофитов¹⁹³.

О среднем уровне подготовки римских читателей, необходимом для восприятия основных идей эпикурейцев, говорит Цицерон: *quid enim dicant et quid sentiant i qui sunt ab ea disciplina, nemo mediocriter quidem doctus ignorat.*

¹⁹⁰ См. точку зрения, что Лукреций мог взять Меммия, пусть и косвенно, «как образец худшего в плохом обществе»: Roller D.W. *Gaius Memmius: Patron of Lucretius* // *Classical Philology*. Vol. 65. № 4. 1970. P. 247. Д.В. Роллер согласен с Э. Биньоне в том, что Меммий не патрон, а равный по положению с Лукрецием: *Ibid.* P. 248, *adnotatio* 9.

¹⁹¹ *quod si pigra ris paulumve recesseris ab re, / hoc tibi de plano possum promittere, Memmi* (I 410-411). См. также провокационное соседнее с обращением расположение глагола *desipere: cetera de genere hoc adfingere et addere, Memmi, / desiperest...* (V 164-165).

¹⁹² Альбрехт М. фон. *История римской литературы*. Т. I / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: ГЛК, 2002. С. 554.

¹⁹³ См. иную точку зрения М.Л. Гаспарова: «круг её читателей заведомо узкий и избранный» (Гаспаров М.Л. *Поэт и поэзия в римской культуре* // Гаспаров М.Л. *Избранные труды*, Т.1 «О поэтах». М., 1997. С. 68). Эта точка зрения легко опровергается здравым смыслом: преданные последователи будут читать Эпикура в оригинале, чтобы получить неискаженное знание о аспектах системы. К тому же для «ленивых» и нуждающихся в компактном компендиуме доктрины для заучивания наизусть Эпикур сам составил краткие конспекты из своих главных трудов (Письма), а затем появились также знаменитые «Главные мысли» (сюда же можно вспомнить максимы из Ватиканского собрания). Дополнительным фактическим аргументом для опровержения приведённого мнения Гаспарова можно считать настенные надписи из Помпей, свидетельствующие о знакомстве горожан и изучении в школах поэмы Лукреция наряду с поэтическими произведениями других римских поэтов. См., например: Wallace R.E. *An Introduction to Wall Inscriptions from Pompeii and Herculaneum: introduction, inscriptions with notes, historical commentary, vocabulary*. Wauconda, 2005. Pp. XXII, 82 (надпись: 3072; VIII, i, 2; Basilica; Via Marina). О находках текста Лукреция на папирусах см. работы К. Клеве, напр.: Kleve K. *Lucretius in Herculaneum* // *Cronache Ercolanesi*. Vol. 19. 1989. Pp. 5-27; Kleve K. *Lucretius' Book II in P.Herc. 395* // *Akten des 23. Internationalen Papyrologenkongresses / Hrsg. B. Palme*. Wien, 2007. Pp. 347-354.

(Cic. Tusc. disp. II 7). Признавая, что последователи эпикурейцев *totam Italiam occupaverunt* «заняли всю Италию», Цицерон высказывает мнение о якобы существующей избирательности римской читательской аудитории в отношении чтения трудов основных эпикурейцев и их римских эпигонов¹⁹⁴.

Выбор жанра, если высказать осторожное предположение, отчасти может быть связан с попыткой занять место уже устарелого Энния в школьной программе, благодаря более широкому охвату разнородного естественно-научного материала, поданного «незамудрённым» языком.

В полной гармонии с выше приведённым З.А. Покровской объяснением позиции Эпикура римский поэт выбирает третий путь – дидактическая поэзия¹⁹⁵: научная польза как цель, эстетическое удовольствие как средство воздействия, причём отныне легализованное поэтикой автора. Возникает в мастерской поэта сознательная установка: *utile amarum – dulcis doctrina*, пара «польза» и «удовольствие» теперь нерасторжимое единство. К данным рассуждениям вполне уместно вспомнить Горация, который даёт определение, что такое поэт – «божественный дух и уста, вещающие великое»:

*Ingenium cui sit, cui mens diviniior atque os
Magna sonaturum, des nominis huius honorem...* (Hor. Sat. I 4, 43-44)

Вполне можно согласится с тезисом Боровского о трагической раздвоенности автора «О природе вещей»: «В своей поэме Лукреций предстаёт перед нами и как верный последователь школы, без критики воспроизводящий *aurea dicta* Эпикура, и как визионер, языком Эмпедокла вещающий об открывшихся ему высоких тайнах. Здесь одно из проявлений той трагической раздвоенности, которая характеризует внутренний облик

¹⁹⁴ «...Epicurum autem et Metrodorum non fere praeter suos quisquam in manus sumit, sic hos Latinos i soli legunt, qui illa recte dici putant» (Cic. Tusc. disp. II 8).

¹⁹⁵ Сравни несколько отличающееся понимание Боровского: «Поэтическая форма произведения Лукреция – не способ подачи заданного материала, а основное средство выражения собственного отношения поэта к миру...» в с статье: Боровский Я.М. Образ Эпикура у Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 115.

поэта-философа»¹⁹⁶. Лукреций сознательно усложняет задачу и идёт на этот шаг раздвоенности.

Программное заявление автор поэмы делает почти в конце первой книги (Lucr. I 921-950 = IV 1-25; особенно стихи 936-42). Лукреций рисует образ чаши с полынью и медом по краям¹⁹⁷ – он, как кажется, имеет двойное толкование или символизм. Для начала познание сравнивается с лечением ради исцеления, познание-лечение несет с собой неизбежную боль, поэтому его необходимо разбавить удовольствием (хорошими стихами и художественными образами), что, конечно, не противоречило положениям эпикурейской философии¹⁹⁸. Ведь боль необходимо устранять, но, если она неотвратимая, а ἀταραξία «душевное спокойствие» и ἀπovία «отсутствие телесных страданий» не достижимы¹⁹⁹, то на помощь приходит основной этический принцип эпикуреизма – удовольствие (τὸ ἡδόμενον, ἡδονή – voluptas). Об этом же свидетельствует лёгкий незаметный оксюморон – dulcis labor «сладостный труд» (перевод мой – И.Т.), адресованный поэтом к своей творческой миссии: «Nunc age dicta meo dulci quaesita labore / percipe...» (II 730-731). Этим двум аспектам, страданию и удовольствию, посвящены 3 и 4 ключевые сентенции сборника Κύρια Δόξαи «Главные мысли» (KD III и IV),

¹⁹⁶ Боровский Я.М. Образ Эпикура у Лукреция // Opera philologica. СПб., 2009. С. 120.

¹⁹⁷ По проблеме см. также: Покровская З.А. Laudes Эпикуру в поэме Лукреция // Вопросы античной литературы и классической филологии / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1966. С. 266-280. К сожалению, осталась недоступной свежая работа по данной теме: Gruber G.M. Medium and Message in Lucretius' «Honey» Analogy. Proquest, 2011.

¹⁹⁸ С подобной позицией Эпикура не согласен Цицерон (напр.: Cic. Tusc. disp. III 41-43, 46). В.В. Бровкин пишет, что «со слов Цицерона, Эпикур учит тому, что горе и другие страдания следует исцелять наслаждениями или мыслями о наслаждении, воспоминаниями о наслаждении. Для Цицерона подобные взгляды в высшей степени неприемлемы...». См.: Бровкин В.В. Концепция добродетели у Эпикура // ΣΧΟΛΗ. Vol. VI. fasc. 2. 2012. С. 343.

¹⁹⁹ Как отмечает известная исследовательница эпикуреизма Шахнович: «В сочинениях зрелого Эпикура для характеристики такого [блаженного] состояния используются лишь негативные термины..., указывающие на то, что счастье – это избавление от каких-либо зол». См.: Шахнович М.М. Эпикур // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 821.

входившие в знаменитый *тетраφάρμακος*. Поэтому важность данного образа и пассажа в целом не должна вызывать сомнений.

Далее, в этом образе символически представлены два этапа познания по эпикурейским воззрениям: рациональный и чувственный²⁰⁰. Философия – лекарство, рациональный тип познания, тогда как поэзия – мед, чувственный тип познания, следовательно, последней можно было бы и вовсе пренебречь по мнению Эпикура. Поэзия не смешивается с философией, не разбавляет ее, видоизменяя содержание, но она как проводник служит введением, пропедевтическим целям, удовольствие (*dulce*) предваряет, но не заменяет пользу (*utilitatem*)²⁰¹. Функция поэзии здесь согласуется с Филодемом – утилитарна, предшествует серьезному, важному содержанию. В этом краеугольное отличие от более раннего пассажа, содержащего критику Гераклита (I 635-704), услаждающего слух «темной речью», но несущего своим почитателям не исцеление, а безумие (*perdelirum* I 692, *delirum* I 698, *dementia* I 704)²⁰². Таким образом, вполне оправдан тезис, что поэма «проникнута не только моральным пафосом, но и пафосом познания, превратившегося из средства в самоцель, которая властно влечет к себе дух...»²⁰³.

²⁰⁰ По вопросу о гносеологическом скептицизме эпикурейцев и неправильном понимании Гегелем философии Эпикура можно обратиться к статье Д.А. Гусева, где имеется такое любопытное мнение: «эпикурейцы, во многом как позитивистские философы науки, сомневались в самом теоретическом мышлении как инструменте познания, поэтому и «запретив» мышлению отрываться от уровня «чувственного» познания и осторожно назвав знанием-мнением то, что стойки менее скептически называли знанием-понятием». См. в: Гусев Д.А. Эллинистический эпикуреизм как отдаленный теоретический предшественник позитивизма // Преподаватель XXI век. №1. 2014. С. 227-228.

²⁰¹ Довольно любопытный момент, что Лукреций допускает сам факт обмана разума чувствами, пускай и ради благой цели. При этом облакает эту мысль в форму оксюморона: *aetas ludificetur, decerpta non cariatur*.

²⁰² Ср. иной подбор лексики, применяемый в среде неотеериков и, например, адресованный к себе Катуллом: прил. *vesanus* (VII 10) «безумный» и глаг. *ineptire* (VIII 1) «делать глупости», «быть нелепым». *vesaniente vento* (XXV 13), *vesana flamma* (C 7).

²⁰³ Боровский Я.М. Образ Эпикура у Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 117.

Стихи и мед окажутся вместе в повторе фрагмента в проэмии 4 песни (IV 18-25), но уже теперь вместе с пользой: сладкая пиэрийская песнь и мёд на одной чаше весов, а на другой – природа вещей и польза (*utilitas*).

Лукреций, пораженный надеждой на славу и сладким обожанием (*amor*) Муз, идёт по непроторенным путям²⁰⁴. Но вот элементы образности, как кажется, заимствованы. В целом, складывается своеобразная четырёхчастная цепочка: философ — тропа муз – чаша (мёд-полынь) – исцеление²⁰⁵. Что скрывается за символами двух веществ, догадаться не трудно. Лукреций и его поэзия – мед, который никак не изменяет базовую субстанцию: в этом угадывается и методика работы поэта с первоисточником (философией). Эпикур и его учение – полынь, заключающая спасение, избавление от страдания. Философия оказывается необходимой для души как лекарство для тела. В этом пассаже иносказательно постулируется главная цель – лечение и исцеление²⁰⁶ суеверий, страхов²⁰⁷, страданий. Первые 4

²⁰⁴ Весьма вероятно, что мотив совершенно нехоженного пути имеет источником поэму Парменида (стих 27), где он «удален от людских троп». Также, конечно, необходимо подразумевать греческую литературную традицию этого топоса, ведь Лукреций действует в рамках эллинистической поэтики и подражания Каллимаху. Сравни получившуюся в духе Эмпедокла антитезу «любовь (*amor*) к Музам» - «ненависть к киклическим поэтам»: Кикликов стих ненавижу; дорогой идти проторенной, / Где то туда, то сюда толпы бредут, не хочу. / То, что нравится многим, не мило мне; мутную воду / Пить не хочу из ручья, где ее черпают все. Перевод М. Грабарь-Пассек в: Александрийская поэзия. Переводы с древнегреческого / Составление и предисловие М. Грабарь-Пассек, (Библиотека античной литературы). М.: Издательство «Художественная Литература», 1972. С. 139.

²⁰⁵ Весь отрывок (Lucr. I 921-950) закономерно вызывает мысли о рецепции и аллюзии, а также проблему Эмпедокла как вдохновителя этого пассажа Лукреция. Предполагаемый зачин поэмы Эмпедокла «Очищения» (Diels-Kranz 31B112) содержит триаду – бог, тропа, исцеление, творчески переработанную римским поэтом.

²⁰⁶ Мотив очищения: философия очищает душу от страхов-суеверий как полынь тело от червей. См. интересное наблюдение о лексике очищения: «Lucretius later describes this cleansing therapy (*puro pectore*) with a verbal derivative of *purus* (*purgatum* IV 5): *at nisi purgatum pectus. Voluptas itself must be purged* (III 40, IV 1075, 1081), by philosophy: by the truth of *natura gubernans* (V 77) ». См. по: Kilpatrick R. S. «Amicus Medicus»: Medicine and Epicurean Therapy in «De Rerum Natura» // *Memoirs of the American Academy in Rome*. Vol. 41. 1996. P. 76.

²⁰⁷ Об единой с позиций теории Э. Бенвениста и.-е. основе слов *φέβομαι* «бежать в страхе», *φεύγω* «убегать», *φόβος* «страх, ужас», *fugiō* «убегать» русс. «бегу» см. статью: Сорокин О.Н. Из истории индоевропейских лабиовелярных (греч. *φέβομαι* - *φεύγω*, лат. *fugiō*) // *Philologia Classica*. № 3 (Язык и стиль памятников античной литературы). Л., 1987. С. 144-147.

положения *Kύριαι δόξαι* «Главных мыслей» называются тетрафармакон, эта медицинская метафора уже укоренена в эпикурейской традиции ко времени Лукреция, ее он, возможно, и обыгрывает. Характерно для иллюстрации процесса мышления Лукреция, что лексически всё наглядно обыгрывается: *medicina* встречается только 3 раза, а *venenum*²⁰⁸ – 11 раз.

Конечно, мотив мёда и сладости поэзии²⁰⁹ – это не новация Лукреция. Сравнение поэта с пчелой уже стало традиционным со времени Платона («Ион» 534 a-b)²¹⁰. Тем не менее Лукреций сделал шаг вперед в развитии этого мотива, создав метафору «золотых слов-речей»²¹¹ *aurea dicta* (Lucr. III 9-13). В корне этого сопоставления (*patria praescripta (ex chartis)*²¹² – *mel* – *aurea dicta*) находится не только цветовая аллюзия (желтый маслянистый цвет двух веществ – мёда и золота), но также трудоёмкость процесса – слова собираются как нектар (*ut apes nos depascimur*) – и его значимость вследствие редкости.

²⁰⁸ См., например, Гай в (Дигестах 50.16.236 и в 4-й книге «Комментариев к закону XII таблиц»). «Кто говорит: «яд», должен добавить: плохой или хороший; ибо и лекарства являются ядом, потому что под этим названием подразумевается все то, что, будучи добавлено, меняет природу того, к чему добавлено. Ведь то, что мы называем ядом, греки зовут «фармакон», у них ведь так же под этим названием понимаются как лекарства, так и то, что приносит вред, поэтому различие между ними достигается добавлением еще одного слова. Об этом нас информирует величайший из их поэтов Гомер; а говорит он следующее: «Яды ведь многие целебны, многие же - вредоносны»».

²⁰⁹ Об особой функции вымышленного художественного ландшафта у Цицерона, соответствующей функции мусических сладких песен у Лукреция см. мнение М. фон Альбрехта: «When dealing with difficult philosophical themes Cicero, trying to sugar the pill, handles the setting with special care: In fact, the epistemological subject matter of the *libri Academici* was unusually difficult and thorny for a Roman audience. Similar effects are produced by Roman examples, references to Roman poetry, serious and joking allusions to Roman public life and magistrates in general and to the lives and deeds of the interlocutors in particular». См. по: Albrecht M. von. *Cicero's Style: a synopsis*. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden, Boston: Brill, 2003. P. 89.

²¹⁰ Боровский Я.М. Образ Эпикура у Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 115.

²¹¹ Диоген, перечисляя прозвища, данные Эпикуром разным философам, сообщал, что Платона тот называл «золотым» (DL X 8), т. е. «божественным». См. по: Шахнович М.М. Эпикур // *Античная философия. Энциклопедический словарь*. М., Прогресс-Традиция, 2008. С. 815.

²¹² В.Г. Степанов предлагает видеть в *candida praescripta* (VI 92) дополнительное подтекстное значение «сияющие наставления предписания» и сопоставлять с *patria praescripta* «отеческие наставления» (III 9-10). См.: Степанов В.Г. Лукреций, VI, 92-95 (текстологический аспект) // *Philologia Classica*. № 3. Л., 1987. С. 152-153.

Мотив пути муз Лукреций развивает в образе себя как возникшего, завершающего последний круг состязания (VI песнь) и обращающегося к Каллиопе за помощью в конце проэпия этой песни. Лукреций призывает музу (Каллиопу) стать активным участником творческого процесса: вести и указывать путь. Эта инвокация связана с отрывком о тропе Пиэрийских муз важным символическим предметом – венком (*corona insignis – corona cum insigni laude*). Учёные отмечают семантический ряд *currens – spatium – calx*²¹³ (или *callis*). Другие похожие примеры также встречаются по тексту поэмы – *cursores vitae lampada tradunt* (II 79). Приведённая картина Лукреция-возничего имеет точки соприкосновения с проэпием поэмы Парменида. Принимая в расчёт геометрию венка и круговую замкнутость ристалища, следует признать, что метафора круга объединяет обе поэмы (см. Парменид, ФР. 2 СОХОН²¹⁴ (В 5 DK))²¹⁵.

Завершить это рассуждение для получения более объективной картины будет вполне уместно, обратившись к творческим установкам современника нашего поэта – к Цицерону. К понятию, отражённому по-разному (*dulce, musaeum dulce mel, suaviloquens carmen*) в поэме «О природе вещей», находится важная параллель – *venustas*. Один из крупнейших отечественных латинистов Н.А. Федоров отмечает, что «развивая в ряде текстов мысль о соотносительности функционального и эстетического в объекте и детерминированности второго первым, Цицерон настаивает на мысли, что функциональность объекта полностью определяет его эстетическую

²¹³ Ср. латинскую поговорку *ad carceres a calce revocari* – «вернуться от финиша к старту», т. е. начать опять сначала.

²¹⁴ Coxon A.H. *The Fragments of Parmenides: A critical text with introduction, translation, the ancient testimonia and a commentary, revised and expanded edition with new translations* by R. McKirahan. Las Vegas, Zurich, Athens: Parmenides Publishing, 2009.

²¹⁵ По мнению Е.В. Афонасина метафора круга и завершенности постоянно присутствует в поэме Парменида, как в отношении рассуждения, так и его предмета. См.: Афонасин Е.В. Поэма Парменида: Перевод и комментарий. Новосибирск, 2021. С. 31. См. также точку зрения А.С. Афонасиной, что Страсбургский папирус Эмпедокла «достаточно длинный цельный кусок текста, в котором отчетливо прослеживается цикличность, которая... отражает устройство мироздания, в котором один период неизбежно сменяется другим, и так до бесконечности» в: Афонасина А.С. Страсбургский папирус Эмпедокла. Новосибирск, 2021. С. 72.

характеристику. В трактате «О природе богов» встречаем утверждение, что с утратой «полезности» части тела теряют свою красоту (*venustas*) (Cic. *De nat. deor.* 92)²¹⁶. Лексему *venustas* включают в центр понятийного поля красоты Катулл и Цицерон; Плиний (XXXIII 36, 18) указывает, что *venustas* «служит для перевода греческой *χάρις...*»²¹⁷. Тогда как для Лукреция единственное слово с этим корнем – имя богини Венеры (*Venus* – 11 раз), покровительницы поэмы и её *lucida carmina*.

Подводя итог, можно довольно уверенно констатировать, что философия и поэзия, польза и сладость (красота), содержание и форма образуют неразрывное гармоничное целое. Как представляется, поэма Лукреция, если была бы известна Аристотелю, могла бы вызвать значительно большие трудности у теоретика поэзии при определении её места в системе, чем творчество рассмотренного Эмпедокла.

1.3. Проблема языка и стиля Эпикура

Постулируемая Лукрецием бедность латинского языка – существенная проблема, но даже больше её оказывается замалчиваемая им проблема трудности языка греческого оригинала, нечасто акцентируемая исследователями.

О трудностях в восприятии слога самого Эпикура напрямую высказался большой знаток классических языков С.И. Соболевский, выполнивший его адаптацию на русский язык в ставшем классическом двуязычном издании: «Перевод Эпикура представляет во многих местах непреодолимые трудности: нередко буквальный перевод текста не дает

²¹⁶ Во всех процитированных Федоровым в его статье текстах «*venustas* возникает вместе или в результате «полезности», «необходимости» объекта, являясь функцией его утилитарности, поскольку эта вещь практически функциональна; с исчезновением же полезности исчезает и *venustas...*». Федоров, по-видимому, согласен с позицией двух ученых Дюмулье А. (*Désmouliiez A.*) и Мишеля А. (*Michel A.*). см. также прим. 12 на стр. 119. См. по: Федоров Н.А. Семантическая специфика термина *venustas* в текстах Цицерона // *Античность в контексте современности. Вопросы классической филологии X* / Под ред. А.А. Тахо-Годи, И.М. Нахова. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 118-119.

²¹⁷ *Ibid.* P. 115.

никакого смысла; приходится не переводить его, а, скорее, разгадывать загадку»²¹⁸.

Соболевский приводит три основные причины, в подтверждение своей осторожной позиции. Первая из них это туманность и неясность манеры греческого философа, которую прекрасно осознавали современники Лукреция, свободно владеющие греческим языком²¹⁹. Так, например, Цицерон (*De fin.* II 5, 15) говорит, что «он не всё понимает у Эпикура, и что виноват в этом до некоторой степени сам автор»²²⁰. Соболевский отмечает своеобразность стиля философа, терминологические трудности некоторых слов, «нигде более не встречающихся в древней греческой литературе, или слов, имеющих совершенно особое значение».

Во-вторых, – и это очевидная причина – филолог делает акцент на сохранности, а точнее отрывочности наследия Эпикура, поэтому «отдельные фразы, вырванные из связи речи, ... вообще часто трудно бывает понять...»²²¹. В-третьих, общеизвестен характер сохранных Диогеном Лаэртским текстов Эпикура – краткие конспекты учения, поэтому не должно вызывать удивление, что такой конспект «нам может быть часто непонятен»²²². Здесь же возникает проблема не столько аккуратности работы Диогена, сколько корректности и отсутствия искажений в источниках, которыми он руководствовался. Кроме того, стоит развить мысль переводчика, что не только форма (конспект) осложняет понимание, но и характер данных трёх писем – краткий конспект (может быть,

²¹⁸ Лукреций. О природе вещей / Сост. Ф.А. Петровский. Т. II. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 519.

²¹⁹ О стиле и языке Эпикура подборка античных свидетельств: *Epicurea. Testi di Epicuro e testimonianze epicuree nella raccolta di H. Usener / Traduzione e note di I. Ramelli, presentazione di G. Reale*, 3 ed. Milano: Bompiani, 2007. Pp. 220-224 (= Us. Pp. 88-90).

²²⁰ *Ibid.* P. 520. «Vide, ne si ego non intellegam, quid Epicurus loquatur, quum Graece, ut videor, luculenter sciam, sit aliqua culpa eius, qui ita loquatur, ut non intellegatur (*De fin.* II 5, 15). Здесь текст трактата Цицерона приводится по изд.: *Cicero De Finibus Bonorum et Malorum Libri Quinque. Part. I-II.* / Ed. J.N. Madvig. New York, 1876 (repr. 2010).

²²¹ *Ibid.* P. 521.

²²² *Ibid.* P. 521. О рукописной традиции Эпикура и текста Диогена Лаэртского см.: *Epicurus. The Extant Remains with short critical Apparatus / Trans., ed. and noted by C. Bailey.* Oxford: At the Clarendon Press, 1926. Pp. 9-15.

эзотерический), предназначенный для пользования ученикам, уже в какой-то степени знакомым с азами и основными постулатами эпикуреизма.

Перечисленные обстоятельства, среди которых только первый пункт мог каким-то образом мешать римскому поэту, конечно, полностью влияют на наше толкование текстов эпикурейцев. Они затрудняют сравнение прозаических оригиналов и поэтического варианта, адекватное понимание методики перевода и работы Лукреция с терминологией и понятийным аппаратом.

Г. Узенер признаёт, что мотивацией для занятия Эпикуром была не его философия, а грамматический интерес к трудностям текста Диогена: «*Epicuro ut operam darem, non philosophiae Epicureae me admiratio commovit, sed ut accidit homini grammatico, librorum a Laertio Diogene servatorum obscuritas et difficultas*»²²³.

А.Ф. Лосев отмечает проблему неясности и вероятных искажений в текстах, приводимых Диогеном как эпикурейские: «Диоген Лаэртций, несомненно, откуда-то позаимствовал эти письма, и, возможно, что нелепости и запутанность, которыми эти письма отличаются, не принадлежат ни Диогену Лаэртию, ни Эпикуру. Откуда наш автор взял эти письма, переписал ли их целиком или внес какие-нибудь исправления, а то, может быть, попросту и сам их сочинил – это вопрос трудноразрешимый»²²⁴. В целом, А.Ф. Лосев много скептически высказывается о противоречиях в учении Эпикура: каноника, умопостигаемость атомов, вес и тяжесть атомов, причина движения атомов и даже эпикурейское отклонение становятся объектом критических ремарок с тенденцией негативного восприятия эпикуреизма.

Независимо от целостности корпуса текстов стоит принимать в расчет кредо писателя либо философа, своего рода рефлексии по отношению к своему творческому процессу. Такая программная установка,

²²³ Epicurea. Ed. H. Usener. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1887 (reprint New York, 2010). P. V.

²²⁴ Лосев А.Ф. Диоген Лаэртций – историк античной философии. М.: Наука, 1981. С. 71.

декларирующая требование ясности терминологии в рамках философской школы, как раз присутствует у Эпикура: «ἀνάγκη γὰρ τὸ πρῶτον ἐννόημα καθ' ἕκαστον φθόγγον βλέπεσθαι καὶ μηθὲν ἀποδείξεως προσδεῖσθαι, εἴπερ ἔξομεν τὸ ζητούμενον ἢ ἀπορούμενον καὶ δοξαζόμενον ἐφ' ὃ ἀνάξομεν (Epicurus Ep. ad Herod. 38)»²²⁵. Похожую мысль из нашего философа переводит Цицерон: «Epicurum... qui crebro dicat diligenter oportere exprimi, quae vis subiecta sit vocibus» (Cic. de fin. II 2, 6 = Us. 257). При невозможности опереться на основной критерий познания – чувства – Эпикур полагает, что допустима множественность объяснений отдельного явления как, например, в отношении небесных феноменов (Ep. ad Pyth. 86-87).

Итак, Эпикур предписывает избегать двусмысленности в специальном языке и вводит определенную норму, хотя в «теории происхождения языка он отрицал конвенциональность»²²⁶, потому что «...названия первоначально были даны вещам [возникли] не по соглашению (μὴ θέσει)»²²⁷ (Ep. ad Herod. 75). Данные установки Эпикура следует иметь в виду каждый раз, работая с терминами во фрагментах эпикурейцев, поскольку, как верно подмечает в рассуждениях к термину νοῦς О.М. Савельева, «в этом есть еще одно

²²⁵ «И в самом деле, необходимо, чтобы при каждом слове было видно его первое значение, и чтобы оно не нуждалось еще в объяснении, если мы действительно хотим иметь основу, к которой могли бы сводить изыскание, недоумение, мнение». (пер. С.И. Соболевского в: Лукреций. О природе вещей / Сост. Ф.А. Петровский. Т. II. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 529.

²²⁶ Шахнович М.М. Эпикур // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 821.

²²⁷ Сравни демокритовскую антитезу «установленное законом» (= по соглашению, νόμῳ) и существующее «на самом деле» (ἐτεῆ) в: Солопова М.А. Демокрит // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 309. Здесь стоит упомянуть дихотомическую позицию софиста Гиппия из Элиды (470-е - после 399 до н. э.), первым из софистов противопоставившего природу (фюсис) и полисный закон (номос). Более подробно об указанной оппозиции см. Heinemann F. Nomos und Physis: Herkunft und Bedeutung einer Antithese im griechischen Denken des 5. Jahrhunderts. Basel, 1945. О Гиппии из Элиды см.: Верлинский А. Л. Гиппий // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 273-275. О взглядах Эпикура на общественное устройство и прогресс см. статью: Боровский Я.М. Вопросы общественного развития в поэме Лукреция // Opera philologica. СПб., 2009. С. 186-196.

подтверждение тому, что, называя себя философами, греческие мыслители были в огромнейшей степени филологами, а когда они называли себя филологами, их языковые устремления были уже глубже - они по сути дела были уже грамматиками»²²⁸.

Стремление Эпикура к однозначности семантики конкретного слова подкрепляется сведениями из-за пределов эпикурейской традиции. Анонимный комментатор к платоновскому диалогу Теэтет (Tht. 22.39-47) указывает, что для Эпикура имена (неясно, все или только собственные) более чёткая вещь, чем определения: «...было бы нелепо, если бы кто-либо вместо «здравствуй, Сократ» говорил бы «здравствуй, разумное смертное животное»²²⁹.

В этой связи следует упомянуть одно из существенных эпикурейских понятий – ἡ ἐνάργεια «ясность, отчётливость», латинский аналог которой – *sub oculis subiectio*²³⁰. Цицерон (Lucull. 6, 17 = Us. P. 178) переводит ἐνάργεια как *evidentia* Противоположные ему понятия как явствует из КД XXII это ἡ ἀκρισία «путаница; замешательство» и ἡ ταραχή «замешательство, смятение; запутанность, неясность».

Принимая во внимание, что Эпикур был школьным учителем до создания своей общины, а также импульс, подтолкнувший его к занятиям философией²³¹, следует достаточно серьёзно учитывать его озабоченность вопросами языка, семантики и терминологии.

²²⁸ Савельева О.М. О языковых истоках философской терминологии древних греков (на примере термина νοῦς) // Античная культура и современная наука. М.: Наука, 1985. С. 152.

²²⁹ Long A.A., Sedley D.N. (edd.) The Hellenistic Philosophers. Vol. I-II. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 (repr.1998). P. 102.

²³⁰ Holford-Strevens L. Horror vacui in Lucretian Biography // Leeds International Classical Studies. Vol. 1.1. 2002. P. 23.

²³¹ «Аполлодор в «Жизнеописании Эпикура» сообщал, что его обращение к философии было вызвано тем, что учитель на вопрос: «Если, по словам Гесиода, все произошло из хаоса, то откуда взялся хаос?» - смог лишь сказать, что на это могут ответить философы». См. по: Шахнович М.М. Эпикур // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., Прогресс-Традиция, 2008. С. 815.

Ранее уже было сказано о позициях учёных по терминологическому методу Цицерона. З.А. Покровская сравнивает по этому параметру Цицерона и Эпикура: «Неточная терминология была характерна даже для научной прозы такого блестящего мастера слова, каким был Цицерон, и для предельно сухого языка сохранившихся сочинений Эпикура. ...для обозначения элементарной частицы он употребляет несколько названий, среди которых было употребляемое чаще других слово «атом», но лишь дальнейшее развитие философии закрепило его как точный термин»²³². И, действительно, в наших текстах Эпикура наблюдается синонимия для ключевого термина «атом»²³³.

Таким образом проблема лакунарности исходной системы греческих понятий и лексем, их выражающих, представляет мощное препятствие к надёжной и безошибочной оценке самостоятельности вклада и творческого подхода Лукреция в создании терминологической системы. Непростая, порой «тёмная» манера повествования Эпикура и его интерес к языковым вопросам добавляют сложностей исследователям.

Глава 1.4. Филологические и терминотворческие установки Лукреция

Полнее оценить творческие методы Лукреция могут помочь потомки, обладавшие подготовкой и вкусом к литературе, а кроме того, читавшие поэму «О природе вещей» всего десятилетия спустя её выхода в свет. Среди таковых, без сомнения, важно мнение Квинтилиана. Во-первых, он не помещает Лукреция в свой список философских писателей, характеризуемых как *eloquentes* – «красноречивые» представители *litterarum Romanarum* «римской словесности» (Quint. Inst. or. X 1, 123-131). Во-вторых, писатель

²³² Покровская З.А. Античный философский эпос. Лекции по спецкурсу. М., Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 45.

²³³ Вследствие установок Эпикура и поскольку термины, передающие понятие «атом», встречаются в эпикурейских текстах преимущественно во множественном числе, в данной диссертации применяется компактное указание греческих лексем в ед. и множ. числах: ἄτομος/οἱ/α, ἀρχή/αί, σῶμα/τα, σπέρμα/τα, στοιχείωμα/τα, στοιχείον/α.

говорит о трудности Лукреция как автора²³⁴, упоминая как своеобразный полюс к нему комедиографа Плавта: *elegantes in sua quisque materia, sed alter humilis, alter difficilis* (Inst. or. X 1, 87).

Рекомендуя Лукреция как специальную литературу для чтения, Квинтилиан сам ознакомлен с его произведением и даже применяет эпикурейскую теорию истечений в своих советах читателям (Inst. or. X 2, 15), что было замечено Дж.Дж. Сэваджем²³⁵ как корреляция к Lucr. IV 42-43. Поскольку в данном параграфе содержание рассуждений Квинтилиана касается подражания (*de imitatione*), по мнению учёного, Квинтилиан также держит в уме пассаж об эвфемизмах, применяемых к недостаткам возлюбленных (IV 1141-1287), как пример создания *simulacra* любимых предметов. Оратор призывает ученика не следовать слепо образцу, чтобы вместо совершенства не получить *simulacra*, а вместо подражания *virtutes* стиля – копирование *vitia*²³⁶. Весьма существенно, что знание Лукреция и эпикуреизма всплывает в книге римского оратора в связи с подражанием.

Лукреций открыто признаётся в подражании Эпикуру: *te imitari aveo*, но при этом *non certandi cupidus* (Lucr. III 5-6) «я жажду тебе подражать, не имея стремления состязаться» (перевод мой – И.Т.). Далее поэт утверждает недостижимость афинского философа. Таким образом, можно прийти к заключению, что Лукреций – это трудный философский поэт подражающий сложившейся системе учения трудного греческого прозаика.

Вопрос о соотношении поэзии и философии в поэме, о переводе атомистической терминологии необходимо решать в том числе с точки зрения языка и проделанной филолого-герменевтической работы римского поэта-философа. Трудность переноса греческих понятий стоит остро в трёх аспектах: поэтическом (благозвучность, метрика, компактность),

²³⁴ Полезная подборка мнений о трудности Лукреция см.: Solaro G. *Lucrezio auctor difficilis. Note e testimonianze* // *Quaderni Urbinati di Cultura Classica. New Series. Vol. 74. № 2. 2003. Pp. 127-131.*

²³⁵ Savage J.J. *Quintilian and Lucretius* // *The Classical Weekly. Vol. 46. № 3. 1952. P. 37.*

²³⁶ *Ibid.*

лингвосемантическом (точность мысли перевода и оригинала, адекватность репрезентации вкладываемого понятия, учёт семантического потенциала²³⁷ прототипа и изобретаемого термина) и философском (непротиворечивость складывающейся на латинском языке системе хаотично заимствуемых философских понятий). Кроме того, как верно замечает З.А. Покровская, «художественная форма изложения, бесспорно, наложила сильный отпечаток на научный словарь Лукреция: ему приходилось считаться с поэтическим стилем и со стихотворным размером»²³⁸.

Одну из основных трудностей Лукреция при создании поэмы «О природе вещей» составляла проблема адаптации эпикурейской философской терминологии к реалиям латинского языка²³⁹. Автору предстояло действовать как филологу²⁴⁰: не только передать глубину философских понятий, знание о природе вещей (*natura rerum ratioque*), но и точно *vertere in patrias voces* «на родном языке изложить»²⁴¹ всю необходимую терминологию:

denique natura haec rerum ratioque repertast

²³⁷ Сравни, напр, удачную мотивированную латинским языком пару *materia/-es – mater* и одинокое греческое ὕλη.

²³⁸ Покровская З.А. Античный философский эпос. Лекции по спецкурсу. М., Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 46.

²³⁹ О необходимости филологического анализа при исследовании философской проблематики см.: Тахо-Годи А. А. Если занимаешься античной философией, то без классической филологии ничего поделать нельзя... // Вопросы философии № 12. 2011. С. 10–18.

²⁴⁰ Слово «филолог» засвидетельствовано впервые у Платона (в том числе один раз «филология»). В латинской литературе лексема встречается начиная с Энния (причем даже в женском роде). Энний видит себя, как *dicti studiosus* (*Annales VII 209*), то есть φιλόλογος. Филологами называли себя, например, Эратосфен и Л. Атей Претекстат. Подробнее см.: Dreyer O. *Philologos // Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. von K. Ziegler und W. Sontheimer. Bd. 1-5. Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag, 1964-1975. Bd. IV, Spalte 768.* О понятиях «филолог» и однокоренных см. диссертацию: Nuchelmans G.R.F.M. *Studien über φιλόλογος, φιλολογία und φιλολογεῖν. Diss. Nijmegen, 1950.* Вследствие преобладания филологических штудий Страбон назвал членов Александрийского Мусейона мужами-филологами (φιλόλογοι ἄνδρες). Об Александрийском Мусейоне см., например: Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). Серия «*Studia classica*». СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия», 2001. С. 586-88.

²⁴¹ Лукреций продолжает даже во сне – *quaerere naturam rerum et inventam patriis exponere chartis*.

nuper, et hanc primus cum primis ipse repertus
nunc ego sum in patrias qui possim vertere voces. (V 335-337)

Только теперь, наконец, и природа вещей и порядок
Были открыты; я сам оказался способен из первых
Первым его изъяснить, на родном языке излагая.

Лукреций отказывается от заимствования греческих лексем в их
изначальном виде в качестве терминов²⁴². Первое, в чём поэту приходится
оправдываться, это несоответствие средств родного языка предпринятому
делу. Неясные греческие учения трудно сделать доступными, поскольку сам
предмет диковинный (*rerum novitas*), а недостаток слов и понятийного
аппарата (*egestas linguae*) требует новых единиц (*nova verba*).

Nec me animi fallit Graiorum obscura reperta
difficile inlustrare Latinis versibus esse,
multa novis verbis praesertim cum sit agendum
propter egestatem linguae et rerum novitatem... (I 136-139)

«Не сомневаюсь я в том, что учения темные греков
Ясно в латинских стихах изложить затруднительно будет:
Главное, к новым словам прибегать мне нередко придётся
При нищете языка и наличии новых понятий».

Говорить о трудностях – выигрышная тактика писателя, поскольку
знать действительные потенции языка и предполагать недостающие
элементы системы под силу только немногочисленным учёным-
грамматикам. К упоминанию препятствий в своей научно-философской
деятельности и далеко не всегда благосклонном отношении аудитории
(читателя) прибегает также и Цицерон в самом начале трактата «*De finibus
bonorum et malorum*» (Cic. *De fin.* I 1; I 7-8; затем III 3. и т.д.). Новая
непривычная Риму дисциплина требует создания своего особого наречия,

²⁴² Подробнее об отношении Лукреция к заимствованию разноплановой греческой лексики см.: Sedley D.N. *Lucretius' Use and Avoidance of Greek // Aspects of the Language of Latin Poetry* / Edd. J.N. Adams, R.G. Mayer. New York: Oxford University Press, 1999. Pp. 227-246.

чтобы не засорять повествование варваризмами. Отсюда возникает потребность в неологизмах²⁴³, создание которых прославило Цицерона и обогатило латинский язык: (Варрон говорит) *verbis quoque novis cogimur uti quae docti, ut dixi, a Graecis petere malent, indocti ne a nobis quidem accipiant...* (Acad. I 5). Таким образом мы получаем сознательную установку из уст Варрона, на которую вынужден ориентироваться римский писатель – читатель со средним набором навыков, а не изысканный и грекоязычный и тем более не необразованный. В то же время Цицерон признаёт и богатство латинского языка в сравнении с греческим (De fin. I 10; III 5)²⁴⁴.

Указанные выше два примера из крупных мастеров слова классического периода демонстрируют, что сетовать на трудности творческого процесса – это топос античной литературы, который был весьма точно подмечен С.С. Аверинцевым: «Если он настоящий поэт, он сумеет без всяких мук сказать решительно всё, что можно сказать, прибегая к распространённой топике неопишуемости своего предмета и неизъяснимости своей темы лишь для того, чтобы подчеркнуть масштаб собственного достижения, размер преодолённой трудности, а заодно обострить внимание читателя»²⁴⁵.

Однако в другом аспекте, особенно применительно к Лукрецию, С.С. Аверинцев, как кажется на основании текста поэмы «О природе вещей», не прав: «Сомнения и муки слова никому были не интересны. Только совсем недавно, после романтизма, в меланхолической атмосфере конца XIX в. и начала XX в., можно было заговорить о «творческих муках», «о муках

²⁴³ О создании неологизмов в латинском языке нового времени и словарь новообразований см. в Главе 4, Части 2 «Неологизмы» фундаментального труда А.И. Солопова по латинской стилистике: Солопов А.И. Начала латинской стилистики. М.: Индрик, 2008. С. 598-656.

²⁴⁴ См. также сознательную установку «bonitate potius nostrorum verborum utamur, quam splendore Graecorum» (Cic. Or. 49, 64) «давайте лучше будем пользоваться добротностью наших слов, чем блеском греческих». Малинауспене Н.К. Введение в историю латинского языка (классический период): Курс лекций. Материалы для практических занятий. М.: ГЛК, 2006. С. 71.

²⁴⁵ Аверинцев С.С. Внутреннее и внешнее в поэзии Вергилия // Поэтика древнеримской литературы. Жанры и стиль / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1989. С. 25-26.

слова»: это совершенно неантичная тема»²⁴⁶. Опровержением этого выступает тот факт, что о своих творческих муках и неудачах, необходимости победить языком трудности (*quam difficile pervincere dictis* «сколь трудно одолеть словами») и новизне темы (*res nova miraque, insolita res*) Лукреций говорит неоднократно:

Nec me animi fallit quam res nova miraque menti
accidat exitium caeli terraeque futurum,
et quam difficile id mihi sit pervincere dictis;
ut fit ubi insolitam rem adportes auribus ante
nec tamen hanc possis oculorum subdere visu
nec iacere indu manus, via qua munita fidei
proxima fert humanum in pectus templaque mentis.
sed tamen effabor. dictis dabit ipsa fidem res
forsitan et graviter terrarum motibus ortis
omnia conquassari in parvo tempore cernes. (V 97-106)

Знаю отлично, что всех поражает и кажется дикой
Нам эта мысль о грядущем небес и земли разрушеньи;
Трудно мне будет ее доказать убедительной речью.
Так происходит всегда, когда преподносится слуху
То, что, однако, нельзя ни глазу сделать доступным,
Ни осязанию рук; а ведь это ближайший и торный
Путь убеждения, в сердце ведущий и в область сознания.
Всё-таки выскажусь я: словам моим самое дело
Веру, быть может, придаст, и ты, при земли колебаньях,
Сможешь увидеть, что всё сокрушается в краткое время-
Да отвратит испытанье такое судьбины кормило!
И не на деле уж лучше уверимся мы, а рассудком,
Что уничтожиться всё с ужасающим грохотом может.

Трудности заключаются в способе говорения о непривычных явлениях и способе их познания. Мало рассказать о них теоретически, они должны прежде всего поддаваться чувственному восприятию. Но словесное искусство и поэзия могут попытаться апеллировать только к двум базовым

²⁴⁶ Ibid. P. 25.

чувствам (зрение и слух), тогда как приблизительно передать тактильные ощущения и ароматы не под силу даже современному телевидению²⁴⁷. Абсолютно верно о важности зрения и визуализации пишет Я.М. Боровский: «...он (Лукреций) *видит* перед собой те вещи и процессы, о которых идёт речь, и своего слушателя заставляет *увидеть* их. С одинаковой настойчивостью взывает он к его чувственному восприятию и в наглядных примерах, иллюстрирующих отдельные положения атомистической механики, и в излюбленной формуле-концовке, подводящей итог их доказательствам: «Итак, разве ты теперь не *видишь*...» (*Nonne vides igitur...*), где неразлично слиты переносный и вновь оживший собственный смысл выражения»²⁴⁸.

Один из ключевых концептов в философской системе Лукреция это *naturae species ratioque* (I 146-48 = II 59-61) – «природы вид и внутренний строй (понимание Ф.А. Петровского)». Поэт создаёт его с оглядкой на всё те же два типа познания: чувственное и рациональное. Первый элемент *species* противопоставлен лексемам с семантикой визуального светового восприятия (*tenebrae, radii solis, lucida tela diei*), второй элемент *ratio* противопоставлен *terrorem animi*, который не наблюдаем сам по себе, а только умопостигаем. Именно здесь лежит основное семантическое различие между этими лексемами.

Возникает изящный хиазм в композиции стиха, причём усиленный зеркальной аллитерацией ***terrorem*** <=> ***ratio***. Именно так проявляет себя довольно существенный принцип, характеризующий работу нашего поэта с терминологией и понимание им гносеологической проблематики. Фундаментальная цель и метод Лукреция – изучаемый предмет должен быть

²⁴⁷ В этом случае помогают только образность и отсылка к предыдущему опыту читателя/слушателя – к *potities rerum* (выражение не встречается в поэме). Вероятно, единственными исключениями будут скульптура и современное перформативное искусство, где возможно деятельное участие зрителя.

²⁴⁸ Боровский Я.М. Поэтика доказательства у Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 129.

увиден²⁴⁹ (*oculorum subdere visu, cernes*, лексемы вышеупомянутые из I 146-48=II 59-61), услышан (*adportes auribus*, аллитерация), осязаем (*iacere indu manus*). Позиции, схожей с обозначенной, придерживается Я.М. Боровский: когда Лукреций «связывает в одно понятие «рассмотрение и рассуждение» (*species ratioque*)²⁵⁰, то здесь отражена существенная черта его мыслительного уклада и поэтической дикции. ... «Рассмотрение» для Лукреция – не метафора, а вполне адекватная характеристика его исследовательского отношения к предмету»²⁵¹.

Структура такого рода словосочетаний, как *naturae species ratioque*, существующих ввиду своей семантики и функционала где-то на границе термина, представляет программную модель и «...заставляет с особенной отчётливостью выступить указанную отличительную черту мышления поэта-философа, для которого *увидеть* значит *понять*»²⁵².

Поскольку о значимости зрительного восприятия возможного не напрямую, а только через багаж увиденных ранее образов и их умозрительное воспроизведение, было сказано вполне достаточно, следует обратиться к фонике поэмы. Именно звуковая сторона поэмы, по замыслу автора, может непосредственно воздействовать на ощущения и верное усвоение аудиторией атомистической доктрины эпикуреизма. Для Лукреция свойственен своеобразный прием, состоящий в постановке рядом слов с созвучными корнями. Поэта занимает намеренная фонико-семантическая игра²⁵³ на облике слова, а его мысль заключается в том, чтобы показать, что слова столь похожие по буквенному составу передают понятия о вещах, связанных взаимно этимологией или по составу атомов: *lignum-ignis* (I 912-

²⁴⁹ О том, что Квинтилиан это чувствовал, см., например: Savage J.J. *Quintilian and Lucretius* // *The Classical Weekly*. Vol. 46, № 3. 1952. P. 37.

²⁵⁰ О допустимости такого понимания Я.М. Боровский говорит с отсылкой комментариям к стиху I 146. См. в кн.: Лукреций. О природе вещей / Сост. Ф.А. Петровский. Т. II. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 324.

²⁵¹ Боровский Я.М. Поэтика доказательства у Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 128.

²⁵² *Ibid.* P. 129.

²⁵³ Выражение С.С. Аверинцева. Ссылку см. далее в параграфе 1.5.

914; II 386-87) «дрова-огонь (ср. русс. аллитерацию: полено-пламя), arbor-ardor «дерево-жар», Ennius-perenni (I 117) «Энний-вечный»²⁵⁴, parent-parentibus (II 643) «повинуются-родителям», amorem-umorem (IV 1054-56) «любовь-влага», callida musa Calliope (VI 93-94)²⁵⁵ «искусная (всеведущая) муза Каллиопа». Комментатор Лукреция Сирил Бейли проводит параллель-сравнение о значении порядка букв в словах и атомов в природе: «Атомизм, который эпикурейцы усматривали в материи, времени, пространстве, также распространяется на язык»²⁵⁶. Этот принцип, который можно приблизительно назвать «наглядно-акустически доказуемый атомизм», отражает индуктивную эпикурейскую модель познания: через наглядные проявления в буквенном и фонетическом строении слов слушателю предлагается понять скрытые феномены и законы природы.

Похожие сознательные примеры словесных упражнений свойственны и другим авторам: Цицерон приводит интересную модель слухового образа, который дополнительно усилен аллитерацией – *murmur maris* «ропот моря» (Cic. De orat. 159-161).

Верную и универсальную характеристику роли фонетической стороны в поэзии дал Б. Снелль: «Раз поэзия должна быть *полнозвучной*, раз звуки (в записанной или напечатанной речи: буквы) должны *звучать*, то смысл слов, содержание речи с необходимостью уступает большее, чем в прозе, место воспринимаемому чувственно: то, что слышат уши, должно иметь свою

²⁵⁴ Сравни другую метафорику, которую вкладывает в описание образа Энния Проперций: *Parvaeque tam magnis admoram fontibus ora, / Unde pater sitiens Ennius ante bibit.* (Prop. III 3, 5-6). «Слабые ближу уста к тому многоводному руслу, / Струи которого пил жаждущий Энний-отец».

²⁵⁵ Филологически добросовестное обоснование для исправления рукописного чтения стиха 92 с *callis* на *calcis* (корректурa Адриана Турнеба, XV в.) и влияние последнего на образ Лукреция-возничего, завершающего последний круг состязания (VI песнь поэмы), см. в: Степанов В.Г. Лукреций, VI, 92-95 (текстологический аспект) // *Philologia Classica*. № 3 (Язык и стиль памятников античной литературы). Л., 1987. С. 147-156.

²⁵⁶ См. раздел «Стиль» в *Prolegomena* к тому I: *Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex*. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 159.

выразительность. Способность произносимых звуков быть выразительными имеет значение уже на самых ранних стадиях развития языка...»²⁵⁷.

Так, например, в поэме встречается замечательный образец амфиболии, имеющий двойственный смысл – философский и грамматический: *de nihilo quoniam fieri nihil posse videmus* (II 287). В первом случае довольно очевидно, что излагается эпикурейская догма о сохранении материи, что «из ничего не может возникнуть нечто». Второй план содержит алфавитно-грамматическую аналогию: т.е. грамматически из аблатива местоимения «ничего» может получиться аккузатив «ничто» без одной буквы. Осознанно или не вполне намеренно внесённый, такой дуализм философии и языка прослеживается и в некоторых других приёмах.

Остроумно и афористично причину вышеуказанных парных сопоставлений и амфиболий выразил в своей классической и непреходяще актуальной статье П. Фридендер: «*etymology is atomology*»²⁵⁸. Игра буквами и звуками²⁵⁹ определённых слов становится методом лаконичного и наглядного объяснения семантики и этимологии слов (в согласии с эпикурейским принципом ясности – *σαφήνεια*). Такой метод, как кажется, несвойственен самому Эпикуру, а судить о его применении по пересказу Диогена Лаэртского весьма проблематично.

То, как Лукреций называет свои песни – *lucida carmina* – говорит о многом: это высокоискусный способ подачи материала-учения, это эксплицитная формулировка своего метода (сравни, например, выражение «*lucide definire verbum*» у Цицерона, *non radii solis neque lucida tela diei* III 92 в поэме), и, наконец, это не сильно скрываемый автограф поэта – *Lucretius*

²⁵⁷ Снелль Б. Греческая метрика / Предисл. А.И. Зайцева, пер. с нем. Д.О. Торшилова. М.: ГЛК, 1999. С. 11.

²⁵⁸ Friedländer P. Pattern of Sound and Atomistic Theory in Lucretius // *The American Journal of Philology*. Vol. 62, № 1. 1941. Pp. 16-34.

²⁵⁹ О каламбурах, акронимах и буквенных играх с определёнными целями см.: Казанский Н.Н. Греческое *ὑρῖφος* «игра в слова» в поэзии и в жизни // *Philologia Classica*. № 5. СПб, 1997. С. 131-145; Snyder J.M. *Puns and Poetry in Lucretius' De Rerum Natura*. Amsterdam, 1980.

Carus, выполненный в духе «etymology is atomology» и оформленный в виде криптонима или ателонима.

Базовый термин атомистики Лукреция – *corpora* (gen. *corporis*) – имеет схожий набор согласных с именем Эпикура (Epicurus). Выбор лексемы на эту роль мотивирован не только её значимым положением в латинском языке, но и пристальным вниманием римского поэта к атомистике звучащей речи.

На основании парных примеров *mater-materies*, *arbor-ardor* и *lignum-ignis* возникает соблазн видеть в столь искусной, как и искусственной манере визуального и акустического доказательства влияние на римского поэта, опосредованно или непосредственно, лингвистических практик Платона²⁶⁰ – из его описаний фундаментальной идеи, приписывающей началам формы правильных многогранников. В той платоновской классификации огонь отождествляется с тетраэдром: «Образ огня как пирамиды подкрепляется и сходством корней слов πῦρ и πυραμίς»²⁶¹. Данная классификация является настолько любопытным теоретическим конструктом, что до сих пор современная наука пыталась опровергнуть или подтвердить²⁶² подобного рода построения античных философов.

В поэме Лукреция самая значительная подборка примеров таких характерных фонетико-семантических пар связана с концептом «огонь»/«пламя» и лексемами *ignis/ardor* с одной стороны и концептом «бревно»/ «дерево» или иным с другой стороны:

²⁶⁰ О концепции установления языка см. диалог Платона «Кратил» и философа Кратила (последователь Гераклита). Кратил, по-видимому, считал, что имена существуют «по природе», а не устанавливаются по соглашению. При этом имена благодаря своему этимологическому значению соответствуют сущности обозначаемых вещей. Подробнее о Кратиле см.: Солопова М.А. Кратил // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., Прогресс-Традиция, 2008. С. 431-432.

²⁶¹ Штерн А.И. Stoicheia и платоновы многогранники // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 39.

²⁶² Ученые из Венгрии и США недавно подтвердили правоту Платона, считавшего, что форма земли – куб. См. Domokos G., Jerolmack D.J., Kun F., Török J. Plato's cube and the natural geometry of fragmentation // Proceedings of the National Academy of Sciences, vol. 117, № 31. 2020. Статья: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2001037117> (Дата обращения 15.08.2022), новость: <https://penntoday.upenn.edu/news/plato-was-right-earth-made-average-cubes>.

usque adeo sequitur res rem, neque flamma creari
fluminibus solitast neque in **igni gignier** algor. (III 622-23)

atque ideo transire foramina quae nequit **ignis**
noster hic e **lignis** ortus taedaque creatus. (II 386-87)

(natura) non alia longe ratione atque arida **ligna**
explicat in flammis et <in> **ignis** omnia versat. (II 881-82)

fulmina, declarant ictus et inusta vaporis
signa notaeque gravis halantis sulphuris auras;
ignis enim sunt haec non venti **signa** neque imbris. (VI 220-22)

ignis ubi **ingentis** silvas ardore cremarat (V 1243)

В V книге (V 1091-1104) обнаруживается целая цепочка слов со значениями «огонь»/«жар»/«пламя» в конце стихов, где присутствует этимологическая игра *flamma-flumen*, *arbor-ardor*, все указанные-*ignis*. Можно также отметить аллитерации *fulmen* и *flumen* (VI 255-61). Учитывая педагогическую силу и наглядность приведённого выше платоновского примера с огнём, возможность влияния его языковой парадигмы на становление лингвистических методов и философского языка Лукреция не стоит недооценивать.

Как видно, такая фонетико-семантическая игра характерна для Лукреция. Она как нельзя лучше подходит для иллюстрации мысли греческого философа о том, что вещи состоят из одних и тех же атомов, но в различных пропорциях и сочетаниях. Для её успешной реализации текст Лукреция изобилует паронимией²⁶³ (или – в латинском варианте – анноминацией) и аллитерацией. О достоинствах тропа и мотивации к использованию паронимии достаточно ёмко пишет Квинтилиан: «Внимание слушателя... возбуждается и заостряется либо созвучием, либо

²⁶³ О сущности тропа паронимии см. определение Дурова: «Паронимия, или анноминация (греч. παρονομασία, лат. *anponinatio*), – сочетание близких по звучанию, но разных по значению слов – омофонов, например, «не глух, а глуп», «не к спеху, а к смеху». См. по: Дуров В.С. Основы стилистики латинского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. С. 36.

сходством, либо противоположностью слов», и далее: «Эта фигура [парономасия] всегда выходит красивой, когда она соединена с остроумным смыслом» (Quint. Inst. or. IX 3, 66 и 76)²⁶⁴.

Характерной чертой этимологических зарисовок с парономасией является то, что поэт пытается сблизить два явления, заостряя их умозрительную (а не этимологическую) семантическую принадлежность единому полю. Встречаются парономасии, где члены не связаны этимологией (яркий пример – *muta metu* I 92) и где этимологически родственны как, например, *officium* (<= *orificium* <= *opus* + *facio*) и *officere* (*ob* + *facio*):

...namque officium quod corporis exstat,
officere atque obstare... (I 336-37)

ведь то, что является признаком тела:
Противодействовать и не пускать ...

В данном случае через парономасию поэт демонстрирует, что основное свойство материального тела в отличие от пустоты – это *officere* «противодействие», которое называется *officium* «обязанностью» любого тела. Представляется даже возможным выделение небольшой классификации парономасий: диаметрально противоположные – наглядно доказывают, что от незначительной перемены составляющих меняется суть вещи (*lignis-ignis*, *arbor-ardor*, *flamma-flumen*, *fulmen-flumen*), сближаемые – общий элемент должен указывать на глубинную связь (*materia/-es* и *terra*, *materia/-es* и *mater*, *Tartara* и *taetra* V 1126); несопоставимые или толковательные – второй компонент является свойством или примитивно объясняет этимологию (*igni-gignier*, *ignis-ingentis* V 1243, *ignis-signa*, *amor-umor*).

²⁶⁴ Дуров В.С. Основы стилистики латинского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. С. 36.

Бывают паронимии с несколькими параллелями (самая широкая пёстрая сочетаемость): *losa-lacus* (II 344-345; VI 738, 746-747), *lux* (V 299) и *luce* (V 779), *loquuntur* (IV 580-581), зеркальное *oculis* (II 357).

Самая незаметная визуально при чтении поэмы, но фонетически различимая парная паронимия: *virum-veridico* и *corde-ore* (VI 5-6). Эта одна из последних паронимий посвящена именно Эпикуру и является показательной иллюстрацией, как эволюционирует образ мудреца на протяжении повествования. В этой VI книге он описывается как пророк с особым нутром (*corde*), потому что его уста названы вещами – *veridico ore*.

Лукреций не первопроходец, а подобная страсть автора поэмы к звукописи неслучайна. Аллитерация и паронимия весьма регулярно применяются в литературе, примеры этого есть у Энния и Плавта. Но более существенно, что традиция содержит сведения, что Эпикур якобы тоже пользовался паронимией: пример связан с именем Демокрита²⁶⁵ (из Абдер, важнейший представитель античного материализма, 460-370 гг. до н.э.) Δημόκριτος, которое Эпикур якобы насмешливо искажил в Ληρόκριτος Лерокрит «Искатель пустяков».

К звукописи Лукреция имеется одна интересная параллель, о которой упоминает Э.Р. Доддс, замечая, что в эллинистическое и римское время для исцеления некоторых психических расстройств могла использоваться музыка: «...видимо, только школа перипатетиков первой начала изучать его [музыкальный катарсис] в свете физиологии и психологии эмоций. Феофраст, подобно Платону, верил, что музыка способна снимать состояние тревоги. В I в. до н.э. жил Асклепиад, модный римский врач, лечивший душевнобольных посредством «симфонии»»²⁶⁶.

²⁶⁵ О Демокрите как источнике концепций Эпикура: Warren J. Epicurus and Democritean Ethics. An Archaeology of Ataraxia. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

²⁶⁶ Доддс Э.Р. Греки и иррациональное / Пер. с англ., комм. и указатель С.В. Пахомова; Послесл. Ф.Х. Кессиди. СПб.: Алетейя, 2000. С. 123.

Наконец, последним эффективным и эффективным приёмом в арсенале Лукреция становится тмесис²⁶⁷ – не только традиционным гомеровским приёмом, но и удобным средством доказывания принципа «наглядно-акустически доказуемый атомизм» – *ordia prima* (IV 32) *disque sipatis* (I 651), *prius aggrediar quam* (V 110).

Резюмируя всё выше сказанное, можно признать, что объяснение в эпикурейской философии природы всех вещей эксплицитно – посредством ярких языковых параллелей, демонстрирующих общность составляющих их частей (*ligna-ignis* I 907-914). Атомистика природы находит доказательную базу в атомистике языка. Для этого применяются различные тропы (парономасии) и фигуры речи (аллитерации).

1.5. Механизмы выделения термина в поэме. Способы ввода терминов у Лукреция.

Зарождение и популяризация новой отрасли знания (культурной реалии) требовало создания целого нового пласта лексем-профессионализмов в языке. Решая проблему наличия или отсутствия терминов в поэме «О природе вещей», необходимо обратить внимание на две исходных гипотезы. Первая гипотеза – поэма может не содержать набора терминов как системы, быть «художественной» и в некотором роде «хаотичной», или имеющаяся система может быть нестройной. И хотя Я.М. Боровский довольно справедливо замечает, что «Лукреций глубоко ощущает бесконечное богатство бытия, переполняющее любую налагаемую на него рассудком схему, и это ощущение составляет основной эмоциональный тон его отношения к природе»²⁶⁸, всё-таки представляется оправданным проверить то

²⁶⁷ О более распространенном явлении тмесиса в глаголах см.: Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общеευропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / Под общей ред. Н.Н. Казанского. 2-е доп. издание. М.: Индрик, 2001. С. 376.

²⁶⁸ Боровский Я.М. Образ Эпикура у Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 116.

обстоятельство, складывалась ли всё же в голове поэта вся масса философских понятий в некую цельную систему.

Вторая гипотеза – Лукреций переводит цельную готовую систему взглядов, а, следовательно, её блоки, отдельные элементы в любом случае проникнут в поэму. Поэтому, если в оригинальном труде греческого философа мы наблюдаем эту цельную систему, то глубинного понимания творческого процесса Лукреция по созданию его терминологии можно достичь лишь в перманентном сравнении с параллельными местами Эпикура. В данных обстоятельствах представляется верным мнение Д. Клэя: «Сопоставление текстов – единственный способ охарактеризовать философскую риторику Эпикура и затем Лукреция. Различия, всплывающие на каждой стадии этого исследования, изображают одно из самых поразительных литературных и философских взаимоотношений древнего мира, и более того – всех времен»²⁶⁹.

Однако здесь необходимо уточнить, что порой из-за фрагментарного характера наследия Эпикура и отсутствия *ipsissima verba* обязательным источником для сравнений становится доксография²⁷⁰ с нередкими подборками цитат по Аэтию²⁷¹ (Aëtius, I в. н.э. или ок. 100 н. э.). В некоторых случаях доксография – наша единственная связующая нить с Эпикуром, далеко не всегда аккуратно полная и непротиворечивая. При согласии доксографической традиции и текста поэмы её польза для реконструкции учения афинского философа неопределима.

²⁶⁹ Clay D. *Lucretius and Epicurus*. Ithaca, London: Cornell University Press, 1983. P. 14.

²⁷⁰ Термин «доксографы» ввел Герман Дильс. Подробнее см.: Жмудь Л.Я. Доксография // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 343.

²⁷¹ «Имя неизвестного по источникам автора обзора философских доктрин – так называемых «Placita». Начиная с Дильса (1879), он предполагаемый источник двух сборников доксографии – *Placita philosophorum* «О мнениях философов» (2 в. н. э.?) Псевдо-Плутарха и *Eclogae Physicae* «Извлечений» (5 в. н. э.) Иоанна Стобея». См. по: Mejer J. *Aëtios // The Encyclopedia of ancient natural scientists. The Greek tradition and its many heirs* / Ed. P.T. Keyser, G.L. Irby-Massie. London; New York: Routledge, 2008. Pp. 37-38. Между Аэтием и Теофрастом Г. Дильс предполагал еще один промежуточный источник – так называемые *Vetusta placita*, подробнее см. в: Жмудь Л.Я. Доксография // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 343.

Как образуется термин, довольно ясно показал С.С. Аверинцев на примере греческого языка платоновского периода: «Преобразование обиходного бытового слова в компонент заново и впервые становящейся терминологической системы — процесс сложный и во многом парадоксальный: на своем пути к статусу философского термина слово неминуемо должно было пройти через зону повышенной метафорической активизации». Также С.С. Аверинцев выделяет «напряженную фоново-семантическую игру»²⁷², как сопутствующую процессу становления термина.

О наличии такой стадии фоново-семантической игры в поэме уже было сказано. Теперь попытаемся обговорить признаки термина, по которым его можно отличать от слов общего языка.

Несмотря на разнообразие точек зрения на признаки, которыми должен обладать термин, остановимся на одной из стройных концепций, предложенной С.В. Гринёв-Гриневичем. Исследователь определяет термин как «номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание), принимаемую для точного наименования понятий»²⁷³. По его мнению, этом определении заложены основные конституирующие свойства термина, его признаки, позволяющие отграничить его от нетерминов: обозначение понятия, принадлежность к специальной области знания, дефинированность, точность значения, контекстуальная независимость, конвенциональность и целенаправленный характер появления, устойчивость и воспроизводимость в речи, номинативность, стилистическая нейтральность²⁷⁴.

В дополнение к признакам термина, указанным С.В. Гринёв-Гриневичем, необходимо предложить критерии, специфичные для латинского языка и эпикурейской терминологии Лукреция. Существенный

²⁷² Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии / Отв. ред. С.С. Аверинцев. М.: Наука, 1979. С. 41-81.

²⁷³ Гринёв-Гриневич С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. С. 30.

²⁷⁴ Ibid.

момент в том, чтобы признать слово термином в лёгких и тем более трудных случаях, базируется на выделении «терминообразующего критерия»²⁷⁵.

Первый важный, сущностный терминообразующий критерий или признак термина – когда латинская лексема опирается на однозначно трактуемый греческий прототип-термин, когда может последовательно фигурировать в тех же контекстах и наделена схожей семантикой, тогда её можно признать термином. Сложнее дело обстоит в ситуациях, когда греческий прототип композитный и с сложным семантическим наполнением, а латинская параллель используется предельно скупо.

Второй признак – маркирование вспомогательной лексемой: употребление с уточняющим род. п. – *primordia rerum, semina (rerum)* или с определением – *corpora prima/genitalia*, реже с числительным – *quattuor res* (I 714, 763), *quarta quaedam natura* (III 241)²⁷⁶. Лукреций пользуется методом копирования (семантического и синтаксического калькирования целиковой синтагмы) наиболее характерных эпикуровых выражений: так, из $\alpha\iota\sigma\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu\ \phi\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota\varsigma$ получаются *natura corporis, primorum natura* (II 313), немного неточные копии *vis materiai* (I 1051; II 544), *omnis materiai copia* (III 193-194); из $\tau\omicron\ \kappa\epsilon\nu\acute{\omicron}\nu$, $\eta\ \tau\omicron\upsilon\ \kappa\epsilon\nu\omicron\upsilon\ \phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\varsigma$ складываются *natura inanis, natura loci spatiumque profundum* (I 1002), *natura profundum* (II 1051). Ключевые определения-прилагательные к понятию «пустота» имеют греческие прототипы: *profundum* ($\acute{\alpha}\pi\epsilon\iota\rho\omicron\nu$), *intactum* ($\acute{\alpha}\nu\alpha\phi\acute{\epsilon}\varsigma$). Синтагма $\eta\ \acute{\alpha}\nu\alpha\phi\acute{\eta}\varsigma\ \phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\varsigma$ (= $\tau\omicron\ \kappa\epsilon\nu\acute{\omicron}\nu$) «природа, сущность неосязаемого (= пустота)», по-видимому, представляла семантическую проблему для римского уха, поэтому поэт переводит и пробует выразить этот концепт разными синтаксическими средствами, подбирая для читателя наиболее доступный и

²⁷⁵ Термин введен Т.Ф. Теперик. Подробнее см. в: Теперик Т.Ф. Терминологический характер слова *Gnome* в «Риторике» Аристотеля // Античная культура и современная наука. М.: Наука, 1985. С. 157-160.

²⁷⁶ Подобным признакам соответствуют и некоторые термины каноники: *notities veri* (IV 476, 479).

приемлемый вариант, среди которых самый близкий оказывается метким афористичным стихом: *tactus corporibus cunctis, intactus inani* [coniunctum est] (I 454)²⁷⁷. В его структуре можно наблюдать вынужденную замену родительного падежа дательным.

Употребление с уточняющим родительным падежом – весьма распространённая модель, имеющая примеры в разнообразных сферах лексики: *prima virorum* (I 86), *serena caeli* (II 1100), *munita viai* (III 498), *structa saxorum* (IV 361), *magni per caerula mundi* (V 772), *caerula caeli* (VI 96)²⁷⁸, *per dissaepa domorum saxea* (VI 951) etc.

Некоторые термины разворачиваются в довольно пространные перифразы: *duplex natura corporis atque loci, res in quo quaeque geruntur* (= *inanis*) (I 503-505). Группа понятий «атом», «частица», «материя» и с другой стороны «пустота», а также их лексическое оформление, встречаясь в одних контекстах и выступая как антонимы, являются наилучшей иллюстрацией того, что их концентрированное взаимное присутствие усиливает их роль и потенциал как терминов, что «для распознавания терминологических значений можно использовать не только определения терминов, но и термины, образующие с ними группы однородных членов предложения»²⁷⁹. То же самое будет иметь силу для пар «душа» – «тело (как оболочка)».

Учитывая значимость композита ἡ τοῦ/τῆς Χ φύσις, построенного в духе Эпикура, разумно выделить его в отдельную, вторую парадигму второго признака (маркирование вспомогательной лексемой). Наличие род. падежа и слова φύσις или его аналога характеризует термин, поскольку представляет собой ничем другим не мотивированное подражание собственной модели

²⁷⁷ «Тел ощущаемость всех и неошутимость пустого».

²⁷⁸ Разновидность этимологической фигуры, поскольку прилагательное образовано от *caelum*, *i*, *n* «небо»: *caeruleus*/ поэт. *caerulus* < *caeluleus* в результате регрессивной диссимиляции *l – l > r – l*. См. Малинаускене Н.К. Введение в историю латинского языка (классический период): Курс лекций. Материалы для практических занятий. М.: ГЛК, 2006. С. 171.

²⁷⁹ Как, например, для термина болт – термин гайка. См. по: Гринёв-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. С. 102.

Эпикура и его языковой манере. Обильно, помимо упомянутых ранее составных терминов, эта эпикурейская модель применяется к терминологии строения души: из ἡ τῆς ψυχῆς φύσις поэт составляет *natura animai* (III 531, 624, 670, 712) и *natura animi* (III 203, 561, 708, 788, 831), *natura animi atque animai* (III 35-36, 130-131, 212, 329), *animi natura animaeque potestas* (III 844). Четвёртая часть души – это особая эпикурейская инновация, поэтому она приобретает свои перифрастические экземпляры, как *quarta quaedam*²⁸⁰ *natura omnino nominis expers* (III 241-242).

Таким образом, перед нами предстают различного объёма перифразы, берущие за образец манеру выражения Эпикура. Слово φύσις в приведённом обороте Эпикура в значительной степени десемантизировано, так что вариант *natura* или, реже, *vis/potestas* в тексте поэмы является органичным, но всё же отдельно переводить его не обязательно.

Модель эпикурева композита ἡ τοῦ/τῆς Χ φύσις востребована не только для терминологии, но и вполне органично стала атрибутом лукрециевой поэтики. Она применяется для художественного описания природы (флора и фауна): *natura animantum* (I 1038) = *animalia*, *natura boum* (III 302) = *boves*, *taetra absinthi natura ferique centauri* (II 400-401) = *absinthium et centaurēum* (-ium), а также некоторых физических феноменов: *coloris natura* (II 757-758, 818) = *color*.

Значительно реже для акцентирования терминологического слова используется третья парадигма определений – маркирование путём постановки Ablativus qualitatis: *sunt igitur solida primordia simplicitate* (I 609; также ср. I 548, 574; II 157), *corpora tali natura praedita* (I 798-799), *aeterno semine* (I 221), *primordia immortalis corpore* (I 545). Порой поэт образует сложные случаи, сочетая два способа маркирования: сравни дефиницию «богов» – *omnis divom natura immortalis aevo* (II 646-647), любопытный случай

²⁸⁰ Редкий пример неопределенности в структуре термина. Сравни выше сказанное о стиле и структуре переводной терминологии Цицерона.

(несогласованное опред. + прич. + Abl. qual.) – *materiai / corpora consimili natura praedita fingas* (I 916-917).

Необходимо также упомянуть, что юридический и военный язык тоже широко применяют первую парадигму, получая подобную структуру терминов: 1) *mores maiorum, senatus consultum, rex sacrorum, duoviri perduellionis*; 2) *tribunus militum, magister equitum, praefectus socium* и т.д. Для третьей парадигмы в указанных профессиональных сферах используется, например, двойной дательный падеж или описательные конструкции с предложениями: *decemviri legibus scribundis, legatus pro praetore*.

Комбинируя и варьируя определения, римский поэт получает необходимый ему термин, чей облик в большинстве перечисленных примеров не подстраивается под обывателя, не подготавливает к знакомым языковым особенностям первоисточника, а скорее отсылает к ним. Атрибуты этого признака в современном терминоведении надёжно занимают своё место, как это указывает С.В. Гринёв-Гриневич: «...разница в значениях многозначных (или омонимичных) терминов вызывает различия в составе определений. Следовательно, конкретные значения многозначного слова или омонимы часто могут быть идентифицированы по типичным для них определениям»²⁸¹.

Третий признак присутствия термина это наличие плеоназма. Такие примеры немногочисленны, в основном охватывают атомистическую и общефилософскую терминологию: напр., *corpora materiai* (I 552), *e corporeis principiis* (IV 534), *summarum summa* (III 816 = V 361). Такой метод комбинирования характерен и для общей лексики, которая благодаря этому приобретает дополнительные художественные потенции: *liquidus umor aquai* (III 427).

Четвёртый терминообразующий критерий или признак термина, не отличающийся методической последовательностью по отношению ко всем

²⁸¹ Гринёв-Гриневич С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. С. 102.

единицам атомистической системы, состоит в том, что для греческого прототипа возможно синхронное существование нескольких приблизительно равноправных вариантов, напр.: для τὸ πᾶν «вселенная» – *omne, omne quod est, summa, summa (rerum), summarum summa*; для концепта ἄτομος и σῶμα «атом»/«частица» – *corpora prima/genitalia, corpuscula, primordia (rerum)/ordia prima (IV 28), principia* (только Gen., Abl. Pl.), *prima* (I 61; III 372 - чтение кодексов и Мартина; IV 186), *semina (rerum), exordia (rerum), elementa (prima/primoria)*; для концепта ψυχή синонимичные взаимозаменяемые наименования частей души – *natura animai* и *natura animi, animi natura animaeque potestas*.

Казалось бы, такая пестрота и поведение многочисленных вариантов не согласуются с научной строгостью. Однако необходимо помнить, что Лукреций – один из первопроходцев в деле популяризации эпикуреизма в Риме на латинском языке, а критерии научной точности людей античности и нашего времени не являются тождественными. Помимо того наблюдаемое множество модификаций для какого-либо одного понятия совершенно закономерно, поскольку метрика, поэтическая образность и поэтический стиль (регистр) требуют вариативности хотя бы на минимальном уровне.

Объективные трудности возникают порой в определении, где термин, а где метафора, сравнение, выраженное словом общей лексики. Путаница происходит со словами многозначными, широко употребляющимися в обыденной речи. Два самых ярких примера – *semen* и *corpus*. Так, например, в предложении «*corporibus caecis igitur natura gerit res* (I 328)» словосочетание *corpora caeca* маркируется и его значение безошибочно конкретизируется через соседство лексемы *natura* и описываемое действие – *gerit res*. Помимо этого в подобных внешне не сразу очевидных словоупотреблениях помогает контекст – как весьма узкоспециальная натурфилософская проблематика в I книге.

Резюмируя проблему критериев термина, следует в целом согласиться с позицией С.В. Гринёв-Гриневича: «Таким образом, разница в значениях термина отражается на различиях в значениях, определяющих его, определяемых им и образующих с ним ряды однородных членов предложения лексических единиц. Разница в контекстуальном окружении может быть использована в качестве формального критерия при выявлении омонимичных терминологических форм и разных значений многозначных терминов»²⁸².

Однако не всегда термины легко выявляются и обнаруживаются в поэме. Если обратиться к базовым, начальным вещам, то необходимо констатировать, что даже как выражается понятие «определение» у Лукреция, выявить не удалось. Следовательно, параллели к греч. ὄρος/ὄροι «определения, понятия», не встречаются в поэме, как и собственно латинская лексема *definitio*.

Неизбежны оказываются творческие неудачи. Иногда поэт сталкивается с бессилием адекватно подобрать аналог в родном языке: таков случай апории с труднопереводимым термином Анаксагора «гомеомерия» («подобочастное»). За такие, впрочем, редкие заимствованные научные и узкоспециальные слова и за привнесение в текст грецизма Лукрецию приходится оправдываться:

Nunc et Anaxagorae scrutemur homoeomerian
quam Grai memorant nec nostra dicere lingua
concedit nobis patrii sermonis egestas. (I 830-832)

Анаксагора теперь мы рассмотрим «гомеомерию»,
Как ее греки зовут; а нам передать это слово
Не позволяет язык и наречия нашего скудость...

Наиболее вероятными и надёжными критериями жизнеспособности полученных терминов стоит признать: 1) соответствие оптимальной длине

²⁸² Гринёв-Гриневич С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. С. 102.

термина (термин В.М. Лейчика) либо максимальное стремление к «идеальной длине термина», то есть ёмкость отражения переводимого концепта минимально необходимым набором терминологических элементов (сравни *materia/-es* и его греческий прототип ὕλη; *natura corporis, primorum natura* (П 313) и αἱ σωμάτων φύσεις), 2) благозвучие или эвфонический параметр, (ср. краткая калька с греческого *atomus* и Цицеронов тяжеловесный вариант *individuum*). Показательным будет пример с редким неологизмом: более плавный в произношении термин *clinamen* «отклонение» и παρέγκλισις, осложнённый группой согласных.

Популярность и жизнестойкость философской школы и учения, как представляется, может влиять на закрепление термина только отчасти, потому что некоторые из них начинают жить настолько своей собственной судьбой, что никто не рефлексирует над их автором и не задумывается о происхождении (сравни в русском языке лексемы «гомеометрия» и «атом», «элемент», «электрон»). Кроме того, ничто уже не сможет заменить удачный и, при этом, интуитивно адекватный термин на неологизм (сравни «вещество-материя», «хаос», «тяготение-гравитация»).

Этимологическая ясность, без сомнения, таким критерием для закрепления термина не является, поскольку многие термины науки и техники, философии и культуры спокойно заимствуются из иностранных языков людьми абсолютно не знакомыми с этими языками (см., например, «катарсис», «мотор» и «пейзаж»).

Применив количественные подсчёты, можно подвести итог, что в системе атомистики Лукреция преимущественное распространение получили термины-существительные. Кроме того, наблюдается расширение сферы употребления немногих субстантивированных прилагательных под влиянием греческой философской терминологии: *inane, otne*.

Говоря о способах ввода новых терминов в текст произведения, следует признать, что лексическое оформление ввода эпикурейских терминов (в

мастерской римского писателя) отличается разнообразием. По результатам анализа удалось выделить 4 основных модели: 1) пассаж, насыщенный синонимами-вариантами («атомы»), 2) дефиниция («материя» и «пустота», части «души»), 3) продолжительное объяснение явления, завершающееся термином (*clinamen*), 4) ввод от 1 лица ед. или множ. числа – *pluralis modestiae* (напр., «атомы», «пустота», «гомеомерия», «явления», «движение»).

От первого лица термины часто вводятся с помощью формульных предикативных конструкций с глаголами *vocamus*, *nominamus*, *expediamus* и *appellare suemus* и другими подобными лексемами (ср. *patrio vocitamus nomine fulmen*). То, что множественное число – это не несколько авторов поэмы, а всего лишь *pluralis modestiae*, подразумевающий одного только Лукреция, свидетельствует пассаж о сне (IV 954-1036), в котором автор продолжает работать на поэмой, разумеется, сам:

Nos agere hoc autem et naturam quaerere rerum
semper et inventam patriis exponere chartis. (IV 969-970)

Я — продолжаю свой труд и вещей неуклонно природу,
Кажется мне, я ищущим родным языком излагаю.

1.6. Обозначение понятий «философия» и «философ» в поэме Лукреция (Reperita). Образ Эпикура и культ учителя в греческой философии

Прежде всего, приступая к рассмотрению философской терминологии эпикуреизма в поэме «О природе вещей», следует начать с самого простого и неочевидного – с именования этой области знания. В результате даже поверхностного знакомства читатель заметит, что Лукреций избегает самого термина «философия»²⁸³ и не употребляет лексемы с этим корнем, что,

²⁸³ Создание термина «философия» традиция приписывает Пифагору. Про периодизацию философии и термин «начало» у греков подробнее см.: Reale G. *Il pensiero antico. Vita e Pensiero*. Milano, 2001. Pp. 9, 12. По истории появления и использования терминов «философия» и «философ» и их производных в русской культуре см.: Гречко В.А. Из

конечно, обусловлено метрической структурой слова, а именно невозможностью использования в гекзаметре. Поэт в том числе, по-видимому, идёт по следам Эпикура, в двух письмах и в «Главных мыслях» которого совсем не фигурирует понятие «философия», хотя при этом очень концентрированно употребляет однокоренной глагол φιλοσοφεῖν (дважды), причастие φιλοσοφῶν и даже, например, отглагольное прилагательное φιλοσοφητέον «следует заниматься философией»²⁸⁴ в самом начале письма к Менекею (Epist. Epist. ad Menoeas. 122). Хотя в папирусных фрагментах трактатов Эпикура φιλοσοφία встречается: φιλοσοφίας δι' ἧς μόνης ἔστιν ὀρθοπραγεῖν (Epist. Pap. Herc. 1251, col. XIII. 6) «философии, только благодаря которой одной можно правильно поступать» (перевод мой – И.Т.).

Сама лексема не была статичной, одномерной, однозначной. Так, Геродот, «говоря о Солоне, использует термин «философия» (φιλοσοφία – любовь к знанию), он имеет в виду его выдающуюся мудрость (I 30)»²⁸⁵. Более показательна жизнь термина «философия» в творчестве Аристотеля, где используется он в двух значениях: в широком, «для обозначения всех наук в совокупности, ... т. е. действительно всю достигнутую мудрость», для наименования этой общей мудрости он применяет термин во множественном числе (φιλοσοφίαι). И, во-вторых, в узком, «к науке о сущности и сути бытия», которую науку, или философию в собственном

истории терминов (семантическое и грамматическое развитие терминологических дериватов) // Термин и слово. Межвузовский сборник. Горький, 1981. С.13.

²⁸⁴ Перевод С.И. Соболевского в: Фрагменты Эпикура // Лукреций. О природе вещей / Сост. Ф.А. Петровский. Т. II. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 591. В целом фраза не является узконаправленной на собственную школу, но скорее универсальна: ὥστε φιλοσοφητέον καὶ νέῳ καὶ γέροντι... «Поэтому и юноше, и старцу следует заниматься философией...».

²⁸⁵ Комарова В.Я. Становление философского материализма в Древней Греции (Логико-гносеологический аспект диалектики философского познания). Л., Издательство ленинградского университета, 1975. С. 6-7.

смысле, он именуется первой мудростью и использует в этом случае термин в единственном числе (φιλοσοφία)²⁸⁶.

Аристотель, определяя философию как науку о первых началах и причинах бытия, дает и другое определение, более адекватное содержанию и его собственной философии, и философии Платона, и некоторых более ранних мыслителей: философия есть наука о началах и причинах сущего как такового (Metaph. IV 1—3; VI 1, 4)²⁸⁷.

Достоин упоминания факт, что Лукреций всего однократно помещает в текст поэмы слово *sapientia* и только в значимом контексте, где идет речь о «впервые изобретенных основах» жизни, названных «мудростью» (V 9-10). Как следует из этого отрывка во вступлении V книги, именно программа Эпикура, а не его предшественников и идейных противников, стала, по мнению Лукреция, первой действительной мудростью греко-римского мира. При этом философ не почерпнул ее из других источников и школ, но изобрел сам, родил в своей душе и оставил людям как дар (V 3-12). Также поэт всего один раз употребляет лексему *sapientes*, которую едва можно воспринимать как термин. Под выражением *doctrina sapientum* (II 8) можно видеть латинский аналог греческого слова φιλοσοφία, что подкрепляется общей мыслью пассажа, однако сочетание не является устойчивым и не используется последовательно в схожих контекстах поэмы.

Казалось бы, лексема *doctrina* как нельзя лучше подходит для передачи столь непростого и объёмного понятия. Однако она не является частой и не становится одним из базисных элементов языка Лукреция. Ее значение можно определить как «учение», «мудрость», что подтверждается контекстами, где фигурируют не названные конкретно мудрецы и один раз даже Халдеи (V 727-28).

²⁸⁶ Ibid. Pp. 6-7.

²⁸⁷ Ibid. P. 9.

В дополнение ко всем вышеупомянутым редко используемым способам Лукреций также избегает гречизма *sophia*²⁸⁸, хотя он вполне возможен в гекзаметрическом стихе и засвидетельствован у Энния (Enn. *Annales* VII 711). В то же время лексема *sophia* присутствует в поэме республиканского периода *Ciris*.

Для передачи термина «философ» Лукреций, вероятно, пользуется перифразой *repertores doctrinarum* (III 1036)²⁸⁹. Поскольку это выражение автор употребил однократно и не в значимых теоретических пассажах, по-видимому, стоит отказать ему в терминологичности. Хотелось бы подчеркнуть, что оно не применяется персонально ни к кому из философов, но только как совокупности мудрецов. Единственный аргумент за признание термином – последующий ряд имён, начиная с Гомера, универсального учителя, продолжая Демокритом и Эпикуром.

Важнейшей чертой языка Лукреция представляется отсутствие лексем «эпикуреец», «эпикурейский», отражающих принадлежность к последовательно излагаемому в поэме учению. Имя самого основателя школы упомянуто всего один раз (!) в контексте неотвратимости смерти для всех людей, в том числе великих государственных и культурных деятелей Греции и Рима (III 1024-1045):

Ipse Epicurus obit decurso lumine vitae²⁹⁰,
qui genus humanum ingenio superavit et omnis
restinxit stellas exortus ut aetherius sol. (III 1042-44)²⁹¹

²⁸⁸ О греческом понятии σοφία см. следующие исследования: Лосев А.Ф. *Terminus «sophia» bei Platon // Meander*. № 7-8. 1967. Ss. 340-348; Maier Fr. *Der σοφία-Begriff. Zur Bedeutung, Wertung und Rolle des Begriffs von Homer bis Euripides*. Diss. Augsburg, 1970; Ярхо В.Н. *Наставления Гесиода и ближневосточная мудрость: заимствование или типологическое сходство? // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. № 25. 1977. С. 325-331; Топоров В.Н. *Еще раз о др.греч. ΣΟΦΙΑ: происхождение слова и его внутренний смысл // Структура текста*. М., 1980. С. 148-173.

²⁸⁹ Ср. перифразу для слова «поэт»: *adde Heliconiadum comites; quorum unus Homerus* (III 1037). Эта лексема встречается в поэме 5 раз только применительно к греческим поэтам.

²⁹⁰ Ср. образ факельного бега и иллюстрацию преемственности поколений живых существ: *inque brevi spatio mutantur saecla animantum et quasi cursores vitae lampada tradunt* (II 78-79).

Сам Эпикур отошел по свершении поприща жизни,
Он, превзошедший людей дарованием своим и затмивший
Всех, как и звезды, всходя, затмевает эфирное солнце.

Эпикур затмил всех философов и мыслителей своим появлением и ясным учением, первый постиг порядок вещей, за что последовательно сравнивается со светоносной²⁹² звездой и с богами (V 3-12, 19). В данном контексте содержится важная мощная метафора: все эти мыслители и поэты отождествляются со звездами (видными на небе только ночью, то есть во мраке), с появлением же Эпикура-солнца звезды гаснут, а мрак рассеивается.

Как представляется, Лукреций в своей поэтической технике ставит себе одной из задач превзойти современников, почитателей Эпикура, и подняться на качественно иной уровень. Вероятно, он не чужд мысли подобно учителю и духовному ориентиру затмить всех римских соперников в своей сфере - дидактической поэзии и философской литературы. Отсюда возвышенная поэзия вместо прозы, отсюда *lucida carmina* на латинском языке без греческих философских неологизмов, в то время как большая часть ранней римской эпикурейской литературы, если верить источникам, обладала невысокими языковыми и стилистическими достоинствами. Как бы то ни было, Лукреций самый известный римский эпикуреец, самый плодовитый и ценный, в то время как сведения о других скудны и обрывочны.

Стоит отметить, что само употребление *lucida* имеет программное значение для автора поэмы и заслуживает отдельного внимания с точки зрения стиля и риторики, употребления в качестве риторического термина²⁹³.

Несмотря на объемы поэмы и точную научную проблематику, подразумевающую критику предшественников и оппонентов как в философской области, так и в жанровой, упоминания различных деятелей по

²⁹¹ Заслуживают внимания попытки объяснения этимологии *sol* «солнца» в духе народной этимологии (Цицерон «О природе богов», II 68): «*sol dictus sit vel quia solus ex omnibus sideribus est tantus vel quia cum est exortus obscuratis omnibus solus apparet...*».

²⁹² См. интересные наблюдения Васильевой о двойственности образа света в поэме в: Васильева Т.В. Философия и поэзия Лукреция как выражение единого мироощущения // Поэтика античной философии. М., Академический проект; Трикста, 2008. С. 715-716.

²⁹³ Milanese G. *Lucida carmina: comunicazione e scrittura da Epicuro a Lucrezio*. Milano, 1989.

именам встречаются сравнительно редко: единожды Гомер, Гераклит и Эпикур, Анаксагор дважды, Демокрит трижды. Эмпедокл назван один раз, но с эпитетом *Acragantinus*, с целым экскурсом на его родину Сицилию и прелестной похвалой, фактически возносящей сицилийского мудреца в сонм богов. Римлянин Энний упомянут дважды в одном абзаце (I 117), хотя не стоит забывать о намеренной семантико-фонетической игре с добавлением прилагательного: *Ennius – regennis* «вечный». Большинство упоминаемых людей в поэме – философы, что не оставляет сомнений о её содержании.

Необъяснимым образом в тексте поэмы мы не встречаем ни имён видных учеников Эпикура раннего периода, ни римских эпикурейцев – современников Лукреция, ни членов сообщества в Кампании, ни упоминания афинских или кампанских схолархов. Всё, что касается традиции, а также прославляемой Эпикуром дружбы, намеренно исключено из повествования. Не менее странным выглядит молчание о трактатах афинского философа и его биографии, тем более о трудах последующих эпикурейцев. Кроме того, отсутствуют понятийный аппарат или, хотя бы перифрастические дефиниции для перевода на латинский язык названий общих разделов философии и каких-либо других направлений философской мысли. Хотя Лукреций в положении *primus* (V 335-337) постулирует первенство в римской дидактической философской поэзии, тем не менее он не превращает поэму в элементарный учебник по философии и естествознанию.

Reperta «открытия»

Лексему «философия» Лукреций заменяет её латиноязычными аналогами. Вместо «философии» поэт использует субстантивированное причастие *reperta* (nom. pl. neutri generis) «открытия» в таких сочетаниях, как *Graiorum obscura reperta, praeclara reperta, divina reperta*. Выражение *Graiorum obscura reperta* служит Лукрецию названием для греческой философии и содержит тройной посыл. Во-первых, подчеркивается, что речь будет идти о достижениях именно греческой мысли. Во-вторых, что

результат деятельности греческих мыслителей – философия – их самобытное изобретение, без внешних заимствований, и рассматривается как система взглядов всех мыслителей, что находит отражение в обзоре различных философских доктрин в I книге. В-третьих, характеристика как *obscura* (ср. антитезу с *lucida carmina*) имеет целью показать как непонятность и туманность мнений философов (напр., Гераклит), так и непривычность и новизну этой отрасли знания для римлян – *rerum novitas* (I 139).

Лексема *reperta* становится термином названия любой философии и доктрины. Так, например, из пяти случаев один раз он применяется ко всей греческой философии, три раза к эпикурейскому учению, один раз употребляется в отношении философии Эмпедокла:

Carmina quin etiam divini pectoris eius
vociferantur et exponunt praeclara reperta,
ut vix humana videatur stirpe creatus. (I 731-733)

И песнопенья его из глубин вдохновенного сердца
Так громогласно звучат, излагают такие открытья,
Что и подумать нельзя, что рожден он от смертного корня.

Значимость и близость определенной философии своим взглядам поэт может передавать посредством определений к *reperta*: так философия Эмпедокла *praeclara reperta*, сам он характеризуется как *divini pectoris* (с божественной душой), и вообще кажется чем-то большим, чем человек – *vix humana videatur stirpe creatus*²⁹⁴. На лексическом уровне проявляется положительная оценка фигуры и наследия Эмпедокла²⁹⁵, о котором говорится, что «не было ничего достойнее этого мужа» на всей Сицилии.

²⁹⁴ Об обстоятельствах отъезда, исчезновения или смерти Эмпедокла см.: DL VIII, 67-74; Strabo VI, p. 274; Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker / hrsg. von Walther Kranz. Bd. I-III. Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1959-1960. S. 280-281. Сравни менее почтительное высказывание Горация (Horat. Ars Poet. 463 sq.): *Siculique poetae, / Narrabo interitum; deus immortalis haberi, / Dum cupit Empedocles ardentem frigidus Aetnam, / Insiluit.*

²⁹⁵ В свою очередь, Демокрит, родственник Эпикуру по духу, упоминается в поэме трижды. При этом два раза разбор его взглядов вводится словосочетанием *Democriti sancta sententia*, даже когда Лукреций отвергает его позицию как ошибочную: *Illud in his rebus nequaquam sumere possis, / Democriti quod sancta viri sententia ponit* (III 370-71).

Симпатии автора «О природе вещей», признающего мудрость сицилийца, по-видимому, обусловлены тем, что Эмпедокл был прямым предшественником и ориентиром²⁹⁶ в жанре эпической дидактической поэзии для Лукреция. Также истоки этих симпатий необходимо искать еще глубже, например, в восприятии наследия Эмпедокла внутри эпикурейской школы. Известно, что Гермарх, преемник Эпикура в руководстве школой, написал сочинение Ἐπιστολικὰ περὶ Ἐμπεδοκλέους εἴκοσι καὶ δύο (Diog. L. X 25)²⁹⁷, а постановка такого предлога при наличии других трактатов (πρὸς Πλάτωνα, πρὸς Ἀριστοτέλην) указывает на «дружественный, а не полемический характер» этих писем²⁹⁸.

Тогда как Эмпедокл наделяется двумя вариантами сравнения с богами, Эпикур соперничает четырьмя или пятью параметрами: несет свет своих *divina reperta* (V 13; VI 7), эта философия возникла из его божественного разума *divina mente* (III 15), он рожден Афинами (VI 1-5), но превзошел всех людей – *genus humanum ingenio superavit* (III 1042), называется победителем *victor*, солнцем *sol* (III 1044) и богом – *deus* (V 8, 19)²⁹⁹. Таким образом в характеристике образа афинского философа получается эффектная градация. Кроме того, Лукреций называет его отцом и изобретателем:

tu, pater, es rerum inventor, tu patria nobis... (III 9)³⁰⁰

Отче! Ты сущность вещей постиг. Ты отечески роду...

²⁹⁶ Влияние творчества Эмпедокла на поэму Лукреция было подмечено филологами уже давно. Самый ранний и весьма тщательный сравнительный анализ с привидением параллельных цитат см. в: Reisacker A.J. *Quaestiones Lucretianae*. Diss. Bonnae: formis F.P. Lechneri, 1847, P. 43-64. О трёх аспектах влияния поэтической техники Эмпедокла см.: Garani M. *Empedocles redivivus: poetry and analogy in Empedocles and Lucretius*. New York; Abingdon: Taylor & Francis, 2007. Также см.: Trépanier S. *The Didactic Plot of Lucretius, De rerum natura, and its Empedoclean Model* // *Bulletin of the Institute of Classical Studies. Supplement No. 94. Vol. I / edd. R. Sorabji, R.W. Sharples*, 2007. Pp. 243-282.

²⁹⁷ Здесь и далее текст Диогена приводится по изданию: *Diogenis Laertii Vitae philosophorum. Vol. I. Books I-X / Ed. M. Marcovich. Berolini et Novi Eboraci: Walter de Gruyter*, 2008.

²⁹⁸ *Lucreti Cari, Titi De Rerum Natura Libri Sex / Ed. W.E. Leonard, S.B. Smith. Madison: the University Of Wisconsin Press*, 1942. P. 52-53.

²⁹⁹ Ср. также выражение *numero divum* (V 51).

³⁰⁰ Сравни подобную аллитерацию, применяемую к поведению животных: *a patribus datur et [a] patrius pavor incitat artus...* (III 743).

Учение Эпикура, эпикурейская философия, однократно получает нестрогий поэтический вариант именованья, логично обоснованный контекстом, – *patria praecepta* (ex chartis III 10).

Глядя на следующий ряд (*obscura reperta, praeclara reperta, divina reperta*) с учётом этимологии и первичной семантики *divina*, складывается впечатление, что он не случаен и Лукреций в некоторой степени чувствовал этимологию корня *deus/divinus*³⁰¹, вполне вероятно, по архаичным выражениям как, например, «sub divo», сохранившим древнее значение. Представляется оправданным и возможным, что лексемы *divinus, deus* оказываются тесно переплетены с лексикой, имеющей семантические компоненты «свет»/ «яркий» – *praeclara, lucida, sol*.

В начале пятой книги Лукреций задается вопросом, кто смог бы достойно воспеть в поэме величие природы и открытий Эпикура. Ответ отрицательный – никто не может, при этом Эпикур признается богом, а его философия (*reperta*) сравнивается с «другими», древними, но также «божественными открытиями»: *confer enim divina aliorum antiqua reperta*³⁰² (V 13) – сельским хозяйством и виноделием.

Более того, «сладкие утешения жизни» (*dulcia solacia vitae* - V 21), оставленные мудрым философом, признаются более ценными для людского рода, чем плоды Цереры и виноградный сок Вакха. Лукреций постулирует примат духовной пищи над телесной, главенство универсального и вечного знания над дарами богов (повод противникам обвинить в непочитании богов). Еще более смелым, совсем в духе учителя³⁰³, выглядит утверждение о том, что дары богов необязательны и не являются жизненно необходимыми для людей (V 16-17), в отличие от эпикурейского учения. Тем самым, Эпикур

³⁰¹ По данному вопросу, см., напр.: Откупщиков Ю.В. Лат. *dīvus* и *deus* // *Philologia Classica*. № 5. СПб., 1997. С. 163-174.

³⁰² Ср. схожая оценка философии у Цицерона: *Philosophia quid est aliud nisi, ut Plato, donum, ut ego, inventum deorum?* (Cic. *Tusc. disp.* I 64).

³⁰³ Эпикур, KD XXIX.

оказывается более достойным звания бога в сравнении с двумя основополагающими божествами греко-римского пантеона³⁰⁴. Его оружие – слово, которое оказывается нужнее человеку в преодолении опасностей жизни, чем подвиги древних мифологических героев, побеждающих хаотические силы природы (V 22-51). Эпикур преподносится как герой нового времени и, в отличие от мифологических преданий, побеждает не хтонических существ, безвредных в обычной человеческой жизни, но избавляет людей от опасностей и борений, вызванных треволнениями и пороками души. Его поле битвы – не отдаленные необитаемые места, которых можно избежать, но душа (*animus*) и сердце (*pectus*) человека (V 43-50)³⁰⁵. Для Лукреция Эпикур мыслится героем большим, чем Геракл, героем достойным обожествления из-за пользы своих деяний.

Любопытна и предсказуема дальнейшая судьба терминологического применения существительного *reperta*. Писатель следующего века, Квинтилиан, называет «науку», излагаемую Лукрецием и другими философствующими учёными поэтами, более традиционным при разговоре о философии словом – *praescepta (sapientiae)* «наставления, учения»: *Nec ignara philosophiae [grammaticae potest esse perfecta], quum propter plurimos in omnibus fere carminibus locos ex intima quaestionum naturalium subtilitate repetitos, tum vel propter Empedoclem in Graecis, Varronem ac Lucretium in Latinis; qui praescepta sapientiae versibus tradiderunt* (Quint. Inst. or. I 4, 1-4). Таким образом, в отсутствии продолжателей слово не смогло закрепиться в роли термина.

Возвращаясь к исходной форме слова, следует упомянуть, что причастие *repertus* (как *participium perfecti passivi*) служит в описаниях к другим не менее значимым «открытиям», чем философия, как например, изобретение музыкальных инструментов, металлургии и алфавита³⁰⁶.

³⁰⁴ См. также V 110-113.

³⁰⁵ См. также VI 9-41.

³⁰⁶ Лукреций также делает это слово определением к своему собственному изобретению – своим *carmina* (III 417-20).

Проводя параллели с изобретением алфавита, можно сказать, Эпикур изобретает начала и «азбуку» учения, а Лукреций воспеваает его открытия:

Carminibus cum res gestas coepere poetae
tradere; nec multo prius sunt elementa reperta.
propterea quid sit prius actum respicere aetas
nostra nequit, nisi qua ratio vestigia monstrat. (V 1444-47)

Как появились певцы, воспевавшие века деянья;
А незадолго пред тем изобретены были и буквы.
Вот отчего мы о том, что до этого было, не знаем
Иначе, как по следам, истолкованным разумом нашим.

Тем не менее самое существенное, что может обозначаться этим причастием – сам Эпикур³⁰⁷. Ключевой, можно даже сказать, программный пассаж помещён в проэпий VI книги, где мы видим любопытную трёхчленную цепочку: Афины дали «утешения сладкие жизни» (*solacia dulcia vitae* VI 4), они породили особенного мужа – Эпикура (*genuere virum tali cum corde repertum* VI 5), несмотря на его смерть слава философа живёт из-за «божественных находок» (*divina reperta* V 13; VI 7). Выше было сказано, что первое выражение ранее по тексту применялось к Эпикуру его творчеству (*dulcia solacia vitae* - V 21), но в этом нет противоречия: перед нами разворачивается сложная синекдоха, где афинский философ заменяется на город Афины, чтобы по целому узнавалась часть. Намеренная переключка *virum repertum - divina reperta* подытоживает устойчивую связь между философом и его «божественными находками», представляет собой своеобразную метонимию (*Epicurum legere = Epicuri libros legere = divina reperta legere*) или даже синекдоху: *divina reperta* – это та божественная часть (как для некоторых философских систем «душа»), которая осталась после смерти целого – Эпикура. Последняя мысль находит поразительное лексическое подкрепление, основанное на узусе причастия *repertus*, в значимых пассажах с доказательствами неоднотипной структуры души:

³⁰⁷ Кроме того, Лукреций и на себя указывает этим причастием в выше процитированном пассаже (V 335-337).

quapropter quoniam est animi natura reperta / atque animae quasi pars hominis (III 130-131).

Всё же, несмотря на то, что данное причастие появляется в ключевых контекстах – о невозможности третьей природы в дополнение к атомам и пустоте, о самой пустоте, в нередких резюмирующих вставках о структуре души, даже перифрастически называя Эпикура – необходимо признать, что включение этого причастия в состав предикатов поэтически и образно усиливало, но весьма мешало субстантивированному существительному *reperta* стать абсолютно стандартным термином.

Причастие *reperta* выполняет важную функцию – даёт понимание о ключевой триаде в поэме. Во-первых, подразумевается Лукреций, во-вторых, Эпикур, а вместе их объединяет *ratio*. Очень похоже, что *ratio* иносказательное обозначение эпикурейского учения, своеобразный эквивалент *reperta*, только применительно к своей школе. Термином существительное *ratio* следует, возможно, с определённой осторожностью признать в таких пассажах: *vera ratio* (I 498), *ratio tristior* (I 943-944 = IV 18-19), *ratio tua* (то есть *Epicuri*, III 14), *ratio* подвергается *vertere* «перевести» (V 335-337). Основания для этого нельзя назвать незыблемыми, но кроме того, что можно извлечь из отмеченных пассажей, имеются два существенных аргумента: эта *ratio* излагается в изысканных стихах и дважды в контексте *natura rerum*, этот концепт противопоставлен одному из главных зол – страху, что уже было продемонстрировано зеркальной аллитерацией **terrorem** <=> **ratio**. Третий аргумент в пользу признания *ratio* контекстуальным термином будет параллель у Цицерона, где *ratio*, по-видимому, обозначает эпикурейское учение: «*post Amafinium autem multi eiusdem aemuli rationis multa cum scripsissent, Italiam totam occupaverunt...*» (Tusc. disp. IV 7).

Образ Эпикура и культ учителя в греческой философии

Поскольку поэма «О природе вещей» является дидактическим эпосом, уместно было бы остановиться на образе одного из главных героев –

Эпикура. На него исследователи³⁰⁸ уже обращали своё внимание, поскольку для эпикурейцев он столь же важен, как фигура Сократа³⁰⁹ для платоников. Мудрец архаический, как представители всем известного канона семи мудрецов, преимущественно выступает как государственный и политический муж³¹⁰. Мудрец софистов – провокатор полисных порядков и виртуоз слова. Мудрец эпикурейцев немного иной: модель для него задаёт сам основатель учения (DL X 117-120a).

По-видимому, вопрос об интеллектуале-мыслителе волновал Эпикура, ведь его высказывания на данную тему отнюдь не единичны. Как сообщают доксографы, Эпикур считал, что «мудреца может понять только мудрец» (перевод мой – И.Т.): Ἐπίκουρος σοφῶ μόνῳ τὸν σοφὸν <καταληπτὸν εἶναι> (Aetius IV 9, 19 p. 398 Diels = Us. 225)³¹¹. Вообще, приходится признать некоторую принципиальность и ригоризм Эпикура, если суждения об интеллектуальных способностях разных людей принадлежат ему. Два не совсем корректных высказывания про исключительность мудрецов-греков и невозможность варварской мудрости приписываются Эпикуру, восходя, похоже, к единому источнику:

ὁ δὲ Ἐπίκουρος ἔμπαλιν ὑπολαμβάνει μόνους φιλοσοφῆσαι Ἑλλήνας δύνασθαι (Clemens Alex. Strom. I 15 p. 130, 37 Sylb. = Us. 226).

³⁰⁸ См. также разбор образа Эпикура у Лукреция: Боровский Я.М. Образ Эпикура у Лукреция // Opera philologica. СПб., 2009. С. 115-125; Покровская З.А. Laudes Эпикуру в поэме Лукреция // Вопросы античной литературы и классической филологии / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1966. С. 266-280.

³⁰⁹ Остроумная критика Сократа в поэме в контексте теории познания и гносеологии:

Denique nil sciri si quis putat, id quoque nescit
an sciri possit, quoniam nil scire fatetur. (IV 469-70)

³¹⁰ О политической стороне деятельности древнегреческих мудрецов и философов см. краткий очерк в главе V «Интеллектуальная элита в политической жизни архаической Ионии» в книге: Лаптева М. Ю. У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI-VI вв. до н. э. СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009. С. 358-426.

³¹¹ «Когда Эмпедокл сказал ему [Ксенофану], что мудреца отыскать невозможно, тот ответил: «Естественно: ведь чтобы узнать мудреца, надо быть им». Фрагменты ранних греческих философов / Пер. с изд. подгот. А.В. Лебедев, отв. ред. и авт. вступ. ст. И.Д. Рожанский. Ч.1. М.: Наука, 1989. С. 157.

«Эпикур наоборот полагает, что только греки могут философствовать» (перевод мой – И.Т.).

οὐδὲ μὴν ἐκ πάσης σώματος ἕξῃως σοφὸν γενέσθαι ἂν οὐδ' ἐν παντὶ ἔθνει (δοκεῖ Ἐπικούρῳ) (DL X 117 = Us. 226). «не от всякого владения телом (свойства тела) происходит становление мудреца и, пожалуй, не в каждом народе (считает Эпикур)» (перевод мой – И.Т.).

К.К. Рейли вслед за Диогеном Лаэртским напоминает³¹², что последней волей или пожеланием Эпикура своим последователям было весьма императивное поручение: τῶν δογμάτων μεμνήσθαι «букв. вспоминать (или, м.б., размышлять) об учении» (перевод мой – И.Т.). Но в ценностной иерархии Эпикура были вещи выше, чем мудрость и философия, – благоразумие (φρόνησις), о чём нам сообщает Диоген: «Начало всего этого и величайшее благо (τὸ μέγιστον ἀγαθόν) есть благоразумие (φρόνησις). Поэтому благоразумие дороже даже философии» (DL X 131–132)³¹³.

Эпикурейцы не были новаторами в деле особого, с религиозным оттенком, почитания основателя своего учения. Истоки такого поведения последователей философа М.М. Шахнович видит в подражании политической практике апофеоза, сложившейся в эллинизме, очевидцами чего были ученики Эпикура: «Эпикурейцы противопоставили распространившемуся в эпоху эллинизма обожествлению политических деятелей почитание мудреца, основанное на пиетете перед его нравственными качествами и знанием природы; они почитали основателя своей школы и хотели на него походить; устраивали в честь Эпикура празднества, воздвигали статуи, вырезали камеи с его изображениями.

³¹² DL X 16; Reiley K.C. Studies in the Philosophical Terminology of Lucretius and Cicero. Diss. New York: Columbia University Press, 1909. P. 30.

³¹³ Лукреций. О природе вещей / Сост. Ф.А. Петровский. Т. II. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 597.

Сенека писал, что эпикурейцы руководствуются принципом: «Поступай так, словно на всё смотрит Эпикур» (Sen. Ep. ad Lucil. XXV 5)³¹⁴.

Религиозный же прототип такого почитания философа, проведя более тонкую работу, проследил историк Э.Д. Фролов. Рассмотрев сакрализацию образа учителя на примере Платона, он выделяет два принципа: особый, со своими праздниками и жертвами статус места преподавания (священная роща Академа, посвящение Музам³¹⁵) и «почитание самого учредителя этого философского содружества» по модели «основателей религиозных сообществ»³¹⁶. При этом ученый считает, что политическая линия апофеоза какого-либо деятеля является «аналогичной» указанному примеру Платона, но все же «другой», а версия о божественном происхождении Александра Великого и его обожествление стали «закономерным этапом в хорошо известном процессе сложения культа удачливых полководцев и политиков, начиная с Алкивиада и Лисандра у греков и кончая Юлием Цезарем и другими императорами у римлян»³¹⁷.

Отказываясь от простого применения соблазнительной в своей очевидности политической модели к любому явлению, более вероятные корни такого культа-обожания философа Э.Д. Фролов предлагает искать во взаимоотношениях в системе «учитель-ученик»: «Здесь же прослеживается

³¹⁴ Перевод цитаты Сенеки мой – И.Т. Приведём оригинал Сенеки: «"Sic fac," inquit, "omnia, tamquam spectet Epicurus"». См.: Шахнович М.М. Эпикур // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 821.

³¹⁵ Глава 4 Части IV монографии Фролова Э.Д. содержит обстоятельный очерк о «прообразах университетов нового времени»: о зарождении «древних очагов учености, так называемых Мусейонов», описывает своеобразие научной подготовки в позднеклассическую эпоху. Подробнее: Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). Серия «Studia classica». СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия», 2001. С. 565.

³¹⁶ «...Платон приобрел участок для своей школы в священной роще Академа и... сам этот участок был посвящен Музам, почитание которых было своеобразной религиозной эгидой для нового содружества. Но важным было и почитание самого учредителя этого философского содружества – Платона – по тому, очевидно, типу, по какому обычно практиковалось почитание основателей религиозных сообществ». См. по: Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). Серия «Studia classica». СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия», 2001. С. 574.

³¹⁷ Ibid. P. 574.

аналогичная, но другая линия – культура учительского, тянущаяся от Пифагора и Сократа к Христу и его апостолам. Во всяком случае, из учителей человеческих именно к Платону, за его несравненную мудрость, впервые официально было приложено определение божественного (θεῖος), как о том свидетельствовала надпись, высеченная на его надгробии в саду Академии волею схоронивших его там учеников (DL III 43)»³¹⁸.

Против поиска источника в политической парадигме говорит, во-первых, то обстоятельство, что в Ликее, напротив, не сложилось культура «основателя» школы и было «менее выраженное почитание основоположника – Аристотеля»³¹⁹, чем, для сравнения, почитание того же Платона среди его последователей.

Во-вторых, влияние определённых религиозных факторов на жизнь и посмертный образ философа прослеживается на примере многих древнегреческих мудрецов, а Платон далеко не первый, имеющий своеобразный религиозный «ореол». Самый яркий пример причастности к религиозному культу мы имеем в фигуре Гераклита Эфесского³²⁰: он принадлежал к царскому роду Василидов (Андроклидов), но отказался от наследственной должности жреца Деметры Элевсинской, указанной Страбоном (XIV 1, 3) почетной привилегией Василидов³²¹. Не стоит упускать из виду, что Гераклит посвятил Артемиде источник, а Аполлона считает своим философским наставником (фр. 14/93)³²². В космогонии Гераклита отчетливо видны следы мифа о страстях умирающего и воскресающего

³¹⁸ Ibid. P. 574.

³¹⁹ Ibid. P. 578.

³²⁰ См. характеристику, данную Гераклиту, известным его исследователем и толкователем Лебедевым А.В. «политический и религиозно-этический мыслитель пророческо-реформаторского склада». Подробнее в: Лебедев А.В. Гераклит из Эфеса // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., Прогресс-Традиция, 2008. С. 261.

³²¹ См. подробнее: Лаптева М. Ю. У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI-VI вв. до н.э. СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009. С. 384; Лебедев А.В. Гераклит // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., Прогресс-Традиция, 2008. С. 261.

³²² Лебедев А.В. Гераклит // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., Прогресс-Традиция, 2008. С. 262.

божества³²³. Достойны упоминания в этом ключе и языковые опыты Гераклита: рассказ о посвящённой им статуи «Гераклу Эфесскому», надпись которой была двусмысленна и могла быть прочитана «Гераклиту Эфесскому», а также представление Лукрецием данного философа как героя людей, любящих «тёмный способ говорения»³²⁴ (I 638-644), наподобие оракула Аполлона.

Безусловно, не стоит оставлять в стороне пример достаточно влиятельного мыслителя и заметного политического деятеля – Эмпедокла. Уже упомянутый ранее и уважаемый в эпикурейской школе он известен как первый пример обожествления. Примечателен его не вполне светский характер поведения.

Третьим аргументом необходимо указать связь парадигмы «мудрец» и греческих храмов. Особенно явственно она проявилась в повествовании о треножнике (чаше или кубке) и семи мудрецах Эллады. И Фалес, и Биант отказываются называться мудрейшими и признают единственно мудрым самого Аполлона (DL I 28-29, 82-83)³²⁵. В этом закладывается будущая связь мудрецов с культом Аполлона. Гераклит после изгнания его друга законодателя Гермодора и отхода от активного участия в политике родного города удалился в храм Артемиды Эфесской и, по-видимому, там написал, либо туда посвятил свой главный труд «О природе» (DL IX 5-6, 15)³²⁶. Платон сообщает, что мудрецы посвятили ἀπαρχὴν τῆς σοφίας «начала (букв. первый сбор) мудрости» (перевод мой – И.Т.) в Дельфийский храм

³²³ Ibid. P. 263.

³²⁴ Обрати внимание на замечательный афоризм авторства Сидорович О.В.: «Культ слова приводит к утрате его смысла». Сидорович О.В. *Анналисты и антиквары: римская историография конца III-I в. до н. э.* М.: РГГУ, 2005. С. 193.

³²⁵ Лаптева М. Ю. *У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI-VI вв. до н. э.* Серия «Studia classica». СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009. С. 373.

³²⁶ Ibid. P. 384; *Фрагменты ранних греческих философов / Пер. с изд. подгот. А.В. Лебедев, отв. ред. и авт. вступ. ст. И.Д. Рожанский. Ч.1.* М.: Наука, 1989. С. 176-177.

(Prot., p. 343a)³²⁷. Без сомнения, всем известно о признании оракулом Аполлона Сократа мудрейшим из людей³²⁸.

Исходя из всего сказанного, более взвешенной и аргументированной по вопросу генезиса религиозного почтения мудреца представляется позиция Э.Д. Фролова. Эпикур, в свою очередь, оказывается не самым ярким, но весьма традиционным примером мудреца, носителя своеобразного религиозного «ореола», связанного с культом учителя.

В некотором противоречии с образом Эпикура, представленным в поэме «О природе вещей», находится знаменитая этическая максима $\lambda\acute{\alpha}\theta\epsilon\ \beta\iota\acute{\omega}\sigma\alpha\varsigma$. Я.М. Боровский провёл небольшой грамматический разбор и пришёл к выводу, что в противоположность точке зрения Виламовица (аттракция времен) зависимость в этом словосочетании обратная: «управляющий глагол $\lambda\acute{\alpha}\theta\epsilon$ усвоил аористическую форму по грамматическому согласованию с зависящим от него причастием, в котором эта форма сама по себе имеет существенное значение»³²⁹. Поэтому отечественный ученый предлагает скорректированный в связи с этим видовым пониманием перевод: «проживи незаметно». Боровский видит в этом афоризме некий отголосок кинических представлений о морали, однако он не продолжает изысканий в данном направлении, ограничиваясь упоминанием жизненного принципа основателя кинической школы Антисфена – «безвестность есть благо» (DL VI 11)³³⁰. Не стоит забывать, что это несоответствие поведения и образа Эпикура и его этического тезиса было

³²⁷ Эти надписи, начертанные в пронаосе храма, и отражающие кредо каждого мудреца, видел Павсаний (X 24, 1). Лаптева М. Ю. У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI-VI вв. до н. э. Серия «Studia classica». СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009. С. 373.

³²⁸ «Апология Сократа» 21А. Претендентами в том числе названы Софокл и Еврипид. Как верно указывает Т.В. Васильева, Сократ «одержал верх в состязании с аттической трагедией, причем эта победа, победа в душе Платона, должна быть признана первостепенной». Васильева Т.В. Дельфийский оракул о мудрости Сократа, превосходящей мудрость Софокла и Еврипида // Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикста, 2008. С. 461-474.

³²⁹ Боровский Я.М. $\lambda\acute{\alpha}\theta\epsilon\ \beta\iota\acute{\omega}\sigma\alpha\varsigma$ // Opera philologica. СПб., 2009. С. 49.

³³⁰ Ibid. P. 49.

очевидно уже в античности: Плутарх критикует³³¹ Эпикура за такой призыв к бесславию и безвестности, хотя сам философ ему не следовал, будучи одним из самых плодовитых писателей Греции.

В связи с важностью этой максимы и рассмотренным культом философа-учителя в греческой традиции довольно показательны в тексте поэмы «О природе вещей» два мотива. Первый – это мотив огороженного пространства и как бы освобождения из заключения благодаря учению Эпикура: *arta claustra portarum* (I 70-71), *flammantia moenia* (I 73), *alte terminus haerens* (I 77, 596; V 90; VI 66), *moenia mundi discedunt* (III 16-17), *sic natura tua vi / tam manifesta patens ex omni parte resecta est* (III 29-30), *pendere eos poenas inmani pro scelere omnis, / qui ratione sua disturbent moenia mundi / praeclarumque velint caeli restinguere solem* (V 118-20)³³². Показательно, что границы³³³ имеют природа и жизнь живых организмов, предел есть у плодородия земли. При этом свободны только атомы (напр., выражено прил. *liber* – I 1048; III 569), свободна природа, лишённая господ и богов (II 1090-92).

В этом запертом пространстве обитают и томятся люди, чья участь описывается метафорой укрощенного коня и ярма религиозной узды: *religione refrenatus... (rearis)...* (V 114), которая усилена четырёхкратной аллитерацией «re». Лукреций, исходя из данного примера, вероятно, всё ещё чувствовал уже стирающуюся этимологию слова *religio*, которое происходит от глагола *ligare*. Наряду с *religio* активно применялся термин римского права *obligatio*, помогавший сохранению представления об этимологическом наполнении слова.

³³¹ Солопова М.А. Плутарх из Херонеи // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., Прогресс-Традиция, 2008. С. 593.

³³² Ср. иное, более бесстрастное и научнообразное описание тезиса об ограниченности вселенной (*spatium summae totius inclusum finitumque*) в ошибочных представлениях некоторых мыслителей (I 984-986).

³³³ Понимание чумы, описанной в конце поэмы, как кульминации в крушении символических границ города, а также дискуссию о границах тела и вселенной в целом см. в главе 5: Segal C. *Lucretius on Death and Anxiety: Poetry and Philosophy in De Rerum Natura*. Princeton: Princeton University Press, 1990. Pp. 94-114.

Второй взаимосвязанный и контрастирующий мотив – мотив борца за свободу (антагонист), представленный также в самом начале I книги обильными атрибутами (I 70-77): *homo tollere contra est oculos ausus primusque obsistere contra* (I 66-67), *quem nec minitanti murmure compressit* (I 68-69), *effringere cupiret* (I 70-71), *pervicit et longe extra processit* (I 72-73), *victor* (I 75), *religionibus atque minis obsistere vatium* (I 109), *nunc ratio nulla est restandi, nulla facultas* (I 110). Эпикур первый дерзнул противостоять (*obsistere*), сломать тугие засовы врат природы (*arta claustra portarum naturae*) и стал победителем.

Любопытную параллель можно провести с Александрийским Мусейоном: «Все же свобода ученых сотрудников Александрийского Мусейона не была абсолютной. Конечно, они зависели от тех, кто их содержал, — от египетских царей, а позднее от римских императоров. Сходство их зависимого положения с жизнью содержащихся в клетках дорогих певчих птиц бросалась в глаза уже в древности»³³⁴.

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что Лукрецию для подкрепления своих тезисов, для убедительности аргументов требуется положительный пример счастливой жизни по эпикурейским правилам. Таким эталоном мудреца естественным образом становится сам первопроходец Эпикур, которого Я.М. Боровский даже называет «символом борьбы»: «Вводимый в прооетіум первой книги образ Эпикура, завоёвывающего скрытые от смертного взора тайны природы и приносящего их людям как ключ к свободе и блаженству, – это символ той борьбы человеческого разума за овладение внешним миром, воплощением которой является вся поэма Лукреция. Драматизму этой борьбы, динамике и ритму мысли, проникающей в сокровенные глубины мироздания, подчинено всё богатство изобразительных средств, развёртывающееся в повествовании о природе»³³⁵.

³³⁴ Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). Серия «Studia classica». СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия», 2001. С. 587.

³³⁵ Боровский Я.М. Поэтика доказательства у Лукреция // Opera philologica. СПб., 2009. С. 140.

Если Эпикур объявляется эталоном философа-учителя и, в конце концов, богом, то сам Лукреций ощущает себя чем-то вроде оракула Эпикура (V 110-113): стихи римского поэта священной и достоверней, чем прорицания Пифии. Это же сравнение со жрицей Аполлона поэт употребил ранее по отношению к философам, которые «словно из святилищ сердец изрекали ответы» (*ex adyto tamquam cordis responsa dedere* I 734-39)³³⁶, причём «священнее и более точно (много более верным порядком), чем Пифия» (перевод мой – И.Т.). Приравнивание себя к оракулу не новация автора поэмы: эта идея находит лексическое подкрепление мыслью Эпикура в ХХIX максиме Ватиканского собрания³³⁷. Глагол *profatur* (V 112) явно, по задумке поэта, звуковым обликом отсылает к греческому *προφήτης* «прорицатель».

Поэтому справедливо мнение Я.М. Боровского, что «свою собственную задачу Лукреций видит в том, чтобы нести дальше зажженный учителем светоч знания, прогоняющий мрак религии и дающий человечеству свободу. Его страстная проповедь обращена не к одному Гаю Меммию, адресату поэмы, а ко всему злополучному человеческому роду, который, суеверно приписав власть над своей жизнью произволу богов, породил для себя бесчисленные страдания и слёзы»³³⁸.

Лукреций словно уже чувствует в современных ему условиях, предвидит надвигающуюся переоценку фигуре поэта, о которой сообщает Гаспаров: «Так на смену поэту – скромному служителю театральной толпы

³³⁶ См. точку зрения Макаровой В.Л.: «Что сокрыто там, в самой глубине сердца? У латинских авторов мы не найдем прямого ответа на этот вопрос. По некоторым косвенным свидетельствам мы можем судить, что там сокрыто некое особое знание. В этом случае сердце – центр мистической интуиции». См.: Макарова В.Л. Семантическая структура латинского слова *COR* // Вестник ВолГУ. Серия 2. № 1 (7), 2008. С. 145. Концепт «сердце – центр мистической интуиции» очень любопытен, хотелось бы увидеть его более изученным, хотя бы применительно к греко-латинскому материалу. Однако стоит отметить, что перевод Макаровой данного отрывка из Лукреция некорректен, так как вчитывает в текст смыслы о предсказании будущего, которых там нет.

³³⁷ Фрагменты Эпикура. Пер. С. И. Соболевского // Лукреций «О природе вещей». Т. II. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л, 1947. С. 616-617.

³³⁸ Боровский Я.М. Поэтика доказательства у Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 126.

или собственного патрона, на смену поэту – досужему любителю, сочиняющему для собственного удовольствия, является поэт в новом образе – вдохновенного пророка, посредника между обществом и божеством»³³⁹.

Данные наблюдения подтверждаются на языковом материале. Лексема *vates*³⁴⁰ имеет преимущественно негативную коннотацию в словаре поэта, тогда как он не смущается говорить о своём превосходстве над Пифией и уверенности в своей правоте. Излагаемая поэтом философия является не отвлеченными и неясными прорицаниями, но «утешением» в жизни – *solacia*. Интересна лексическая параллель этих отрывков *responsa – solacia*: философы всего лишь «изрекали ответы», Лукреций дает «утешение». Два из трех контекстов употребления лексемы содержат явную оценочность – *dulcia solacia vitae*, в свою очередь термин *reperta* в большинстве случаев также имеет эмоционально и идейно окрашенные эпитеты (*obscura/praeclara/divina*). Таким образом, положения эпикурейского учения также могут передаваться посредством *solacia*, на что указывают все три значимых контекста, где эта лексема фигурирует в четкой связи с учением Эпикура и его пониманием и оценкой Лукрецием.

В этой связи возникает вопрос о самобытности получившейся пары «учитель-мудрец» – «восторженный ученик». К поэтам-предшественникам Лукреция в деле восхваления мудреца можно причислить Алкея и Ксенофана. Однако скорее заслуживает упоминания более близкий к приводимому в поэме Лукреция и, при том, поэтический греческий пример подобного почитания: скептический³⁴¹ философ Тимон Флиунтский (ок. 315–

³³⁹ Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия в римской культуре // М.Л. Гаспаров Избранные труды, Т.1 «О поэтах». М., 1997. С. 77.

³⁴⁰ Слово *vates* и имя бога Водана-Одина произошли от и.-е. корня *wet-, *wot-, *wat-, означающего «вдохновлять, наставлять». Этимология лексемы указывает на поэтическое вдохновение и одновременно на функцию божества. См.: Складчикова И.В. Индоевропейские праязыковые константы словесных знаков – экспликация концепта германской культуры // Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 273.

³⁴¹ См. подборку цитат и доксографии по раннему пирронизму в: Long A.A., Sedley D. (edd.) *The Hellenistic Philosophers*. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Pp. 13-17. Vol. II. Pp. 1-17.

ок. 225 до н.э.), ученик Пиррона (приблиз. 365-275 до н.э.), прославляет своего учителя в элегии Ἴνδαλμοί «Образы» как эталон нравственного совершенства³⁴². Этот пример не сильно чужд эпикурейской школы, если учесть один факт – прямое преемство: одним из ближайших учеников Пиррона был учитель Эпикура Навсифан³⁴³. По свидетельству Диогена Лаэртского³⁴⁴, Навсифан признается, что Эпикур, удивляясь образу жизни Пиррона, часто спрашивал учителя о нём³⁴⁵. Поэтому обращение Тимона к теме безмятежности учителя, его образу и учению, и потому восхваление его как образца, вероятно, должно было послужить определённым эталоном для Лукреция. Тимон в сатирической поэме Σίλλοι «Сатиры»³⁴⁶ нападает и критикует почти всех философов за исключением, разумеется, Пиррона. Этот второй поэтический труд вполне мог послужить источником и вдохновителем критического разбора Лукрецием взглядов натурфилософов во второй половине I книги «О природе вещей».

Подводя итоги анализа лексики базовых философских понятий, рассмотренных в данной главе, стоит признать весьма существенные, но преимущественно негативные результаты: терминологических соответствий греческим словам «эпикурец» и «эпикурейский», «философ» не обнаружено; латинского аналога понятия «атомистика» и названия общих

³⁴² Brunschwig J., Sedley D. Hellenistic philosophy // The Cambridge Companion to Greek and Roman Philosophy / Ed. D. Sedley. Cambridge University Press. 2003. P. 153; Солопова М.А. Тимон // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., Прогресс-Традиция, 2008. С. 738-739. О Тимоне см. также специализированное исследование: Long A.A. Timon of Phlius: Pyrronist and Satirist // Proceedings of the Cambridge Philological Society (PCPS). Vol. 24 (204). 1978. Pp. 68-91.

³⁴³ Лебедев А. В. Пиррон из Элиды // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., Прогресс-Традиция, 2008. С. 553.

³⁴⁴ DL IX 64: ἔλεγέ τε πολλάκις καὶ Ἐπίκουρον θαυμάζοντα τὴν Πύρρωνος ἀναστροφὴν συνεχῆς αὐτοῦ πυνθάνεσθαι περὶ αὐτοῦ.

³⁴⁵ О важности такого влияния пирронизма на Эпикура см. исследования: Gigante M. Scetticismo e epicureismo. Naples, 1981. Pp. 37-49; Sedley D. Epicurus and his professional rivals // Etudes sur l' épicurisme antique / J. Bollack, A. Laks (edd.) // Cahiers de Philologie 1, 1976. Pp. 119-159.

³⁴⁶ Ср. одноименное произведение Ксенофана, которому подражает Тимон из Флиунта. См., напр.: Солопова М.А. Тимон // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., Прогресс-Традиция, 2008. С. 738.

разделов философии не выявлено; молчание о трактатах афинского философа и его биографии, молчание о выдающихся эпикурейцах – это труднообъяснимый факт. По-видимому, Лукреций придерживается некой сознательной установки и пытается показать читателю, что излагаемая философия – это не узкая точка зрения кучки оторванных от жизни мудрецов, но объективная *vera ratio* (*vita*e). Возможно, что это связано с традиционностью римского менталитета: поэт не отважился загружать рядового читателя массой течений и школ с узкоспециальной терминологией, оставляя только имена самых значимых мыслителей.

На лексическом уровне очевидно умалчивание и игнорирование конкурирующих на римской почве философских течений (стоиков, академиков, перипатетиков), что не касается учений досократиков, подвергающихся подробному анализу. Базовая мировоззренческая установка Лукреция такова, что он критикует противников эпикурейской доктрины имплицитно по тексту.

Лукреций не называет себя ни философом, ни поэтом. Выражение *reperiores doctrinarum* (III 1036) представляет спорный случай, который вероятнее должен трактоваться в пользу отказа ему в терминологичности с признанием отсутствия термина для понятия «философ». С выражением *doctrina sapientum* (II 8) возникает похожая проблема, но, учитывая всё выше сказанное про культ мудреца, место в проэмии II книги, явное изображение желанной атаксии в пассаже, необходимо признать его термином.

Анализ определённых лексических единиц, отражающих оценку философа и его творчества, доказывает опору Лукреция на предшествующую традицию восприятия культа мудреца. Оценка фигуры Эпикура проходит эволюцию в именовании от простого *homo* до признания его богом – *deus*. Это подтверждает на материале поэмы существование культа мудреца или своеобразного религиозного почитания афинского философа у римского эпикурейского сообщества.

1.7. Синонимия в номинации четырех первоэлементов в поэме Лукреция «О природе вещей» (и ее источники в терминологии Эмпедокла)

Говоря о становлении философской терминологии в Риме, неизбежно придётся согласиться, что перед поэтом-первопроходцем возникает проблема рецепции ранней базисной лексики греческой философии, в том числе такой основополагающей группы слов, как обозначения натурфилософских³⁴⁷ первоэлементов: вода, воздух, земля, огонь. В исследованиях натурфилософов, посвящённых объяснению строения мира, эта группа слов образует необходимую лексику, ставшую, по сути, первой философской системной терминологией обозначения субстанциальных начал.

В данном параграфе хотелось бы рассмотреть вопрос о том, каким образом Лукреций, опираясь на греческое философское наследие, переводил на латинский язык ключевые понятия разбираемых учений натурфилософов и какие находил соответствия в родном языке. В качестве материала исследования использовалась часть I книги Лукреция, потому что только в ней содержится анализ натурфилософских концепций и терминологическое значение «первоэлемент» для указанных слов может быть выделено с полной ясностью.

Обращаясь к проблематике первоэлементов, Лукреций начинает свой разбор натурфилософских доктрин предшественников с Гераклита. Аргументированная критика концепции Гераклита (I 635-704) содержит 17 случаев употребления существительного *ignis* «огонь» (как первоэлемент) и один – прилагательного *igneus* (679). При анализе гераклитовского огня – *ignis* – поэт четыре раза применяет к нему контекстуальные синонимы: *ardor* (I 650, 668) и *ardoris natura* (I 682, I 702). Сходная картина наблюдается при опровержении натурфилософских построений других систем (в том числе Эмпедокла). Здесь, все в той же I книге, Лукреций щедро пользуется

³⁴⁷ Термин «*philosophia naturalis*» впервые ввел в I в. римский философ-стоик Сенека. См.: Соколов В.В. Натурфилософия // Словарь философских терминов/ Под. ред. проф. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 347.

контекстуальными синонимами для обозначения первостихий: для *ignis* это *ardor* (I 777) и *calor* (I 786); для *aer* – *anima* (I 715), *aeriae aerae* (I 771), *aerae aeris* (I 783-784, 801), *aura* (I 853); для *aqua* – *umor* (I 708, 786, 853), *liquor* (I 713), *imber* (I 715, 784, 785), *ros* (I 744, 777), *ros liquoris* (I 771).

Итогом анализа указанного пассажа стала классификация в виде таблицы основных терминов натурфилософии по Лукрецию:

Таблица 1. Латинские термины натурфилософии по Лукрецию:

Таблица базовых терминов и их вариантов			
Ignis	Aer	Umor	Terra
<i>ardor</i> (650, 668, 777)	<i>anima</i> (715)	<i>umor</i> (708, 786, 853)	<i>corpus</i>
<i>ardoris natura</i> (682, 702)	<i>aeriae aerae</i> (771)	<i>liquor</i> (713)	<i>terrae</i>
<i>calor</i> (786)	<i>aerae aeris</i> (783-784)	<i>imber</i> (715, 784, 785)	(I 770)
<i>ignis corpus</i> (770-771)	<i>aeris aerae</i> (801)	<i>ros</i> (744, 777)	
<i>vapor</i> (I 491) [Петр.]	<i>aura</i> (853)	<i>ros liquoris</i> (771)	

Об этой синонимии говорит Ф.А. Петровский в своем классическом комментарии: «Производная сущность всех этих четырех «стихий» прекрасно подчеркивается такими конкретными обозначениями, как *vapor* — «жар» (I 491), *ros* — «роса», *imber* — «дождь», *anima* — «дыхание» и другими, перечисленными выше»³⁴⁸. Петровский предлагает видеть итоговый набор латинских вариантов шире – он предлагает включать лексему *vapor* (I 491) / *vapores* (I 567) «жар», а также каким-то неясным образом учитывать варианты, фигурирующие во множественном числе: *imbribus* (I 806) и *terras* (I 744).

Вероятным предшественником Лукреция из латинских поэтов, коснувшихся перевода четырёх первоначал натурфилософии на латинский язык, следует считать Луцилия. Один из его пассажей представляется крайне любопытным, где Луцилий (Lucil. XXVIII 784-790) в довольно остроумной манере в канву юридической бытовой сценки вплетает греческую терминологию первоначал: он упоминает *stoechiis-stoechia*, ἀρχαῖς, и четыре

³⁴⁸ Лукреций. О природе вещей / Сост. Ф.А. Петровский. Т. II. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 343-344.

первоэлемента – все по-латински (*aqua, ignis, anima, corpus*) и два по-гречески ($\gamma\eta\tilde{\nu}$, $\pi\nu\epsilon\tilde{\upsilon}\mu\alpha$)³⁴⁹. Следовательно, Лукреций действует уже в рамках некоторой традиции, хотя вопрос влияния предшественника на творческий процесс и метод остаётся дискуссионным.

Отложив на время рассмотрение синонимии в латинском переводе первоэлементов, попробуем взглянуть на перечень критикуемых мудрецов. Фигура Гераклита, как считает С. Бейли, была выбрана неслучайно, поскольку он пользовался большой популярностью у стоиков, основных оппонентов эпикурейцев, а негативный фон вокруг фигуры Гераклита делает нападки на его учение более успешными³⁵⁰. Лукреций ругает Гераклита прежде всего за стиль и манеру изложения учения, а уже только потом за содержание и «заблуждения». Т.В. Васильева говорит об истоках этой манеры и в доказательство переводит отрывок из фрагмента Гераклита (фр. 14/93), где он «явно предпочитает следовать примеру храмовых прорицателей, пытаюсь изъясняться короткими изречениями, многосмысленными и туманными, подобно Дельфийскому Владыке, не открывая своей мысли и не скрывая, но знаменуя, за что и получил прозвание «темного»»³⁵¹.

Упомянутый следующим Эмпедокл без сомнения важен для поэмы «О природе вещей» с точки зрения разных уровней. Во-первых, он словно бы образует ось, вокруг которой строится критика натурфилософов. Во-вторых, он выступает как связующее звено-мостик между двумя упомянутыми величинами ионийской философии, поскольку он был учеником обоих, и как символическая связь между философией восточной окраины греческого мира и италийской (элейской). В-третьих, о мощном влиянии поэтики Эмпедокла

³⁴⁹ См.: C. Lucilii carminum reliquia / Recensuit, enarravit F. Marx. Vol. I-II. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1904. P. 54.

³⁵⁰ «It was undoubtedly for this reason in a great measure that Lucretius selected Heraclitus as the type of the Monists». См.: Bailey C. The Greek Atomists and Epicurus. New York: Russell and Russell, 1928 (repr. 1964). P. 23.

³⁵¹ Васильева Т.В. Афинская школа философии // Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикста, 2008. С. 31.

уже было сказано выше, поэтому разумно предположить воздействие авторитета этого мудреца на терминологические практики римского поэта.

Действительно, лексическая парадигма Эмпедокла – синонимия и вариативность терминологии – служит ориентиром для римского поэта. В эмпедокловых вариантах Любовь-Афродита-Гармония и Вражда-Ненависть-Раздор следует искать источник синонимии в терминологии Лукреция.

Сравним словоприменительную технику Эмпедокла и Лукреция. Для этого следует обратиться к системе первоэлементов натурфилософии по Эмпедоклу (в качестве гиперонимов указаны лексемы из классификации по лукрециевой системе, поскольку выделить их среди вариантов Эмпедокла оказалось неразрешимой задачей):

Таблица 2. Греческие термины натурфилософии по Эмпедоклу:

Варианты терминов по Эмпедоклу (гиперонимы по Лукрецию)			
Ignis	Aer	Umor	Terra
τὸ πῦρ ὁ ἥλιος ὁ ἠλέκτωρ ὁ (Τιτὰν) αἰθήρ	ὁ ἀήρ ὁ οὐρανός	ἡ θάλασσα ὁ πόντος ὁ ὄμβρος τὸ ὕδωρ	ἡ γαῖα (αἶα) ἡ χθών

Огонь: Лукреций нигде не отождествляет огонь с солнцем или со светилом, но скорее использует его близкие синонимы или даже свойства³⁵² (напр, *calor ignis*). Эмпедокл в свою очередь говорит образами – «солнце» вместо термина «огонь» (метонимия). У римского поэта присутствует слово *sol* «солнце», нередко оно связано по контексту с сущ. *fervor*³⁵³, которое не вошло в полученные синонимические ряды и, оставаясь скорее свойством, не превратилось в параллель к термину *ignis*: *aut nimiis torret fervoribus aetherius sol* (V 215).

³⁵² *Coniunctum est id quod nusquam sine permitiali discidio potis est seiungi seque gregari, pondus uti saxi, calor ignis, liquor aquai, tactus corporibus cunctis, intactus inani.* (I 451-454)

³⁵³ См., например, (V 610-13). В целом, стоит отметить, что *fervor* чаще связывается с проявлениями жара-горячки.

Вода: существительное *aqua* не употребляется в I книге в качестве философского термина, что нельзя объяснить метрической природой этого слова и является весьма загадочным. В тексте присутствуют довольно близкие синонимы, причём гиперонимом лексического поля «вода» стоит считать именно лексему *umor* (это подкрепляется *materies umoris* V 270). Лукреций не заменяет *aqua* на что-нибудь подобное эмпедокловой модели: ἡ θάλασσα и ὁ πόντος вместо τὸ ὕδωρ. Возможно, такие новации ему представлялись слишком смелыми. Из сравнения с Эмпедоклом становится понятной синонимическая новация *imber* как «вода» для латинского языка (из ὁ ὄμβρος). Существительное *ros* «роса» (в греческом было бы ἡ δρόσος или ἡ ἔρση / ἔέρση) как поэтический вариант термина «вода», можно считать нововведением Лукреция. Существенным оказывается тот факт, что во II книге *aqua* фигурирует как термин (вода как «вещество»), построенный по традиционной эпикурейской модели (*corpus aquae*):

propterea quia corpus aquae naturaque tenuis
aëris haud possunt aequae rem quamque morari,
sed citius cedunt gravioribus exsuperata... (II 232-234)

Воздух: Для понятия «воздух» в поэме Лукреция наблюдается богатая синонимия, причём эта синонимия с синтаксическими (*aurae aeris* и *aeris aurae*) и морфологическими (*aeriae aurae* и *aeris aurae*, *aura* и *aurae*) вариантами, то есть она намеренно функциональна. Римский поэт попытался заменить заимствованное из греческого *aer* на более латинское – *aura* или *anima*. В данной связи особенно примечательна экспозиция 4 первоэлементов по Цицерону, где, признавая *aer* нелатинским словом, он всё-таки не подбирает к нему замену: «itaque aer (hoc quoque utimur enim pro Latino) et ignis et aqua et terra prima sunt; ex his autem ortae animantium formae earumque rerum quae gignuntur e terra. Ergo illa initia et ut e Graeco vertam elementa dicuntur; e quibus aer et ignis movendi vim habent et efficiendi, reliquae partes accipiendi et quasi patiendi, aquam dico et terram» (Cic. Ac. I 26). Для

дальнейших рассуждений окажется довольно важным, что Цицерон подбирает не один термин для называния этой общности: *prima, initia* и *elementa*.

В синонимический ряд не попадает *ventus*. Для Лукреция *aer* и *ventus* не одно и то же; это видно по некоторым местам поэмы: «мощный разносит по воздуху ветер» (V 254), ветер как движение воздушных масс (ср. VI 685). Кроме того, поэт отказался от термина «эфир» при разборе концепций философов. Возможно, Лукреций учел опыт Эмпедокла, из-за возникающей порой у последнего запутанности.

Земля: В отличие от предшествующих первоэлементов существительное *terra*, «земля» как элемент-начало (I 567, 709, 713, 715, 777, 784, 785), ведет себя иначе. Оно не наделено терминологической параллелью; единственной вариацией, но характерной, можно признать словосочетание *corpus terrae* (I 770). Показательной особенностью словоупотребления Лукреция здесь является то обстоятельство, что, наряду с этим узкоспециальным употреблением, в рамках того же пассажа рассыпаны формы существительного *terra* в основных лексических значениях («почва», «страна»: I 717; 721; 744; 788; 804; 820; 840; 867; 868; 869; 888; 890). В прочих местах поэмы, когда существительное *terra* не применяется в специфическом философском значении, оно имеет синонимы *humus, solum, tellus*. Узус этой лексемы похож на функционирование термина *materia/-es*, который в философском словаре Лукреция также не обладает синонимами, но имеет варианты.

Следовательно, Лукреций не терминологизировал ни один из возможных вариантов (синонимы *humus, solum, tellus*). У Эмпедокла преимущественно земля передается как ἡ γαῖα.

Говоря о таком ограниченном наборе языковых единиц, как термины первоэлементов, стоит обращать внимание на их совокупное обозначение и последовательность ввода: например, Эмпедокл никогда не начинает с воздуха, но часто начинает и заканчивает огнем. Лукреций в свою очередь

часто начинает с воздуха и часто заканчивает водой. По данному аспекту можно высказать осторожную гипотезу, что Лукреций заочно вступает в полемику с Эмпедоклом, дистанцируется от моделей своего предшественника.

Для именовании совокупности 4 первоэлементов, которому греки придумали соответствующий термин *στοιχείωμα/στοιχεῖον*, Лукреций использует выражение *quattuor res* (I 714, 763). Вероятно, поэт не нашел более адекватного латинского слова, чем неподходящее в силу своего общего значения существительное *res*. Остается констатировать, что это довольно неудачная с точки зрения терминологии словесная конструкция, может быть даже, терминотворческая неудача Лукреция. В то же время послуживший образчиком термин Эмпедокла *τέσσαρα ῥιζώματα* представляется более точным и пригодным для понятия «четыре первоэлемента». Очевидно, что Лукреций отходит от растительной метафорике Эмпедокла (*ῥιζώματα*) в пользу абстрактных³⁵⁴ терминов и вспомогательных слов. Сюда же можно вспомнить выше упоминавшееся обозначение четырех элементов по Цицерону (*prima, initia* и *elementa*), перифрастическое *quattuor nota illa genera principiorum*³⁵⁵, а также иной способ передачи, напоминающий эпикурейские модели: «Empedocles autem multa alia peccans in deorum opinione turpissime labitur. Quattuor enim naturas, ex quibus Omnia constare censet, divinas esse vult; quas et nasci et extinguere perspicuum est et sensu omni carere» (Cic. De nat. deor. I 12, 29)³⁵⁶.

Мысли о сопоставлении первоначал разных философских учений находят отражение в интересе научного сообщества³⁵⁷: «корни» Эмпедокла,

³⁵⁴ В главе II см. о логической метафорике в терминах, объединённых семантическим полем «начала» (напр. *primordia* и т.д.), и терминами, созданными на базе биологической метафорике: удачные *corpora* и *semina*.

³⁵⁵ Cic. Tusc. disp. I 22.

³⁵⁶ Следует обратить внимание на схожую модель – *quinta quaedam natura* (Ibid.).

³⁵⁷ Онтология – раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия, наиболее общие сущности и категории сущего... Термин «онтология» впервые появился в «Философском лексиконе» Р. Гоклениуса (1613) и был закреплен в философской системе

«семена» Анаксагора, «атомы» Демокрита. Логику такой номинации прекрасно сформулировал А.Л. Доброхотов: «Подобное понимание позволяло объяснить связь бытия с конкретными предметами, умопостигаемого – с чувственным восприятием»³⁵⁸.

Кроме того, 4 первоначала разной природы у любого мыслителя неизбежно окажутся противопоставлены как бы филологически: это косвенное (непреднамеренное) противопоставление, так как отдельному философу или поэту не позволительно менять род существительных родного языка. Примеры в грамматическом противопоставлении наименований элементов по роду у Лукреция: огонь и вода – муж. род, в то время как воздух и земля – женский (ср. в русском противоположную ситуацию огонь-воздух, вода-земля); у Эмпедокла своя картина, ближе схожая с русским языком: огонь, воздух преимущественно муж. род, земля женский, но вода представлена всеми тремя родами. В пользу того, что о влиянии родного языка следует задумываться, говорит практика античных мыслителей, которую А.В. Лебедев точно определил так: «для обозначения элементов используется мифологический код». Довольно существенное обстоятельство, что Эмпедокл отождествляет огонь с Зевсом или Гефестом, воду с Нестидой. Согласно Теофрасту воздух с Герой, а землю с Аидом, но по Кратету из Малла воздух с Аидом, а землю с Герой³⁵⁹.

Выводы: Пассаж Лукреция о четырех первоэлементах показывает нестрогость и вариативность именования первоэлементов в группе натурфилософских терминов. Единственное исключение с точки зрения многообразия вариантов составляет лексема *terra*, не имеющая синонимов. Причина, возможно, кроется в скромной популярности «земли» в качестве

Х. Вольфа. Подробнее: Доброхотов А.Л. *Онтология // Словарь философских терминов / Под. Ред. проф. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 388.*

³⁵⁸ Ibid. С.388.

³⁵⁹ Сравни также указание Епифания (*Eriph. Panar. 507, 1-2 Holl = Dox. Gr. p. 591, 15-16 Diels*), что софист Продик называл богами 4 традиционных элемента, а также Солнце и Луну.

первоэлемента в построениях философов, а также в том, что она не вызвала такой же острой полемики, как например, гераклитовский огонь.

Статистические данные свидетельствуют об обязательном преобладании в количественном отношении гиперонима лексического поля (*ignis* над *ardor* и т.д.). Для первоэлемента «вода» гиперонимом служит лексема *umor*, поскольку *aqua* не встречается в значимых позициях в I книге, но появляется только во второй (*corpus aquae*) при обсуждении атомистики. Среди вариантов синонимичных словосочетаний, объединяемых в категорию *aer*, проблематично выделение доминирующего. Наименьшая вариативность наблюдается у терминов *ignis* и *terra* (см. Таблицу 1).

Для терминологии Лукреция характерно составление плеонастических композитов (напр. *ardoris natura*, *aurae aeris*, *ros liquoris*), которые выглядят как описательные, двусоставные термины. Без сомнения, они строятся по аналогии с двучленными эпикурейскими терминами с компонентом *natura* (*ardoris natura* вместо простого *ardor*), хотя иногда они отходят от этой модели ради большей поэтизации звучания термина и его индивидуализации (напр. *aurae aeris*, *ros liquoris*). Существенным недостатком этих композитов является тот факт, что они носят контекстуальный характер, то есть не обладают универсальностью – силой термина вне данной тематики и словоупотребления их автора. Трактовка Лукрецием микрогруппы общефилософской лексики со значением «первоэлемент» не лишена субъективного восприятия и значительной доли словотворчества.

Объяснение такой затейливой системы и метода Лукреция по сознательному отходу от строгости в номинации первоэлементов кроется в том, что методики Эмпедокла (метонимия с богами) и Цицерона (*prima*, *initia*, *elementa*, *naturae*) оказываются неприемлемыми. Первая в силу идейных соображений (борьба с *religio* и связанными заблуждениями), вторая в силу того, что необходимо избежать путаницы: именно эти лексемы необходимы Лукрецию при изложении атомистического учения.

В результате сравнения с поэмами Эмпедокла находит подтверждение тезис о зависимости Лукреция от поэтической техники греческого поэта и философа. Практики сицилийца по терминотворчеству оказывают серьёзное влияние на манеру римского поэта. Доказательства этому обнаруживаются не только в восторженном отношении к Эмпедоклу, восхвалении его родины и отсутствии суровых инвектив, но и в фактическом материале – в терминах, где прослеживаются модели и приемы Эмпедокла.

ГЛАВА 2. ТЕРМИНЫ ЭПИКУРЕЙСКОЙ АТОМИСТИКИ

2.1. Обозначение материи (*materia/materies*) в поэме Лукреция: этимология, семантика, морфология, синтаксис, метрика.

Диоген Лаэртский, рассматривая философскую систему эпикуреизма, делит ее на три ветви: каноника (то есть гносеология), или «наука о критерии и начале в самых их основах», физика, или «наука о возникновении и разрушении и о природе», этика, или «наука о предпочитаемом и избегаемом, об образе жизни и предельной цели» (X 30)³⁶⁰.

Атомистика составляет часть раздела физики и, в целом, имеет прикладной характер в рамках философии эпикуреизма по признанию самого Эпикура (Κύρια δόξα XI), служит фундаментом для лучшего закрепления этических концепций. В Риме же учение Эпикура столкнулось с не самыми благоприятными условиями: этика испытала наибольшее противодействие местного мощного комплекса нравственных норм, идеалов из великих предков и обычаев *mores maiorum*. Нелегко было такой узкоспециальной дисциплине, как каноника, достигнуть до неподготовленного слушателя, тем более не привыкшего к абстрактному мышлению и теоретизированию. Лукреций выбрал правильный путь: в первых 3 песнях он разбирает атомистику, ту область физического объяснения природы и законов мироздания, для которой не было местной крепкой традиции, и через которую можно было постепенно донести положения этической философии греческого мыслителя.

В этой связи представляется главнейшим вопрос перевода и рецепции на латинский лад понятийного аппарата атомистики, без которого вся, пусть даже самая гармоничная и непротиворечивая концепция, не будет адекватно усвоена. Следует, однако, признать, что за исключением статей отечественных ученых Я.М. Боровского³⁶¹ и З.А. Покровской³⁶², а также

³⁶⁰ Лосев А.Ф. Диоген Лаэртский – историк античной философии. М.: Наука, 1981. С. 69.

³⁶¹ Боровский Я.М. Обозначение вещества и пространства в лексике Лукреция // Opera philologica. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2009.

американских исследователей К.К. Рейли³⁶³ и Р. Кина³⁶⁴, обративших внимание на тот факт, что философская терминология в поэме «О природе вещей» составляет цельную систему, большинство работ, посвященных анализу отдельных философских понятий и терминологии у Лукреция, нацелено преимущественно на философское содержание используемых терминов и генезис понятий. В указанных работах часто не освещаются многие аспекты функционирования терминов: этимология и их ассоциативные (квазиэтимологические) связи с прочей лексикой латинского языка, неполная или осложнённая морфология, особенности склонения, синтаксическая роль и синтагматические связи.

Некоторые фундаментальные понятия и основополагающие лексемы обманчиво показались очевидными и понятными³⁶⁵, вследствие чего не стали предметом филологического исследования, несмотря на свою важность для языковых и философских построений Лукреция. Среди понятий, не получивших до сих пор исчерпывающего филологического анализа, находится такое ключевое для философии эпикуреизма понятие материи, выраженное в поэме «О природе вещей» лексемами *materia* и *materies*³⁶⁶. Этот термин заслуживает многоуровневого рассмотрения с точки зрения этимологии, семантики, морфологии. Не менее важным представляется исследование редкого явления – бытования терминов, в данном случае одного из фундаментальных терминов философии, в поэтическом тексте.

³⁶² Покровская З.А. Первоначала, пустота и вселенная в философском словаре Лукреция // ВДИ.1960. №4. С. 83-101; Она же: Покровская З.А. Философская терминология Лукреция и Эпикура // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. XV, fasc. 1-2. Budapest, 1967; Она же: Основные понятия этики у Лукреция и Эпикура // ВДИ, 1966. №4. С. 157-166.

³⁶³ Reiley K.C. Studies in the Philosophical Terminology of Lucretius and Cicero. Diss. New York, 1909.

³⁶⁴ Keen R. Notes on Epicurean Terminology and Lucretius // *Apeiron: A Journal for Ancient Philosophy and Science*. Vol. 13. № 2. 1979. Pp. 63-69.

³⁶⁵ С.С. Аверинцев назвал такой феномен «соблазном ложной понятности».

³⁶⁶ Далее две равноправные основы будут для удобства обозначаться *materia/-es* без указания приоритетности.

Как известно, одним из ключевых положений атомистической философии Эпикура является постулирование существования материи. Основными греческими терминами для отражения понятий о материальности природных процессов оказываются слова ἄτομος³⁶⁷, σῶμα и ὕλη. Сравнение словоупотребления поэмы «О природе вещей» с наследием Эпикура показывает, что Лукреций передает греческие термины латинскими словами и выражениями: так, греческим терминам ἄτομος и σῶμα у Лукреция соответствуют corpora (prima/genitalia), corpuscula, primordia³⁶⁸ (rerum) и ordia prima (IV 28), exordia, principia³⁶⁹, prima, semina (rerum). В то же время греческому ὕλη у Лукреция соответствует латинский аналог *materia/-es* «вещество, материя».

Трудно дать удовлетворительный исчерпывающий ответ на вопрос о происхождении употребления слова *materia/-es* в качестве философского термина. С одной стороны, исследователи почти единогласно считают лексему *materia/-es* калькой греческого термина ὕλη³⁷⁰, причем оригиналом будто бы мог послужить либо один из трактатов Эпикура, либо труды последующих эпикурейцев³⁷¹. Из-за недостатка ранних памятников

³⁶⁷ Термин ἄτομος впервые введен в философский обиход Левкиппом и Демокритом. Также существует маловероятная версия, что его мог изобрести финикийский мудрец-«физиолог» Мох Сидонский, которому приписывали представление о том, что весь мир состоит из атомов. См., например: Любкер Ф. Иллюстрированный словарь античности. М.: Эксмо, 2005. С. 134; Солопова М.А. Атомизм // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 196-200; о проблеме фигуры Левкиппа-Демокрита см. там же с. 309-316.

³⁶⁸ Для термина primordia Лукреций сконструировал при помощи тмесиса метрическую вариацию со схемой дактиль-хорей: ordia prima (IV 28).

³⁶⁹ Данный термин употребляется исключительно в формах Gen., Dat., Abl. Pl.

³⁷⁰ Из последних работ, посвященных проблемам греческой философской терминологии и термину ὕλη в частности, см. Янзина Э.В., Корнеев О.В. К вопросу о роли грамматики в создании языка древнегреческой философии // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIX. СПб., 2015. С. 1035.

³⁷¹ В сохранившихся произведениях Эпикура термин ὕλη не встречается. В то же время в последующие эпохи этот термин оказывается употребим и вне философских сочинений, проникая даже в названия произведений. Достоин упоминания медицинский трактат Περί ὕλης ἰατρικῆς Педания Диоскорида, греческого врача I века н.э., в котором описываются сотни лекарственных трав и снадобий.

латинского языка, которые могли бы показать эволюцию словоупотребления *materia/-es*, невозможно с уверенностью утверждать, что значение «вещество» в данном слове развилось на римской почве самостоятельно. С другой стороны, нельзя признать, что Лукреций сам образовал философский термин *materia/-es* как кальку греческого слова ὕλη. Создается впечатление, что этот термин воспринимается им как данность и, скорее всего, он взят поэтом из уже циркулировавшей в Риме философской традиции. Подтверждением этому служит та особенность, что термин *materia/-es* всегда вводится как знакомый римскому читателю, при этом поэт ни разу не применяет лексику, характерную для случаев введения нового. Таковой обычно выступает лексика семантического поля со значением «называть, именовать», как например, в стихах I 426, I 458, III 139 и т.д.³⁷².

Согласно современным данным, лексема ὕλη не имеет надежной этимологии³⁷³. В греческом языке лексема ὕλη в значении «материя, вещество» употребляется впервые³⁷⁴ Аристотелем, который дает ей такие определения, как: τὸ ὑποκειμένον γενέσεως καὶ φθορᾶς δεκτικόν (de GC 320a2) «материя же – это больше всего и в собственном смысле слова субстрат возникновения и уничтожения»³⁷⁵ и τὸ ἐξ οὗ γίγνεται (Metaph. 1032a17)³⁷⁶ «то, из чего нечто возникает, - это как мы говорим, материя»³⁷⁷.

³⁷² Как, например, в дефиниции понятия «явление»: haec soliti sumus, ut par est, eventa vocare «Всё это мы, как и должно, явлением здесь называем» (I 458).

³⁷³ Такого мнения придерживаются Я. Фриск и П. Шантрэн. См. подробнее в: Frisk H. Ὑλη // Griechisches etymologisches Wörterbuch. В. II. Heidelberg, 1960. S. 962; Chantraine P. Ὑλη // Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968-1980. Pp. 1154-1155.

³⁷⁴ МакМуллин пишет, что первое явное упоминание «ὕλη» встречается в Физике (190b 9), где она представляет собой вещество «изменения» такого свойства, какое представлено превращением вина в уксус. Некоторые комментаторы считают, что в этом контексте это либо рано закравшийся термин, либо вообще глосса. McMullin E. Matter as a Principle // The Concept of Matter in Greek and Medieval Philosophy. Ed. by E. McMullin. Notre Dame: University Of Notre Dame Press, 1965. P. 193, note 25; Aristotle's Physics / Ed. W.D. Ross. Oxford, 1936. P. 493.

³⁷⁵ Aristoteles. De generatione et corruptione / Ed. C. Mugler. Paris, 1966. Русский перевод Т.А. Миллер дается по изданию: Аристотель. О возникновении и уничтожении //

Латинское слово *materia* в значении «материя, вещество» в прозе впервые использовано Цицероном³⁷⁸ в трактате «Лукулл», датированном 45 г. до н.э., в то время как в поэзии *materia/-es* засвидетельствовано раньше, а именно в поэме «О природе вещей». Таким образом, у Лукреция представлено самое первое сохранившееся употребление слова *materia/-es* как философского термина. Однако Лукреций не приписывает себе новаторство в создании термина *materia/-es*³⁷⁹ и привнесении понятия «вещество» в латинский язык, что, по-видимому, обусловлено уже существовавшей традицией его (устного или письменного) употребления в специфическом философском значении.

В свою очередь и лексема *materia/-es* также не обладает прозрачной и убедительной этимологией, как и ее греческий коррелят. Именно этой осторожной позиции придерживаются Вальде и Хофман³⁸⁰. По Фаану³⁸¹ довольно прямолинейно и без доказательств утверждается, что слово *materia/-es* является производным от лексемы *mater*, поэтому оно даже не заслужило отдельной словарной статьи. Словарь Эрну-Мейе³⁸² также связывает происхождение *materia/-es* с *mater* и приводит довольно

Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. III / Вступ. статья и прим. И.Д. Рожанский. М.: Мысль, 1981. С.395.

³⁷⁶ Полного соответствия отмеченным определениям в тексте Лукреция не обнаруживается. Единственным близким по смыслу аналогом, и, скорее всего, производным, можно назвать развернутое определение во вступлении первой книги поэмы (I 54-61).

³⁷⁷ Aristotle. *Metaphysica*. 2 vols. / Ed. W.D. Ross. Oxford, 1970. Русский перевод (А.В. Кубицкого под ред. М.И. Иткина) цитируется по изданию: Аристотель. *Метафизика* // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. I / Ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. С. 198.

³⁷⁸ Cic. Luc. 118: *Anaxagoras materiam infinitam, sed ex ea particulas similes inter se minutas, eas primum confusas postea in ordinem adductas mente divina... Plato ex materia in se omnia recipiente mundum factum esse censet a deo sempiternum.*

³⁷⁹ Стоит отметить, что применение латинской кальки *hyle* засвидетельствовано в текстах не ранее Макробия: *Species feminea terrae imago est, quam sol desuper inlustrat: signa duaeque feminea quibus ambitur hyle naturamque significant confamulantes* (Macrobian Sat. I 17).

³⁸⁰ *Materia* // Walde-Hofmann. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, von A. Walde, dritte neubearbeitete Auflage von J.B.Hofmann. B. II. Heidelberg, 1954. S. 50-51.

³⁸¹ Vaan de M. *Mater* // *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden; Boston, 2008. P. 367.

³⁸² Ernout A., Meillet A. *Materies* // *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. Paris, 1939. Pp. 596-597.

произвольную аналогию слова с совершенно иной морфемной структурой: модель образования лексемы *rauperies* из *rauper*. Мнения этимологов не противоречат тексту поэмы и не опровергают словесную концепцию Лукреция. Кроме того, необходимо указать, что, если *materia/-es* происходит от *mater*, то это слово индоевропейского пласта лексики с суффиксом *-ter-* (< и.-е. *-tēr-/*-tēr-), который сохранился в терминах родства (греч. μήτηρ, gen. μητρός, др. μάτηρ ($\bar{\alpha}$), др.-инд. *mātár*, англ. *mother*, нем. *Mutter*)³⁸³.

Поэт этимологически сближает термин *materia/-es* с существительным *mater*, которое выступает как «мать» и «родительница» всех вещей (Lucr. I 167-173)³⁸⁴. Можно предположить, такое очевидное сопоставление исходит из народной этимологии, представлявшей носителям языка наиболее правдоподобной. Вполне вероятно, что выражение *mater terra*³⁸⁵ (I 251; II 993) способствовало сближению лексемы *materia/-es* и *mater* «мать»³⁸⁶: своим звучанием и образностью оно неизбежно должно напоминать многократно представленную в поэме лексему *materia/-es* (См. *maternum nomen* II 998; V 795-96, 821-22). Не стоит исключать из поля зрения получившееся фонетическое сближение *mater terra* «мать земля» как *matertera* «сестра матери» к понятию *materia/-es* «вещество».

В целом, этимология для Лукреция заключается в наглядности и возможности объяснения слова посредством схожего фонетического облика других слов. Это важное преимущество, которым пользуются эпикурейцы, ведь «специфической чертой атомизма является наглядность объясняющей

³⁸³ Малинауспене Н.К. Введение в историю латинского языка (классический период): Курс лекций. Материалы для практических занятий. М.: ГЛК, 2006. С. 169.

³⁸⁴ Об универсальности такого сближения в латинском языке свидетельствует гендиадис в «Риторике к Гереннию»: *omnium malorum stultitia est mater atque materies* (Rhet. Her. 2, 34).

³⁸⁵ Смотри объяснение мотивации такого выражения, представленное в поэме: *Linquitur ut merito maternum nomen adepta / Terra sit, e terra quoniam sunt cuncta creata* (V 795-796).

³⁸⁶ О данной паронимии см. рассуждения в параграфе 1.4. «Филологические и терминотворческие установки Лукреция».

модели»³⁸⁷. Таким образом, Лукреций действует философски в духе натурфилософии, увязывая понятные каждому обывателю производительные потенции земли и непростой концепт «вещество», и филологически, предлагая толкование нового термина через слово обыденного языка (*materia/materies = mater rerum*).

Приведенные наблюдения показывают определенную тенденцию: для поэта этимологические связи родного языка оказываются приоритетней отсылки к греческому³⁸⁸ ὕλη. Вместо того, чтобы использовать явный «варваризм» *hyle*, Лукреций пытается не только адекватно перевести, но в еще большей степени истолковать термин, стремясь сделать его доступным для широкого круга читателей. Следует отметить, что у греческой лексемы ὕλη не выявлено таких связей, близкого звучания и удачных лексических параллелей, как «мать-земля»³⁸⁹ – «материя» у Лукреция.

Разумеется, примеры морфологической передачи *hyle* в латинском языке присутствуют: Светоний сообщает (*Suet. De grammaticis X*), что грамматик Луций Атей Претекстат Филолог в трактате под именем *Hyle* в 800 книгах собрал информацию разного рода (*omnis generis*)³⁹⁰. Этот грамматик был другом Саллюстия и Азинию Поллиону, а также составил

³⁸⁷ Меткое определение Гайдено П.П. Подробнее см.: Гайдено П.П. История греческой философии в ее связи с наукой. Учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 77.

³⁸⁸ В тексте поэмы Лукреция лексема ὕλη лишь косвенно засвидетельствована в форме топонима *Scaptensula VI 810* (греч. Σκαπτὴ ὕλη/Σκαπτησύλη), который упоминают в своих произведениях Геродот и Фукидид.

³⁸⁹ По-гречески выражение «мать-земля» звучит весьма поэтично – *μαῖα γαῖα*, ср. также встречающиеся у Эсхила *γῆ μήτηρ* и Гесиода – *γῆ πάντων μήτηρ*.

³⁹⁰ Этот ценный пример найден благодаря полезной монографии: Сидорович О.В. *Анналисты и антиквары: римская историография конца III-I в. до н.э.* М.: РГГУ, 2005. С. 167. Однако необходимо признать, что Сидорович ошибается, приписывая Лелию Герме, адресату послания Луция Атея, участие в создании его объемного труда. Этого не следует из латинского текста Светония, так как он содержит *pluralis maiestatis (nostram)*, характерный и для Лукреция, тогда как американский издатель и переводчик Светония понимает данное сообщение как указание на единоличное авторство грамматика. См.: *Suetonius Opera. Vol. II / With an English transl. by J.C. Rolfe. London; New York, 1914 (repr.1920). P. 412-413.*

для первого краткий компендий римской истории, а для второго – некие наставления по риторике.

Ещё более понятной мотивация Лукреция в выборе лексической единицы *materia/-es* для понятия «вещество» становится, если обратиться к словам Квинтилиана о существенной разнице в семантике *materia* и *silva*³⁹¹ (*hyle*), где последнее обладает стойкой негативной коннотацией «сделанное наспех, по обстоятельствам»: «*Diversum est huic eorum vitium qui primo decurrere per materiam stilo quam velocissimo volunt, et sequentes calorem atque impetum ex tempore scribunt: hanc silvam uocant*» (Quint. Inst. or. X 3, 17).

Лексема *silva* у Лукреция сохраняет свое базовое значение «лес». Отчетливо это заметно на примере отрывка в V книге (V 1266-1268), где вместе встречаются, не образуя синонимических связей, *silva* «лес» и *materies* «древесина»: *ut sibi tela parent silvasque ut caedere possint / materiemque dolare et levia radere tigna /et terebrare etiam ac pertundere perque forare.*

Остается констатировать, что никаких других вариантов кроме подходящего *materia/-es* у поэта не было.

Семантика *materia/-es*.

Для становления и внедрения в обиход любого термина немаловажным аспектом будет его статистика: частотность и равномерность появления в авторитетном философском трактате. Лексема *materia/-es* удовлетворяет этому критерию: она употребляется в поэме 78 раз и выступает как самое частотное слово V склонения после *res* и *dies*³⁹². Чаще всего существительное *materia/-es* встречается в I-II книгах (62 раза), что объясняется содержанием этой части поэмы – разбор физической концепции эпикуреизма.

Доминирующим значением слова *materia/-es*, конечно, является философское – «материя, вещество». В самом начале поэмы (I 54-61)

³⁹¹ Издатель текстов Саллюстия, Светония и Авла Геллия Д.К. Ролфи сообщает, что слова *hyle* и *silva* использовались метафорически для обозначения собранного в спешке грубого материала, особенно риторического свойства: Ibid. P. 412, adnotat. b.

³⁹² Лукреций использует существительное *materies* в форме V склонения 31 раз, схожую частотность в поэме демонстрирует лишь существительное *species*.

Лукреций эксплицитно оговаривает терминологичность значения лексемы, давая ей ряд дефиниций, помогающих читателю уяснить смысл понятия *materia/-es*. В то же время Лукреций нигде не прилагает к этому термину дефиниций в строгом смысле слова (подобно приведенным в цитатах из Аристотеля); отказывается и от прямой отсылки к предшествовавшей традиции бытования термина *materia/-es* или соотнесения его с греческим термином ὕλη в сочинениях греческих философов. Будучи изолированным от зависимых слов, *materia/-es* представляет собой исключительно философский термин.

Только в 4-х случаях³⁹³ из 78 слово *materia/-es* используется в изначальном, конкретном значении «древесина, строительный материал». Все словоупотребления с такой семантикой Лукреций дополнительно оговаривает, подчеркивая нетерминологичность слова контекстом. В стихе VI 1061 встречается выражение *ligna materies*, в котором слову *materies* сопутствует плеонастическое³⁹⁴ определение. В этом контексте качественно противопоставляются золото, железо и дерево. Примечательно, что логическая и синтаксическая оппозиция железа дереву подчеркивается в этом месте словосочетанием *natura ferri*³⁹⁵ (VI 1062). *Materies* противопоставляется слову *ferrum* как явление живой природы, имеющей *mater*, неживой вещественности, описываемой абстракциями и десемантизированным компонентом *natura*.

³⁹³ Контексты, содержащие лексему *materia/-es* в нефилософском значении: IV 148, V 1267, VI 1061, VI 1069. Неслучайно, что *materia/-es* в значении «древесина» встречается в поэме только во второй ее половине (книги IV-VI).

³⁹⁴ Кроме плеоназма *ligna materies* см. также плеоназм *materia ligni* (IV 148). Обычно *materia/-es* – это дерево для строительства и производства мебели, а *lignum* – древесина для топлива. Важная монография, посвящённая античной сфере экономики и культуры, связанной с древесиной и деревообработкой: Meiggs R. *Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World*. New York: Oxford University Press, 1982. (Special edition for Sandpiper Books Ltd., 1998). P. 359.

³⁹⁵ Сравни поведение этого слова и копирование моделей атомистических терминов: *ferri natura* V 1281; VI 1011, 1042; *ferri vis* V 1286; VI 953, 1001; *fera ferri corpora* II 103-104, *duri robora ferri* II 449.

В стихах VI 1069-70 слово *materia/-es* упоминается в прямом значении как «строительный материал», что дополнительно маркируется посредством несогласованного определения *tabularum*. В V книге (стихи 1266-68) первоначальное конкретное значение подчеркивается лексическим окружением – лексической цепочкой *silva – materies – tigna*³⁹⁶ и целым рядом глаголов, связанных семантикой деревообработки: *caedere, dolare, radere, terebrare, pertundere, perforare*. Избыточное употребление лексики одного семантического поля в сжатом пространстве нескольких стихов демонстрирует не только техническую осведомленность Лукреция, четкое понимание им технологического процесса столярно-плотницкого дела и любознательность. Изобилие лексики ремесленной отрасли свидетельствует, что слово *materia/-es* в данном контексте следует воспринимать как профессионализм именно хозяйственной сферы³⁹⁷.

В целом, при прочтении текста поэмы трудно спутать философское словоупотребление *materia/-es* с каким-либо иным. Даже в контексте II 897-901, несмотря на присутствие слова *lignum*, словосочетание *corpora materiai* устойчивой формульностью на протяжении текста поэмы не дает усомниться в точном понимании пассажа.

Морфология

Для понимания функционирования и языковых возможностей термина *materia/-es* в первую очередь необходимо учитывать морфологическую сторону данной лексемы. Существительное *materia/-es* предсказуемо фигурирует в поэме только в единственном числе, так как оно обозначает абстрактное понятие. Равным образом существительными *singulare tantum* являются такие важные атомистические понятия, как *inane, clinamen*, и

³⁹⁶ Слово *tigna* «брусья» в этом ряду выступает как обозначение готовой продукции: *materiemque dolare et levia radere tigna* (V 1267).

³⁹⁷ См. список отраслевой лексики – *lignum* «дрова», *materia* «древесина», *lignarius* «торговец привозным лесом» или «дровосек», *tignarius (tignuarius CIL)* «столяр, плотник» (даже строитель» по Гайю – Gaius в Dig. Justiniani, 50.16.235.1.), *materiarius* «торговец строительной древесиной», *negotians materiarius*, вероятно, «торговец привозной древесиной», аналог *xylemporos* в Египте. Meiggs R. *Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World*. New York: Oxford University Press, 1982. P. 359-361.

другие термины. Также это справедливо и для понятий других разделов философии, как *aequus animus*, *notitia/-es*.

В поэме «О природе вещей» мы видим одно из самых ранних засвидетельствованных употреблений философского термина *materia/-es*, уникальную картину реализации термина в не только в языке, но и поэзии.

Парадигма склонения слова *materia/-es* может быть наглядно представлена следующей таблицей:

Таблица 3. Склонение *materia/-es* у Лукреция в сравнении с другими существительными V склонения:

materia/-es			dies		
Casus	I	V	Casus	Sg	Pl
N	–	materies (22)	N	dies (8)	–
G	materiai (42) materiae (3) I 591; II 425, 550	–	G	diei (11)	–
D	–	–	D	–	–
Acc	materiam (1) IV 148	materiem (9)	Acc	diem (4)	dies (13) зачин inque dies 9 раз
Abl	materia (1) I 191– O (materiae – Q)	–	Abl	die (1) III 712	diebus (2) I 1067; V 1167

Подобно вариативности частоты слова по книгам поэмы, обусловленной тематикой каждой отдельной песни, похожая статистическая нерегулярность наблюдается в выборе падежа и типа склонения. Анализ словоупотребления Лукреция показывает, что лексема *materia/-es* ведет себя как разносклоняемое³⁹⁸ существительное с двумя сравнительно

³⁹⁸ В данном исследовании принято за основу нестрогое понимание термина «разносклоняемые» (*heteroclita*) по О.С. Ахмановой и И.М. Тронскому. Ахманова в качестве примеров приводит ἵδωρ, -ατος и iter, itineris; Тронский предлагает много образцов такого типа склонения, среди которых самый яркий пример на 2-е и 4-е склонения – слово domus и названия деревьев. См.: Ахманова О.С. Существительное разносклоняемое // Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 466; Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка.

равноправными основами³⁹⁹: основой I склонения на -а- и основой V склонения на -е-. Тем не менее такое словоупотребление не уникально, ведь автор использует в поэме ряд аналогичных разносклоняемых слов I-V склонений: *notitia/notities*, *amicitia/amicities*, *spurcitia/spurcicies*⁴⁰⁰:

notitia/-es		
Casus	I	V
N	–	notities (2) V 182, 1047
G	notitiae (1) II 124	–
D/Abl	–	–
Acc	notitiam (4) II 745, IV 476, 854, V 124	notitiam (1) IV 479 – O (notitiam – Q) ⁴⁰¹

amicitia/-es		
Casus	I	V
N	–	–
G	amicitiae (1) III 83 amicitiae (1) I 141	–
D/Abl	–	–
Acc	–	amicitiam (1) V 1019 – O (amicitiam – Q)

В то же время в тексте поэмы встречаются еще три потенциально разносклоняемых слова, из которых *effigia/-es* у Лукреция изменяется только по I склонению: 2 раза в асс. pl. (IV 42 *effigias* – обе рукописи OQ согласны; IV 85) и 1 раз ном. pl. *effigiae* (IV 105), а *duritia/-es* (IV 268) и *planitia/-es* (IV 294) имеют только форму асс. sg. V склонения.

Общеввропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / Под общей ред. Н.Н. Казанского. 2-е доп. изд. М.: Индрик, 2001. С. 187.

³⁹⁹ Задача определить первичную из указанных основ в данном исследовании не ставилась.

⁴⁰⁰ Лексема *spurcitia* (V 47) /*spurcicies* (VI 977), по-видимому, единственная имеет формы ном. sg. в обоих типах склонения. В употреблении формы I склонения, возможной только с элизией, видимо, играют роль метрические соображения.

⁴⁰¹ Данный стих имеет разночтения в двух основных рукописях: *notitiam* в рукописи O (Codex Leidensis 30 – Oblongus), *notitiam* в рукописи Q (Codex Leidensis 94 – Quadratus).

В тесной связи с проблемой двухосновности существительного *materia/-es* встает вопрос об особенностях его падежного склонения. Оказывается, что поэт выбирает именительный падеж исключительно с основой V склонения. Именительный падеж *materia* по модели I склонения не используется Лукрецием по причине метрического неудобства – по метрическому рисунку он представляет собой первый пеон, поэтому он возможен в гекзаметре только с элизией последнего гласного звука (окончания).

В родительном падеже лексема *materia/-es* имеет с огромным перевесом (42⁴⁰² случая против 3) архаизирующую форму *materiai*⁴⁰³ с метрической схемой дактиль-спондей. Слово *materia/-es* употребляется в родительном падеже как несогласованное определение к термину *corpora* (единожды *corpuscula* II 529) и словам *aestus*, *concilium*, *congressus*, *coniectus*, *coria*, *genus*, *motus*, *pelagus*, *ratio*, *summa*, *turba*, *vis*. Родительный падеж *materiae* от основы I склонения применяется поэтом, видимо, *metri causa*. За счет формы *materiai* от основы первого склонения родительный падеж у лексемы *materia/-es* оказывается очень продуктивным.

Дательный падеж лексем *materia/-es* не фигурирует вовсе⁴⁰⁴.

При необходимости использовать винительный падеж Лукреций отдает предпочтение форме *materiem* с основой V склонения (9 случаев). Вариант *materiam* (IV 148) оказывается единичным словоупотреблением основы I

⁴⁰² При такой статистике *materia/-es* составляет ровно четверть от общего количества род. п. на *-ai* в поэме – 166. Данные приводятся по: Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 72.

⁴⁰³ Мысль И.М. Тронского, что «при наличии чередования суффиксов *-iē/-iā-* род. п. обычно образуется по I склонению», надёжно подтверждается для Лукреция примерами разносклоняемых существительных *materia/-es*, *notitia/-es* и *amicitia/-es*. См. по: Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Под общей ред. Н.Н. Казанского. 2-е доп. издание. М.: Индрик, 2001. С. 184.

⁴⁰⁴ Довольно трудный случай представляет собой пассаж во второй книге (II 125-128), где есть соблазн трактовать форму *materiai* как дательный падеж при глаголе *subesse*. Ф. А. Петровский и С. Бейли считают эту форму родительным падежом и связывают ее с *motus*, получая в итоге «движения материи».

склонения для винительного падежа, тем не менее рукописи единогласно сохраняют это чтение, свидетельствуя о вариативности в этом падеже.

Аблатив представлен в тексте поэмы только один раз (I 191) и только формой I склонения *materia*. Для данного места существует разночтение в рукописях (*materiae*)⁴⁰⁵, которое, впрочем, невозможно вписать в контекст, так как такой падеж невозможен грамматически после предлога «de».

Множественное число термина *materia/-es* не могло появиться в качестве словоформы⁴⁰⁶ по трём причинам: поскольку оно уже имело стойкую ассоциацию с профессиональной лексикой сферы лесозаготовки (см., например, посвящённую Сильвану надпись лесорубов близ Аквилеи, где они названы *sectores materiarum*)⁴⁰⁷, не подходило бы с философской точки зрения (Аристотелевская ὕλη в единственном числе) и языковой – абстракции и первоэлементы имеют тенденцию употребляться в единственном числе (ср. русс.: вещество-вещества, вода-воды, огонь-огни).

Таким образом, с учетом обоих типов склонения лексема *materia/-es* демонстрирует формы не во всех падежах (кроме датива), что, тем не менее, показывает полную функциональность и важность слова в поэтическом словаре Лукреция. Характерным опорным фактом-иллюстрацией является неполная парадигма слова *dies* в словаре Лукреция (без форм дат. п.). Морфологическая картина лексем *materia/-es* демонстрирует, что в ее парадигме наблюдается четкое противопоставление прямых падежей от основы V склонения косвенным от основы I склонения.

Еще Сирил Бейли обратил внимание на своеобразие употребления V склонения у Лукреция, поэтому с целью дальнейшего анализа

⁴⁰⁵ Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 186.

⁴⁰⁶ «Словоформа – слово в определённой грамматической форме... Каждое изменяемое слово представляет собой парадигму, т.е. совокупность словоформ». См. Словоформа // Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. С. 429.

⁴⁰⁷ Meiggs R. Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World. New York: Oxford University Press, 1982. (Special edition for Sandpiper Books Ltd., 1998). P. 355.

словоупотребления термина *materia/-es* были рассмотрены общие закономерности функционирования слов V склонения⁴⁰⁸ у Лукреция. Их специфика состоит в том, что из всех слов этого склонения, встречающихся в поэме, только *res*, *dies* и *fides* имеют регулярные формы родительного падежа: *rei* (5 раз: II 112, 548, VI 918, III 918, IV 885), *diei* (11 раз) и *fidei* (V 102). При этом формы *diei* занимают исключительно конец гекзаметрического стиха (I 10 и т.д.). Приведенные данные позволяют признать модель род. п. V склонения на *-ei* малоупотребительной для Лукреция.

Единственным исключением V склонения можно считать существительное *rabies*. В форме родительного падежа с окончанием *-es* лексема *rabies* встречается в поэме всего лишь один раз (IV 1083). По свидетельству Авла Геллия (Aul. Gell. IX 14, б), в I веке до н.э. допустимы были две модели архаичных родительных падежей слов V склонения: первая на *-es*, как *dies* – *dies*, *facies* – *facies*, и вторая на *-i*, как *dies* – *dii*, *perniciēs* – *pernicii*. В своей книге И.М. Тронский посвящает довольно обширный параграф проблеме родительного падежа V склонения и указывает на значительные колебания в образовании форм этого падежа и на возможность не менее 6 вариантов⁴⁰⁹: *ēs*, *ēī*, *ēī*, *ei*, *ē*, *ī*.

О допустимости родительного падежа *materies* от основы V склонения для разносклоняемого *materia/-es* свидетельствует словоупотребление Витрувия⁴¹⁰ с базовой семантикой «древесина». Однако, как кажется, в

⁴⁰⁸ Самая последняя и полемическая работа, посвящённая V склонению: Внести Witczak К.Т. The Origin of the Latin Fifth Declension // *Philologia Classica*. № 16 (2). St.Petersburg, 2021. Pp. 262-276.

⁴⁰⁹ См. по: Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / Под общей ред. Н.Н. Казанского. 2-е доп. изд. М.: Индрик, 2001. С. 182.

⁴¹⁰ Vitr. II, 9, 16: «et ideo id castellum Larignum, item materies larigna est appellata... cuius materies si esset facultas adportationibus ad urbem, maximae haberentur in aedificiis utilitates...». Витрувий также демонстрирует примеры сущ. *notities* – 5 случаев Acc. Sg. на *-am* и один Nom. Sg. на *-es* в значении «известность»: Ego autem, Caesar, non ad pecuniam parandam ex arte dedi studium, sed potius tenuitatem cum bona fama quam abundantiam cum

условиях философского содержания поэмы Лукреция род. п. *materies* был бы не лучшим выбором для важного термина вследствие омонимии падежных окончаний.

Подводя итоги обзора морфологии *materia/-es*, следует сказать, что при общей малоупотребительности генитива V склонения в «О природе вещей» поэт предпочел для него регулярную модель на *-ei*, а не засвидетельствованные для классической латыни Авлом Геллием парадигмы родительного падежа для сущ. *dies – dii* и *dies – dies*. Тип gen. sg. на *-es* по модели существительного *gabies* также не стал продуктивным.

Сочетаемость

Характерной чертой синтаксического поведения *materia/-es* оказывается несамостоятельное словоупотребление.

Самым частым согласованным определением⁴¹¹ к существительному *materia/-es* является прилагательное *aeterna* (I 239, 245, 519, 540) «вечная», которое поэт употребляет только до середины первой книги, вероятно, чтобы сразу навязать устойчивую ассоциацию этой характеристики с концептом «вещество». Эта характеристика – акцентирование главного качества материи, может быть, ключевого в эпикурейском понимании вещества. Чтобы подчеркнуть вечность ещё и составных элементов материи – атомов – Лукреций использует синонимы к прилагательному *aeternus*: *materies aeterna – primordia immortali*⁴¹² *corpore* (I 545). Стоит заметить, что прилагательное *aeternus* имеет большое значение в атомистике Лукреция, так как оно служит определением ко многим ключевым понятиям эпикуреизма. Поэтому такие сочетания как: *aeterno semine* (I 221), *aeterna corpora* (I 242, 539 + *solida*),

infamia sequendam probavi. Ideo notities parum est adsecuta. Sed tamen his voluminibus editis, ut spero, etiam posteris ero notus. (Vitr. VI pr. 5).

⁴¹¹ У Аристотеля в качестве определений к слову ὕλη используются прилагательные ἀόριστος и ἄμορφος.

⁴¹² Ср. утверждение, что мир, напротив, состоит из смертного тела: *mortali consistere corpore mundum / nativomque simul* (V 64-66).

[*materiam, materies*] или — ◡ ◡ — — [*materiai*]) она может занимать 6 разнообразных метрических позиций в стихе, вплоть до заполнения 5 и 6 стопы целиком формой *materiai*.

Выводы 2.1: Результаты анализа лексемы *materia/-es* в поэме позволяют констатировать, почему она оказывается одним из ключевых философских терминов, прочно закрепившимся в языке. Лукреций показал продуктивность лексемы *materia/-es* для латинского языка: ее удобство в стихе и широкий спектр позиций, богатую синтаксическую сочетаемость, философскую насыщенность слова, идеально отражающего одно из ключевых понятий греческой философии. Логика словоупотребления *materia/-es* последовательна, она выступает образцовым термином: доминирующее значение лексемы «материя, вещество», а все редкие случаи использования в исконном значении «древесина» дополнительно маркируются окружающими словами, относящимися к семантическим полям «древесина» и «деревообработка»: *silvae, lignum, ligneus, tigna, tabulae* и *caedere, dolare* и т.д. Формульность (*corpora materiai, copia materiai, materies rerum*) нашего термина указывает на философское значение, которое становится совсем очевидным в контекстах с противопоставлением другим философским понятиям, таким как «тело» и «пустота», то есть там, где его природа прослеживается из дефиниций, поясняющих смысл концепта «материя». Следовательно, философское словоупотребление *materia/-es* невозможно спутать с нетерминологическим в силу особого окружения в каждом случае (устойчивые согласованные и несогласованные определения).

Лукреций находит дополнительный лингвистический фактор для объяснения термина *materia/-es* – это существительное *mater*, фонетически (парономасия) и этимологически сближаемое с лексемой *materia/-es* из-за схожей функции подразумеваемых явлений в природе. Лукрецием эти тесные связи сознательно акцентируются уже в начале поэмы, что можно рассматривать как дефиницию в духе натурфилософов к важному понятию

materia/-es. В этой сознательной параллели *mater* – *materia/-es* состоит одна из новаций римского эпикуреизма, так как данный термин приобретает новые оттенки семантики, о которых греческий прототип – ὕλη – мог только мечтать.

Лукреций не столько переводит греческое понятие «материя», сколько удачно выбирает в родном языке подходящее по значению слово. Семантических отличий между вариантами обеих основ выявить не удалось, поэтому можно утверждать, что при выборе флексии играет роль не семантика, а метрика и стиль: в частности, удобство и стилистическая окраска архаизирующего родительного падежа на –*ai*. В связи с вопросом колебания в склонении также не представляется возможным выделить главную и вторичную основы исследуемого термина. Парадигма *materia/-es* и сообщение Авла Геллия свидетельствуют о том, что морфология V склонения во времена Лукреция еще не была строго нормирована.

Для морфологии Лукреция характерно использование падежных форм I и V склонений как альтернатив в системе (для определенного круга слов). Выбор в области флексий между 3 вариантами для род. падежа (Лукрецию известны флексии –*ae*, –*ai*, –*es*). Разносклоняемость существительного *materia/-es* получает подтверждение в словоупотреблении других авторов эпохи – Витрувий. Возможно, отказ от флексии –*es* и выбор вариантов I склонения обусловлен необходимостью строгой точности в терминологическом узусе, поскольку флексия –*es* в генетиве омонимична с именительным падежом. Текст поэмы также показывает, что образование множественного числа от абстрактного существительного *materia/-es* невозможно.

Лукреций не считал допустимым терминологизировать для передачи греческого понятия ὕλη варианты *hyle* и *silva*, которые из-за своей негативной коннотации и риторического флёра были непригодны в качестве

философского термина и, возможно, представлялись Лукрецию довольно нелепой инновацией.

И, наконец, сильными сторонами языкового потенциала термина стоит признать почти все области: этимологические связи (сближение *materia/-es* и *mater*), морфологию, синтаксис, метрику. Единственный недостаток – словообразовательная непродуктивность.

2.2. Семантическое поле «атом, тело, первоначало»

Известный лукрециевед З.А. Покровская справедливо признаёт: «Атом в поэме Лукреция является истинным и «главным героем»: движение атомов, их соединение и расторжение лежат в основе всех жизненных явлений. Атом — главное звено, с помощью которого раскрывается вся картина мироздания...»⁴¹⁵.

Однако, оригинальность физики римского эпикуреизма в трактовке Лукреция заключается в том, что это атомизм⁴¹⁶ без термина ἄτομος «атом»⁴¹⁷. В греческой философской мысли это также не было чем-то обязательным, поскольку существовало несколько пониманий атомизма как учения о неделимых частях пространственной величины, кроме всем известного учения Левкиппа-Демокрита: первичные треугольники Платона, неделимые линии Ксенократа, атомизм времени и движения у Диодора

⁴¹⁵ Покровская З.А. Античный философский эпос. Лекции по спецкурсу. М., Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 46.

⁴¹⁶ Среди основных исследований, посвящённых атомизму, см., например: Зубов В.П. Развитие атомистических представлений до начала XIX века. М.: Наука, 1965; Комарова В.Я. Становление философского материализма в древней Греции (Логико-гносеологический аспект диалектики философского познания). Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1975; Vlastos G. Minimal Parts in Epicurean Atomism // *Isis*. Vol. 56. 1965. Pp. 121-147 = *Probleme der Lukrezforschung* / Hrsg. von C.J. Classen. Hildesheim; Zürich; New York: G. Olms Verlag, 1986. Pp. 97-123.

⁴¹⁷ Слово было официально легитимировано как термин химии наряду с «молекулой» на съезде химиков в 1860 г. См.: Терминология // *Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание)* / Сост. М.В. Панов. М.: Педагогика, 1984. С. 303.

Крона⁴¹⁸. А.Ф. Лосев констатирует, что атомы «одновременно и вещественны, и геометричны, и что они лежат в умопостигаемых основах всего текучего и чувственно-материального бытия»⁴¹⁹.

В поэме «О природе вещей» отсутствует калька слова ἄτομος «атом». Известны параллельные опыты перевода этого фундаментального термина у современников и последующих писателей. Мастер слова Цицерон предложил в своих трактатах морфемную кальку – *individuum*⁴²⁰, которая может использоваться в гекзаметре. Витрувий, вероятно, избежав влияния поэмы Лукреция, использовал термин *corpora*, уточнил его калькой с омонимичного греческого прилагательного ἄτομος/-ον, получив таким образом *corpora insecabilia* «атомы» (*in-secābilis*, *e* – не поддающийся рассечению, неделимый). Эта модель Витрувия, без сомнения, явный перевод ἄτομα σώματα – слов Демокрита из Аристотеля (Arist. De caelo III, 4, p. 303a 4=Luria 109: С. 49). В дальнейшем Квинтилиан продолжит использовать именно этот вариант перевода термина – *corpora insecabilia*.

Атомизм эпикурейского типа⁴²¹, представленный в поэме «О природе вещей», интересен избытком терминов и проблемой рецепции греческого философского словаря. Анализ словоупотреблений Лукреция выявил целый ряд лексем, передающих греческие философские понятия «атом», «тело» и «первоначало»⁴²² (ἄτομος/οί/α, ἀρχή/αί, σώμα/τα, σπέρμα/τα,

⁴¹⁸ См. по: Солопова М.А. Атомизм // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 196.

⁴¹⁹ Лосев А.Ф. Диоген Лаэртский – историк античной философии. М.: Наука, 1981. С. 73.

⁴²⁰ «atomos...id est corpora individua propter soliditatem» (Cic. Fin. I 17); «...ex illis individuis, unde omnia Democritus gigni adfirmat» (Cic. Luc. 55).

⁴²¹ См. точку зрения, что античный атомизм является спекулятивным и не имеет общего с современной наукой об атомарном строении вещества: Dörrie H. Atomistik // Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. von K. Ziegler und W. Sontheimer. Bd. 1-5. Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag, 1964-1975. Bd. I, Spalte 713-714.

⁴²² Одна из первых попыток выделить список терминов, пусть и не полный, для понятия «атом» представлена исследованием И.В. Брауна: «Praeterea poeta ea [atomos/primordia – И.Т.] vocat principia I 244; corpuscula II 153; exordia II 333; elementa II 411 aliis locis». Braun J.W. Lucretii de atomis doctrina. Diss. Monasterii: ex typographia E.C. Brunn, 1857. P. 15.

στοιχείωμα/τα, στοιχείον/α) и стойко связанных между собой отношениями синонимии и взаимозаменяемости: *corpora (prima/genitalia)*, *corpuscula*, *semina (rerum)*, *primordia (rerum)/ordia prima*, *exordia (rerum/prima)*, *principia*, *prima*, *elementa (prima/primoria)*. Благодаря этому, без сомнения, эти слова образуют единое, довольно гармоничное лексическо-семантическое поле. При этом меньше половины оказываются этимологически родственными.

Центром этого обширного гипонимического семантического поля (с доминантой в греческом языке ἄτομος, в латинском – *corpora*)⁴²³ оказывается семантический признак «неделимость, первоначальная целостность»: в *corpus*, *semen* важна идея «цельность/неделимость» обозначаемого предмета, в *primordium*, *exordium* – первичного порядка, целостности, в *principia*, *prima* Лукрецием вкладывается идея о первичности, неразложимости атомов как минимальной единицы мироздания. Ядро этого поля с точки зрения частотности и равномерности узуса образует лексема *corpus/corpora*, близко находится *primordia* с различными вариантами, в то время как на периферии оказывается более факультативное слово *prima*.

В результате проведённого изучения лексем этого лексическо-семантического поля в данной диссертационной работе сделана попытка их классификации по сигнификату⁴²⁴. Следовательно, весь набор указанных синонимов распределяется на две неравномерные группы: 1) лексика с семантическим компонентом «начало»⁴²⁵ – *primordia (rerum)*, *ordia prima*, *exordia (rerum)*, *principia*, *prima*, *elementa (prima/primoria)*; 2) группа слов с семантическим компонентом «цельное (неделимое) тело» – *corpora*

⁴²³ Т. Нейл в своём комментарии в большинстве случаев отказывается от перевода термина *corpora* (как «атом»). См.: Nail Th. Lucretius II: An Ethics of Motion. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. P. VI.

⁴²⁴ О понятиях «денотация» и «сигнификация» см. в: Ахманова О.С. Денотация // Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1966. С. 128; Ахманова О.С. Функция сигнификативная // Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1966. С. 507.

⁴²⁵ О термине «начало» у греческих мыслителей подробнее см.: Reale G. Il pensiero antico. Vita e Pensiero, Milano, 2001. P. 9, 12.

(*prima/genitalia*), *corpuscula*, *semina (rerum)*). Все эти термины заслуживают многоуровневого рассмотрения с точки зрения этимологии, семантики, морфологии, синтаксиса и метрики.

Для начала обратимся к лексике с семантическим компонентом «начало».

2.2.1. Лексика с семантическим компонентом «первоначало»: *primordia (rerum)*, *ordia prima*, *exordia (rerum/ prima)*, *principia*, *prima*, *elementa (prima/primoria)*.

Primordia (τὰ στοιχεῖα)

Существительное *primordium* засвидетельствовано в латинском языке уже у Пакувия⁴²⁶; впервые в эпосе это слово встречается у Цицерона в переводе «Явлений» Арата, причем оба раза в значении «начало» в среднем роде мн. ч. Однако у Цицерона эта лексема употреблена всего 5 раз: в переводе поэмы Арата (Cic. Arat. fr. 1; fr. 34, 39), дважды в автоцитации из неё же (De leg. II 7) и однократно в трактате по риторике (Cic. De part. orat. 7). К сожалению, из-за фрагментарности астрономической поэмы Цицерона она не может служить образцом для сравнения с материалом «О природе вещей». Учитывая этот факт, а также то обстоятельство, что от философской прозы первой трети I в. до н.э. ничего не сохранилось, приходится считать, что слово *primordia* в философский узус, вероятно, ввел именно Лукреций.

Известный исследователь эпикуреизма и издатель текстов Эпикура и Лукреция Сирил Бейли назвал слово *primordia* (ср. р. мн. ч.) излюбленным термином римского поэта для передачи понятия «атом»⁴²⁷. Однако ученый вынужден был признать, что данный термин не имеет точных соответствий у Эпикура⁴²⁸.

⁴²⁶ «...quod primordium capissam ad stirpem exquirendum...» (Pac. trag. 50-52). Также слово широко представлено в прозе: см. Liv. pr. 1; Col. 1.1.18; Sen. Nat. quaest. 3.13.2 и др.

⁴²⁷ Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 606.

⁴²⁸ Ibid. P. 607.

При рассмотрении источника и мотивированности термина *primordia* прежде всего необходимо обратиться к наследию основателя эпикуреизма. В связи с фрагментарностью этих сочинений возникают определенные трудности при соотнесении термина *primordia* с каким-то прообразом в его философском словаре. По свидетельству схолия⁴²⁹ к первому письму Эпикура (Ep. Ep. ad Her. I 44) одно из его сочинений называлось «Первоосновы» – Στοιχειώσεις⁴³⁰. Более того, в этом схолии упомянута одна из тем⁴³¹ эпикурейской физики – изменение цвета предмета в зависимости от положения атомов, – которая подробно освещается и многократно доказывается во II песне поэмы с привлечением терминологии атомизма. В изложении этого вопроса ключевую роль играют термины *primordia* и *principia*.

Ещё раз слово στοιχειώσις в том же значении, но только в ед. ч., встречается в письме к Геродоту (Ep. ad Her. I 37). В том же письме представлено слово στοιχειώματα (Ep. ad Her. I 36), имеющее, по-видимому, значение «принципы», «положения». С. Бейли оставил это слово без комментария в своем издании Эпикура⁴³². Ф.А. Петровский в своём классическом комментарии также не высказал никаких соображений по этому поводу. Единственное, чем можно объяснить: у нас недостаточно данных о языке Эпикура, а στοιχειώματα, похоже, не стало устойчивым термином.

⁴²⁹ Τὸ δὲ χρῶμα παρὰ τὴν θέσιν τῶν ἀτόμων ἀλλάττεσθαι ἐν ταῖς δώδεκα Στοιχειώσεσιν φησι. См.: Epicurea. Ed. H. Usener. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1887 (reprint New York, 2010). P. 114; Epicurus. The Extant Remains with short critical Apparatus / Trans., ed. and noted by C. Bailey. Oxford: At the Clarendon Press, 1926. P. 25).

⁴³⁰ Данный термин в дальнейшем использовался для заглавий трактатов по философии: Энесидема из Кносса (сер. I в. до н. э.?) Στοιχειώσεις «Основы» (DL IX 16); в конце античности Прокла (V в. н. э.) Στοιχειώσις θεολογική «Первоосновы теологии».

⁴³¹ Наиболее близким по содержанию можно признать пассаж в II 1002-1011. Ср. также II 813-21.

⁴³² Epicurus. The Extant Remains with short critical Apparatus / Trans., ed. and noted by C. Bailey. Oxford: At the Clarendon Press, 1926. P. 175.

Наиболее подходящей иллюстрацией к словоупотреблению Лукреция стоит признать тот случай, когда στοιχεῖα (nom. pl.) «начала» используется как термин атомистики в Письме к Пифоклу (Ep. ad Pyth. I 37). Ее определение – ἄτομα «неделимые» – в переработке Лукреция предстает как *solido corpore* (Lucr. I 486, 500) и *solida simplicitate* (I 548, 574, 609; II 157), где математически-умозрительный подход Эпикура заменен более образным описанием с использованием Abl. qualitatis. Эти определения во всех случаях характеризуют исключительно термин *primordia*. Таким образом, всё сказанное позволяет с большой долей уверенности сделать вывод о том, что существительное *primordia* передает термин στοιχεῖα.

Семантически и с точки зрения морфемной структуры слова лексема *primordia* прозрачна и обозначает «первоначало» или «начало». Это редкий пример, когда лексема, выступая как термин в поэме, совершенно не фигурирует в общеупотребительном значении, создавая терминологическую строгость и системность атомистического словаря. Противоположная ситуация однако наблюдается в случае с однокоренным ему словом *exordia*, что уже было подмечено Я.М. Боровским⁴³³.

Двухосновное слово отражает отмеченную М. фон Альбрехтом фундаментальную особенность Лукреция: «Ясность⁴³⁴ – в созвучии с эпикурейскими принципами – главная стилистическая задача Лукреция»⁴³⁵. И, действительно, дальнейшие примеры наглядно продемонстрируют необходимость прозрачной структуры слова, имплицитного объяснения термина.

Первый компонент содержит основу порядкового числительного *primus*. Это очень редкое для терминологии явление становится

⁴³³ Боровский Я.М. Обозначение вещества и пространства в лексике Лукреция // *Oregra philologica*. СПб., 2009. С. 167.

⁴³⁴ Этот принцип ясности (σαφήνεια) имеет большое значение в тексте Лукреция: ср. *carmine praerandere clara lumina* (I 143-144) и *lucida carmina* (I 993-994).

⁴³⁵ Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: ГЛК, 2002. С. 333.

продуктивным в атомистике Лукреция, и тут достаточно упомянуть ряд терминов с таким корнем: *corpora prima*, *exordia prima*, *principia* и *prima*⁴³⁶. Кроме них существует только один пример термина с количественным числительным – *quattuor res* «четыре элемента», навеянный τέσσαρα ὀϊζώματα Эмпедокла.

Второй компонент термина *primordia* связан с глаголом *ordior* «навивать основу», «ткать». Говоря о трудной проблеме атомизма и невидимых глазу абстракциях – о материи и первоначалах, – поэт вынужден апеллировать к чему-то наглядному, прибегнуть к метафоре: материя – это ткань⁴³⁷, а первоначала «вплетаются» в нее, что на лексическом уровне подчеркивается лексемами одного семантического поля – *nexus*⁴³⁸, *contextus*, *textura*⁴³⁹ (I 238-49). В этих словах заключена отсылка к синонимичным для *ordior* глаголам – *necto* «вязать», «сплести» и *texo* «ткать», «вить».

Говоря о смешении атомов человеческого тела и души между собой по взглядам Демокрита, поэт пользуется метафорикой «связывания-плетения»:

Illud in his rebus nequaquam sumere possis,
Democriti quod sancta viri sententia ponit,
corporis atque animi primordia, singula privis⁴⁴⁰ (J. Martin – primis O,Q,V)
adposita, alternis variare ac nectere membra. (III 370-373)

В этих вопросах, смотри, не держись ты такого же взгляда,

⁴³⁶ Бейли признает терминами также *prima elementa* IV 941 и *primoria elementa* VI 1009: Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. Pp. 1294, 1707. Леонард и Смит в своем издании странным образом оставляют лексему *elementa* без должного внимания: Lucreti Cari, Titi De Rerum Natura Libri Sex / Ed. W.E. Leonard, S.B. Smith. Madison: the University Of Wisconsin Press, 1942. P. 846.

⁴³⁷ В этой связи необходимо подчеркнуть особую осведомленность поэта в ткацком деле и знание устройства ткацкого станка (V 1350-1353).

⁴³⁸ В тексте поэмы имеется вариант-синоним *conexus* (I 633; II 726, 1020; III 557; V 441).

⁴³⁹ Достоин внимания весьма ценное замечание в словаре Вальде-Хофмана о том, что *textura* – калька с эпикурова слова περιπλοκή «переплетение»: Walde A. Texo // Lateinisches etymologisches Wörterbuch, dritte neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. Bd. I-III. Heidelberg, 1938–1956. Bd. II. S. 678.

⁴⁴⁰ Й. Мартин сохраняет чтение *primis* из авторитетных рукописей (O, Q, V), с чьей осторожной позицией мы солидарны: Lucretius Carus, Titus. De Rerum Natura Libri Sex / Ed. J. Martin. Leipzig, 1969.

Как полагает о том Демокрита священное мненье:
Будто одно за другим расположены первоначала
Тела и духа и так, чередуясь, связуют все члены.

Эту же метафору «материи-ткани»⁴⁴¹ подкрепляет сочетаемость термина *primordia* и его синонимов⁴⁴² с прилагательным *subtilis* (IV 122) «тонкий», которое произошло из **subtexlis*⁴⁴³, **sub tela*⁴⁴⁴ или из **subteli-*⁴⁴⁵ и является производным от глагола *texo*. Прилагательное *subtilis*, как и слова *textilis*, *textus*, *textura*, засвидетельствованы⁴⁴⁶ только начиная с Лукреция, что делает поэму «О природе вещей» незаменимым источником по истории этого языкового материала, а также вместе с параллелью *textura* Лукреция – *περιπλοκή* Эпикура демонстрирует особую важность метафоры плетения для их атомистического учения.

Более того, метафора «материи-ткани» не ограничивается атомистикой, но охватывает весь текст поэмы, подтверждением чему служит метафора «поэзия-ткань», поскольку свои собственные римские *στοιχειώσεις* – «первоосновы» учения, изложенные в поэме, – Лукреций называет *coertum* и *inceptum* «начатое», которое он продолжает *pertexere*⁴⁴⁷ (*dictis*) «ткать», «сплести»⁴⁴⁸ (I 418; VI 42). Поэт тем самым поддерживает преемственность с греческими натурфилософами, которые благодаря своей наблюдательности черпали из сферы ремесленных занятий полезную аргументацию, образность, термины.

⁴⁴¹ О метафоре плетения см. также: Snyder J.M. The Web of Song: Weaving Imagery in Homer and the Lyric Poets // The Classical Journal. Vol. 76, № 3. 1981. Pp. 193-196.

⁴⁴² *Exordia rerum* (IV 114-15), *corpora* (III 195).

⁴⁴³ Pokorny J. 3.tek- // Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny. Bd. I. Bern: A. Francke AG Verlag. 1959. S. 1058.

⁴⁴⁴ Ernout A., Meillet A. *Subtilis, -e* // Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris, 1939. P. 995.

⁴⁴⁵ Vaan de M. *Texo* // Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008. P. 619.

⁴⁴⁶ *Ibid.* P. 619.

⁴⁴⁷ Ср. синонимичное выражение *pergam conectere rem* (II 478, 522).

⁴⁴⁸ Ф.А. Петровский удачно сохраняет эту метафору: «Но продолжаю я нить своего рассуждения снова». Лукреций. О природе вещей. Т. I / Ред. лат. текста и пер. Ф.А. Петровского. М.; Л.: АН СССР, 1946. С. 31.

Мир атомов у Лукреция описывается не как зловещая картина хаоса, наоборот, наблюдается попытка истолкования терминов *primordia* и *exordia* через ассоциации с однокоренной лексемой – *ordo* «порядок»⁴⁴⁹. Лукреций явно чувствовал внутреннюю форму слова *primordia*, поскольку этот термин часто фигурирует в контексте, где говорится про движение, расположение – *positura*⁴⁵⁰ (I 818, 908-09; II 1007-08) и порядок атомов – *ordo* (I 827-28, 1021-22; II 252-53, 883-85; V 418-20).

Возможно, осознанием связи лексем *primordia* и *ordo* также объясняются стилистически неудачные пассажи, как например, V 418-420, в котором термин *primordia rerum* соседствует с зачином «*ex ordine ponam*» и выражением «*ordine se locarunt*». То, что на современный вкус может показаться шероховатым и недоработанным стилем, по-видимому, представляло собой намеренную игру с разными значениями слова.

Учитывая всё выше сказанное об этимологии и семантике *primordia*, о метафорике плетения и следования порядком, не стоит упускать из виду близкую этимологию лексемы *στοιχεῖα*. Это важнейшее слово грамматического и философского лексикона произошло от глагола *στείχω* «входить, вступать, восходить»⁴⁵¹, который относился прежде всего к сфере

⁴⁴⁹ Об этимологической связи *primordia/exordia* и *ordo* см.: Pokorny J. (a)ri-, rēi- // *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* / J. Pokorny. Bd. I. Bern: A. Francke AG Verlag. 1959. Ss. 60-61; Vaan de M. *Ordior* // *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden; Boston, 2008. Pp. 433-434. Иную позицию высказывают А. Эрну и А. Мейе, что близость глагола *ordior* с существительным *ordo* маловероятна. При этом мысль Эрну, отвечавшего за латинские интерпретации словаря, о том, «что римляне не чувствовали близости *ordior* и *ordo*», успешно опровергается прочтением текста Лукреция. Подробнее см.: Ernout A., Meillet A. *Ordior* // *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. Paris, 1939. P. 711; Ernout A., Meillet A. *Ordo* // *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. Paris, 1939. Pp. 711-712.

⁴⁵⁰ Существительное *positura* передает лексему *θέσις* в уже указанном схолии к трактату *Στοιχειώσεις*.

⁴⁵¹ Frisk H. *στείχω* // *Griechisches etymologisches Wörterbuch* / H. Frisk Bd. II. Heidelberg, 1960. S. 783-785; Chantraine P. *στείχω* // *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Paris, 1968-1980. Pp. 1048-1049; Beekes R. *στείχω* // *Etymological Dictionary of Greek* / R. Beekes with the assistance of Beek L. van. 2 volumes. Leiden; Boston: Brill, 2010. Pp. 1395-1396.

военного дела. Он дал ряд отглагольных существительных: *στίχες αἱ* «ряд, строй»⁴⁵², *στίχος ὁ* «ряд; стихотворная строка», *στοῖχος ὁ* «ряд, линия, вереница» и, наконец, *στοιχεῖον* «буквы/фонемы в алфавитном порядке; начало; первоначало, элемент». Следовательно, философский концепт, скрывающийся за *στοιχεῖα*, берёт своё начало пусть не из сферы ткацкого дела, а из военно-грамматического метафорического кода, конечный денотат лексем *primordia* и *στοιχεῖα* оказывается близким по содержанию: «однородные элементы, упорядоченные в ряд-линию». Это обстоятельство служит дополнительным, филологическим доказательством, что существительное *primordia* передает именно термин *στοιχεῖα*.

Морфология слова *primordia* довольно прозрачна, или даже, можно сказать, упрощена. Лукреций, как и Цицерон, употребляет слово *primordium* в поэме только во множественном числе им. и вин. падежей. По частотности сильно превалирует именительный падеж (46 к 26). С. Бейли отметил, что Gen., Dat., Abl. pl. в гекзаметре возможны только от синонимичного с изучаемым *primordium* слова *principium*⁴⁵³. Метрика слова *primordia* способствует его адаптации к особенностям гекзаметра и достаточной вариативности позиций в пространстве стиха. Однако метрические потенции термина *primordia* (_ _ _ _) связаны с морфологией: метрическая структура указанных косвенных падежей (_ _ _ _) исключает их постановку в эпическом стихе. Помимо этого, термин *primordia* имеет две основные формы: *primordia* (37 раз) и *primordia rerum* (35 раз), а также одну единичную вариацию с тмесисом *ordia prima*.

Говоря о синтаксической стороне термина, стоит отметить, что он занимает разнообразные позиции: подлежащее, прямое доп., предикат, один раз даже образуя слияние с союзом – *primordisque*. Термин *primordia*

⁴⁵² Сравни выражение Пиндара ἐπέων στίχες «ряды слов», т. е. строки или стихи.

⁴⁵³ Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 606.

занимает позицию в начальном предложении рассуждения, находясь как бы в составе тезиса, после чего идут общие доказательства. Сочетаемость с глаголами движения достаточна, но менее ожидаемого уровня *moveri* (III 236, 569), *volitant*, *cursant* (III 262), *errant* (III 924), *ire* (IV 531), *coire* (V 190, 425), *penetrant* (IV 542), *ferri* (V 189, 424), *venere* (V 193), *redeunt* (VI 871), *cadunt* (VI 1007). Существенной особенностью оказывается присутствие третьего признака термина – применение Abl. qualitatis при *primordia* как, например: *sunt igitur solida primordia simplicitate* (I 548).

Продуктивность в сфере словообразования или наличия прилагательных и глаголов оказывается минимальной, то есть подобной термину *materia/-es*. Это вызвано метрической непригодностью некоторых лексем для гекзаметра, например, – *primordialis* «первоначальный»⁴⁵⁴.

Наконец, необходимо признать, что в рамках двух писем и одного схолия такая избыточная вариативность однокоренных образований, как *Στοιχειώσεις-στοιχειώσις* «первооснова», *στοιχειώματα* «принципы» *στοιχεῖα* «начала», *στοιχειωτικός* «первичный, элементарный», если она результат верной передачи языка Эпикура, не только добавляет трудностей переводчику, но и свидетельствует о том, что понятийный аппарат Эпикура не был последовательно строгим.

Ordia prima (τὰ στοιχεῖα)

В лучших традициях языкового экспериментаторства Энния и в согласии с эпической практикой Лукреций использует вариант⁴⁵⁵ лексемы *primordia* с тмесисом⁴⁵⁶ – *ordia prima* (IV 32), до Лукреция не

⁴⁵⁴ По-видимому, впервые прилагательное *primordialis* «первоначальный» появляется у Тертуллиана.

⁴⁵⁵ Рукописная традиция не дает разночтений в случае с термином *ordia prima*; комментаторы и издатели также не высказывали сомнений в его аутентичности.

⁴⁵⁶ О более распространенном явлении тмесиса в глаголах см.: Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / Под общей ред. Н.Н. Казанского. 2-е доп. изд. М.: Индрик, 2001. С. 376.

засвидетельствованный⁴⁵⁷. Эта форма единична, неслучайно встречается в начале второй половины поэмы: это проэзий, место особой концентрации усилий поэтов, и термин *primordia* к этому моменту уже знаком и привычен для читателя. Эта инновация создается не ради забавы и не на пустом месте: она напрашивается по аналогии и мотивирована наличием подобной структуры у других терминов атомистики (*corpora prima*, *exordia prima*, *prima elementa* и просто *prima*) и органично встраивается в общий ассоциативный ряд.

Причудливая трансформация термина оправдана тем, что она подходит для поэзии, поскольку выступает по отношению к исходному *primordia* как метрический вариант с отличающейся, но удобной для гекзаметрической клаузулы морной структурой (дактиль-хорей).

Во-вторых, вариант *ordia prima*, несмотря на свою окказиональность, очень подходит для объяснения эпикурейской физики. Подобная модификация термина позволяет наглядно проиллюстрировать достоверность атомистики и на примере способностей языка подтвердить постулаты учения Эпикура. Она отлично вписывается доказательством в знаменитые сравнения роли букв в словах и атомов в предметах (I 196-98, 823-29; II 688-98). Эта находка римского поэта призвана убедить: даже слова после перемещения атомов-букв создают подобное себе, но в другом порядке. Таким образом, термин *ordia prima* позволяет оценить, насколько языковой аспект важен для философских построений эпикурейцев. Получившаяся модификация *ordia prima* представляет пример уникального лингвистико-философского эксперимента, который не был мотивирован ни языковыми установками Эпикура, ни научной необходимостью.

⁴⁵⁷ Walde A. *Ordior* // Lateinisches etymologisches Wörterbuch, dritte neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. B. II. Heidelberg, 1954. S. 221; Walde A. *Ordo* // Lateinisches etymologisches Wörterbuch, dritte neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. B. II. Heidelberg, 1954. S. 222.

Exordia prima / exordia rerum (τὰ στοιχεῖα)

Слово *exordium*⁴⁵⁸, отмечаемое в латинском языке со времени Энния, произошло от глагола *exordior* «закладывать основу ткани», «начинать»⁴⁵⁹. В поэме существительное *exordia* в 5 из 11 контекстов⁴⁶⁰ (II 333; III 31, 380; IV 45, 114) выступает как термин семантического поля «первоначала». Будучи однокоренным, оно служит вспомогательным синонимом к слову *primordia* и подчиняется общим признакам атомистических терминов: сочетаемость⁴⁶¹ с определениями *rerum* и *prima*.

С. Бейли называет словосочетание *exordia rerum* «метрическим вариантом» термина *primordia* и не признает его «техническим термином»⁴⁶². Однако схожая картина не строго терминологического употребления наблюдается, за исключением *primordia* и *clinamen*, достаточно широко – *corpora, principia, semina, elementa, material-es*.

Термин встречается в двух формах: *exordia prima* и *exordia rerum*. В случае последнего Бейли замечает⁴⁶³, что вся комбинация *cunctarum exordia rerum* эквивалентна термину *primordia*, но, как кажется, он не совсем прав, ведь определение *cunctarum* совершенно ничего не вносит в термин и не имеет общего с *primordia*. Форму *exordia prima* Бейли справедливо сопоставляет⁴⁶⁴ на основании наглядности с термином *ordia prima*. Однако его мысль требует уточнения: эти два термина объединяет не только один

⁴⁵⁸ Существительное *exordia* впервые появляется в тексте поэмы в клишированном выражении *exordia sumere* (I 149). Схожие функции оно получает в синонимической конструкции *exordia capere* (V 331). Данные обороты не имеют отношения к философской терминологии, но скорее контрастируют с ней как устойчивые словосочетания.

⁴⁵⁹ Vaan de M. *Ordior* // *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden; Boston, 2008. Pp. 433-434.

⁴⁶⁰ Неясными случаями следует признать II 1062, V 430, V 471, так как в пользу специальности их значения необходимо привести весомые аргументы.

⁴⁶¹ Ему также присуща сочетаемость с прилагательным *subtilis* (IV 115), как и термину *primordia*.

⁴⁶² Бейли руководствуется параллельным употреблением слова *exordium* в общем значении «начала». *Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 859.*

⁴⁶³ *Ibid.* P. 996.

⁴⁶⁴ *Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 1058.*

корень и общая грамматическая форма, но и употребление, поскольку оба обнаруживаются в рассуждениях об атомарной природе души. Словосочетание *exordia prima (animai* III 380) как и *ordia prima* (IV 28) является метрически удобным дополнением к *primordia* и *exordia*, ведь благодаря уникальному метрическому рисунку способно занимать 3, 4 и 5 стопы.

Лексема *exordia* всегда у Лукреция выступает как существительное в Nom. pl. Терминологическое употребление лексемы *exordia* легко определить по уточняющему её генитиву, как, например, *exordia prima animai* и *cunctarum exordia rerum*. Метрически термин *exordia* применяется как тождественный вариант к *primordia* (_ _ _ _), обычно образуя устойчивую формулу *cunctarum exordia rerum*.

Резюмируя сделанные наблюдения, следует признать оба варианта *exordia prima* и *exordia rerum* пусть нерегулярными, но вполне удовлетворяющими критериям термина синонимами к опорной лексеме *primordia*, гиперониму поля «первоначало».

Principia / principia rerum (ἀρχή/αί).

Существительное *principium* встречается в латинском языке, вероятно, не ранее времени Энния⁴⁶⁵ (Enn. tragoed. 341: flagiti principium est nudare inter civis corora). Этимологически структура слова представляется довольно прозрачной *pr̄nc̄eps* <**pr̄mo-kar*⁴⁶⁶. Затруднения, касающиеся определения роли лексемы *principium*, связаны с ее общеупотребительностью, проявляющейся в устойчивых синтагмах как, например: *dat principium* (II 262) и *faciunt principium motus* (II 253-254), и, сверх того, в вводно-наречном *principio* (I 503 и т.д.). Также весьма осложняет трактовку лексемы *principia*

⁴⁶⁵ Walde A. Primus // Lateinisches etymologisches Wörterbuch, dritte neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. В. II. Heidelberg, 1954. S. 362-363. Де Фаан неверно датирует появление слова временем Плавта: Vaan de M. Prior// Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008. Pp. 488-489.

⁴⁶⁶ Vaan de M. Prior// Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008. Pp. 488-489.

(ср. р. мн. ч.) как термина то обстоятельство, что она не заявлена в ключевой экспозиции системы (I 54-61) как один из многих синонимов, передающих понятие «атом», «первоначало». Одна из приоритетных задач при обращении со словом *principium* должна состоять в поиске критериев, по которым можно было бы отграничить философский узус от обыденного словоупотребления.

Представляется вполне оправданным, что первым критерием в пользу причисления *principia* к терминам атомистики следует считать его применение в ключевых дефинициях атомистики⁴⁶⁷. Одна из важных дефиниций начала I песни содержит бесспорное доказательство, что *principia* выступает как синоним к *primordia*:

Corpora sunt porro partim primordia rerum,
partim concilio quae constant principiorum. (I 483-484)

Дальше, тела иль вещей представляют собою начала,
Или они состоят из стеченья частиц изначальных.

В таких дефинициях поэт объясняет свой узус, терминологический аппарат. Аспекты семантики многозначного слова *corpora* конкретизируются посредством противопоставления *primordia rerum* «первоначала вещей» и *concilio principiorum* «из соединения первоначал» (перевод мой – И.Т.). Эта дефиниция – точное переложение греческого оригинала Эпикура (DL. X 40). Очевидно, что *primordia rerum* и *principiorum* выступают как синонимы, а все контексты подобного типа, допускающие замену на *primordia*, можно признать примерами философского словоупотребления.

По мнению Бейли, термин *principia* соответствует греческому ἀρχαί «начала»⁴⁶⁸. Термин *principia* по частотности (41 раз) уступает *primordia*, но опережает *exordia* и *prima*. Важнейшая черта морфологии термина *principia* –

⁴⁶⁷ У Цицерона слово *principia* в качестве философского термина встречается лишь один раз, но зато в явно научно-специальном и значимом контексте – применительно к 4 элементам: Aristoteles... cum quattuor nota illa genera principiorum esset complexus, e quibus omnia orerentur, quintam quandam naturam censet esse, e qua sit mens... (Cic. Tusc. disp. I 22).

⁴⁶⁸ Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 607.

недостаточность склонения⁴⁶⁹ в поэтическом словаре Лукреция, обусловленная метрической структурой. Лексема представлена только в Gen. (19 раз), Dat. (9 раз), Abl. (13 раз) pl. и восполняет невозможность употребления в указанных падежах терминов *primordia* и *exordia*. За счет разницы морфологического облика *principia* и этих двух слов с ними возникает метрическая пара. Благодаря своеобразной взаимодополняемости эти термины образуют единую систему. Этот параметр – второй несомненный критерий в пользу терминологичности *principia*.

Третьим критерием необходимо признать сочетаемость с традиционным определением *rerum*, присущую и другим уже упомянутым лексическим единицам поля «атом, тело, первоначало»: *primordia*, *exordia*, *materia/-es* (далее также *corpora*, *semina*). Вполне гармонируя с их поведением, рассматриваемый термин допускает вариант *principia rerum* (I 740, 1047; II 789).

Четвёртый критерий – функционирование лексемы *principia* в качестве несогласованного определения при термине: *clinamen principiorum* (II 292), *figura* (II 671, 722; III 317-18), *ordo* (II 769-70), *positurae* (II 947; IV 667, 943). Не следует упустить из внимания весьма специфичную модификацию с рассматриваемым термином: *principiorum formamenta* (II 818-819).

Отличительной особенностью лексемы является то обстоятельство, что *principia* сочетается с прилагательными в сравнительной степени, имеющими отношение к размеру предмета: *multoque minoribus esse principiiis factam* (*animus/anima* III 426-427) и *maioribus principiiis* (IV 698-699), с композитными прилагательными – *omnigenis e principiiis* (V 440), а также с прилагательными, описывающими чувственные восприятия – *insensilibus principiiis* (II 866-867, ср. *principiiis sensus tribuendus* II 974).

⁴⁶⁹ Им. и вин. падежи мн. ч. от *principia* не используются даже с элизией конечного гласного. Кроме того, это слово не употребляется в единственном числе в качестве термина, вероятно, чтобы не путать с наречным *principio*.

Образование и применение однокоренных прилагательных оказывается снова непродуктивным по разным причинам. Несмотря на то, что прилагательное *principalis* бытует в языке эпохи, оно метрически непригодно для эпоса. Применяемое, дважды в поэме, прилагательное *principialis*⁴⁷⁰ используется, по-видимому, в околотерминологическом качестве лишь однократно - *principiali levore* «изначальную гладкость» (II 423), что выглядит необъяснимо. Доказательством в пользу признания выступает антонимичное выражение *non sine materiae squalore* (II 425). Принимая во внимание количество контекстов с атомистической терминологией, существование *principialis* можно не замечать.

Обращаясь к синтаксической стороне бытования термина *principia*, стоит указать на ряд спорных решений Лукреция. Близкое соседство *primordia* рядом с *principiorum* (III 262) похоже на плеоназм, хотя в действительности термин *principiorum* связан в функции определения со словом *motibus*, давая смысл «движениями первоначал»⁴⁷¹. Еще один заслуживающий упоминания пассаж содержит синтагму *corpora principiorum* «тела начал»⁴⁷² (I 992-93), в которой *corpora*, по-видимому, не является термином «первоначало» и означает нечто вроде *concilium* «соединение, сочетание» (I 484). Таким образом, данные примеры в некоторой степени вносят сумбур в ясность синонимических связей между терминами и вредят строгости системы словаря в целом.

Для философского словаря Лукреция термин *principia* очень важен⁴⁷³ как вариант, обладающий богатыми метрическими возможностями: он

⁴⁷⁰ Прилагательное *principalis* засвидетельствовано у Цицерона. Вальде и Хофман ошибаются, относя появление прилагательного *principialis* со времени Лактанция: Walde A. Primus // Lateinisches etymologisches Wörterbuch, dritte neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. В. II. Heidelberg, 1954. S. 362-363.

⁴⁷¹ Этого же понимания синтаксического порядка придерживается Бейли: Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 1037.

⁴⁷² Лукреций. О природе вещей. Т. I / Ред. лат. текста и пер. Ф.А. Петровского. М.; Л.: АН СССР, 1946. С. 63.

⁴⁷³ Продуктивность термина подтверждается количеством употреблений и широким спектром тем, входящих в учение об атомах.

хорошо вписывается в гекзаметрический размер (в косвенных падежах) и занимает любые позиции в стихе.

Prima (ἀρχή/αί).

Уникальный пример термина в философском словаре Лукреция дает субстантивированное числительное *prima* (I 61; II 313; III 372⁴⁷⁴; IV 186⁴⁷⁵). Числительное *prima* фиксируется в латинском языке со времён Невия, а этимологическая структура слова в научной литературе выглядит понятной и непротиворечивой: *prīmus* < PIt.(superlativus) *pri-isamo- «первый», < PIE *pr(e)i «прежде» (ср. греч. πρίν «прежде»)⁴⁷⁶. Субстантивация для римского поэта является одним из продуктивных способов образования терминологии. Однако не стоит также полностью исключать возможность, что этот термин мог быть образован путем эллипса определяемого слова в выражениях *corpora prima* и *ordia/exordia prima*. В качестве доказательств в пользу первой версии необходимо иметь в виду употребление Цицерона⁴⁷⁷ и

⁴⁷⁴ Несмотря на то, что С. Бейли следует за корректурой Бентлея *privis* вместо *primis*, стоит вслед за Йозефом Мартином сохранить чтение авторитетных рукописей и признать в этом стихе ещё один случай термина *primis* (J. Martin – *primis O, Q, V*). См.: Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 1057. Против конъектуры также работает факт, что редкое в поэме прилагательное *privus*, как правило, не фигурирует в контекстах атомистики, а два окологизических пассажа связаны с объяснением воздействия ветра IV 261-260 (sic!), разделением голоса по потокам ветра IV 566.

⁴⁷⁵ В данном стихе С. Бейли без объяснений предлагает видеть не термин «атом», а нечто вроде сгустков частиц (Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 140, 1204). Этому взгляду противоречит эпитет *minuta* при слове *prima*, синонимы *minuta corpora* IV 183-84 и *corpuscula rerum* IV 199, окаймляющие рассматриваемый термин.

⁴⁷⁶ Vaan de M. Prior// Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008. Pp. 488-489. О происхождении формы слова см. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общеευропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / Под общей ред. Н.Н. Казанского. 2-е доп. изд. М.: Индрик, 2001. С. 400, 404.

⁴⁷⁷ Cic. Acad. I 26: «Itaque aer (hoc quoque utimur enim pro Latino) et ignis et aqua et terra prima sunt; ex his autem ortae animantium formae earumque rerum quae gignuntur e terra. Ergo illa initia et ut e Graeco vertam elementa dicuntur...».

самодостаточность в образовании истинно эпикурейских композитов – *primorum natura* (II 313)⁴⁷⁸.

Термин *prima* воспроизводит греческий прототип ἀρχή/αί. Интересная параллель есть в этической концепции греческого философа: в «Письме к Менекею» (DL X 128–129) Эпикур пишет: «Поэтому-то мы и называем удовольствие началом и концом (ἀρχήν καὶ τέλος)» (т.е. своего рода «альфой» и «омегой» своего учения).

Термин *prima* семантически примыкает к группе *primordia-exordia-principia*. В ключевой дефиниции атомистики (I 54-61) *prima* замыкает цепочку синонимов, начатую *primordia*. Благодаря сходству денотатов он должен при чтении отсылать ко всей совокупности лексем указанной группы, а также к выражениям *corpora prima* и *ordia/exordia prima*. В морфологическом плане термин всегда употребляется во мн. ч. и только в косвенных падежах. На основании сказанного получает подтверждение мнение Бейли, что термин *prima* равнозначен *principia*⁴⁷⁹.

По вполне понятным причинам применение однокоренных существительных (кроме *primordia* и *principia*) и прилагательных невозможно ввиду базового характера слова *primus* и соответствующего широкого разброса значений у производной лексики.

Elementa (prima/ primoria) (τὰ στοιχεῖα)

Слово *elementa* фигурирует в поэме в двух основных значениях: как буквы/фонемы алфавита⁴⁸⁰ 7 раз, как термин атомистики – 15 раз. Греческий прототип этого термина грамматики и философии – στοιχεῖον – уже был

⁴⁷⁸ Данный пассаж по содержанию и лексике очень близок к (IV 111-15), а словосочетание *primorum natura* предвосхищает термин *primordia*.

⁴⁷⁹ Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 608.

⁴⁸⁰ Как сообщает Суда, Кадм, сын Пандиона, первым привез в Грецию финикийский алфавит Κάδμος // Suidae Lexicon, Graece et Latine. Vol. II / Ed. Ludolphus Kusterus, versio Latina Aemilii Porti. Cantabrigiae, 1705. P. 217.

подвергнут этимологическому сравнению в рамках параграфа о термине *primordia*. Важной отправной точкой при исследовании поведения этого слова в поэме «О природе вещей» будет то уже давно известное обстоятельство, что *elementa*⁴⁸¹ – семантическая калька с *στοιχεῖον*. Остаётся только добавить, что слово *στοιχεῖον*, вероятно, ввёл в язык философ Платон, у которого оно впервые засвидетельствовано. Для Платона, однако, «элементы» не четыре «корня» Эмпедокла (земля, вода, воздух, огонь), а составляющие их правильные многогранники (*Tim.* 46b, 56b)⁴⁸². Сама идея, как сообщает С. Бейли со ссылкой на Дж. Бернета⁴⁸³, может исходить от пифагорейцев и явно прослеживается у Эмпедокла.

С. Бейли признает *prima elementa* термином⁴⁸⁴, наряду с *primoria elementa*⁴⁸⁵. В пользу необходимости выделить *elementa* как термин говорит довольно ранняя (в начале I песни) и предварительная попытка ввода этого слова в атомистический дискурс в значении «буквы/фонемы». Дополняет эту аргументацию на редкость мягкое и постепенное внедрение слова в терминологический аппарат, что эксплицитно маркировано Лукрецием через параллельное окружение этой лексемы стихами, содержащими бесспорную атомистическую терминологию (*communia corpora rebus* и *sine principiis*):

⁴⁸¹ По проблеме *elementum* см. следующую литературу: Diels H. *Elementum*. Berlin, 1899; Greenough J.V. *Elementum* // *Harvard Studies*. Vol. I, 1890; Штерн А.И. *Stoicheia* и платоновы многогранники // *Античная культура и современная наука*. М.: Наука, 1985. С. 36-42. Также серию статей А.Ф. Лосева: Лосев А.Ф. Лексика древнегреческого учения об элементах // *Вопросы филологии, к семидесятилетию со дня рождения проф. И.А. Василенко*. М., 1969. С. 538-554; Лосев А.Ф. Стойхейон: Древнейшая история термина // *Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина*, Т. 450, 1971. С. 18-26; Лосев А.Ф. Платоново-аристотелевский стойхейон // *Іноземна філологія*. Вып. 32. Львів, 1973. С. 83-87; Лосев А.Ф. Античный эфир в связи с основным античным модельно-порождающим принципом мысли // *Проблемы античной культуры*. Тбилиси, 1975. С. 435-446.

⁴⁸² Лебедев А.В. Элементы // *Античная философия. Энциклопедический словарь*. М., Прогресс-Традиция, 2008. С. 799-800. См. также: *Elements* // *The Oxford classical dictionary* / Edd. S. Hornblower, A. Spawforth, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 1999. P. 519.

⁴⁸³ *Early Greek Philosophy* / by J. Burnet, 3rd edition. 1920, P. 228.

⁴⁸⁴ *Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III* / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 1294.

⁴⁸⁵ *Ibid.* P. 1707.

Ut potius multis communia corpora rebus
multa putes esse, ut verbis elementa videmus,
quam sine principiis ullam rem existere posse... (I 196-198).

Можно скорее признать, что имеется множество общих
Тел у различных вещей, – как в словах одинаковых знаков, –
Чем, что возможно вещам без первичных начал зародиться

Эта линия устойчивого, почти формульного сравнения, и мягкого навязывания неизбежности перехода термина из сферы грамматики в сферу философии и атомистики продолжается на протяжении всей I песни (I 824, 827, 913).

Такое же двойное окружение атомистическими терминами произойдёт ещё раз, когда Лукреций ещё более подробно, уже применительно к своему творчеству, будет проводить сравнение «букв-атомов», собирающихся в разные слова в его стихах (I 823-829, с некоторыми изменениями – II 688-694).

Quin etiam passim nostris in versibus ipsis
multa elementa vides multis communia verbis,
cum tamen inter se versus ac verba necesse est
confiteare alia ex aliis constare elementis... (II 688-91)

Даже и в наших стихах постоянно, как можешь заметить,
Множество слов состоит из множества букв однородных;
Но и стихи, и слова, как ты непременно признаешь,
Разнятся между собой по своим составным элементам:

Примечательно, что для такого завуалированного извинения нет явной необходимости, поскольку оно появляется уже после использования *elementa* как термина атомистики в первой половине II песни. Лукреций проводит параллель между алфавитом как замкнутой системой знаков и атомами как строительными кирпичиками вещей. Подобное сопоставление (буквы-атомы и слова-вещи) не случайно: в обоих случаях поэт приводит пример из сферы,

понятной каждому обывателю, а через посредство ограниченного (алфавит) дается объяснение бесконечного (стихи, атомы) и скрытого.

Буквы и первоначала сопоставляются, но путаница невозможна, так как термины толкуются и распознаются через их окружение, а схожая двуплановая картина греческой лексемы στοιχεῖον знакома любому минимально образованному римлянину, знакомому с литературой и драмой.

Лексема *elementa* как термин атомистики фигурирует на протяжении всей поэмы, кроме первой песни (II 393, 411, 463, 981; III 244, 374; V 456, 599; VI 312, 330, 354, 494, 534). Как и другие термины из семантического поля «первоначала» она также обладает набором контекстуальных вариантов, гармонично вписывающихся в общую тенденцию обнаруживая единую методику римского поэта: *elementa prima* (IV 941) и *elementa primoria* (VI 1009).

Стандартная функция термина *elementa* – указывать на атомы с точки зрения их размера и формы, поэтому термин встречается в контекстах объяснения различных качеств веществ (мёд, пар – vapor), наименования атомов, образующих части души. Термин *elementa* подчиняется общей модели поведения терминов общего семантического поля «атомы» – фигурирует в одном контексте с другими терминами системы, сочетается с определениями, применяется в поэме наряду с формами в бытовом общепринятом значении.

В чём-то неожиданным может показаться тот факт, что термин *elementa* не является в мастерской Лукреция основным и даже необходимым звеном системы. Лексема идеально соответствует признаку благозвучности и принципу «наглядно-акустически доказуемый атомизм». Он, бесспорно, добавляет колорита и метафоричности в поэму, но, можно с уверенностью утверждать, что семантическое поле «первоначала» без него было бы вполне самодостаточным и гармоничным.

2.2.2. Лексика с семантическим компонентом «цельное (неделимое) тело»: *corpora (prima/genitalia), corpuscula, semina (rerum)*.

(ἄτομος/οι/α, σῶμα/τα, σπέρμα/τα)

Уже в начале поэмы Лукреций дает своеобразный ключ к пониманию своей терминологии и разъясняет схему своего лексического узуса. В восьми стихах (Lucr. I 54-61), которые З.А. Покровская назвала «атомный проэмий», содержатся наиболее частотные лексемы атомистической терминологии, даются определения того, что такое материя и атомы в природе:

Nam tibi de summa caeli ratione deumque
disserere incipiam et rerum primordia pandam,
unde omnis natura creet res, auctet alatque,
quoue eadem rursus natura perempta resoluat,
quae nos materiem et genitalia corpora rebus
reddunda in ratione uocare et semina rerum
appellare suemus et haec eadem usurpare
corpora prima, quod ex illis sunt omnia primis (I 54-61).

Ибо о сущности высшей небес и богов собираюсь
Я рассуждать для тебя и вещей объясняю начала,
Всё из которых творит, умножает, питает природа
И на которые всё после гибели вновь разлагает.
Их, объясняя их суть, материей мы называем
И для вещей родовыми телами обычно, а также
Их семенами вещей мы зовем и считаем телами
Мы изначальными, ибо началом всего они служат.

В этом кратком перечне поэтом вводятся 5 базовых терминов для обозначения «атома» и один для передачи понятия «материя/вещество». Все остальные термины, имеющие значение «атом» в тексте поэмы, являются либо производными от базовых, либо их контекстуальными вариациями-синонимами (*exordia* и *principia* вместо *primordia*, *corpora*, *elementa*). При этом, однако, в этой распространенной дефиниции, учитывающей целую группу синонимов лексико-семантического поля «атом», Лукреций не

говорит о том, что в его восприятии предстает как противоположность материи – о пустоте.

В этом определении встречаются два широко употребляющихся в обыденной речи слова – *semen* и *corpus*, но ставших в философском словаре Лукреция яркими примерами удачного перевода иностранной терминологии. Они, соответственно, являются аналогами греческих прототипов – гиперонима ἄτομος/οι/α и обычных терминов σῶμα/τα (*corpus*), σπέρμα/τα (*semen*).

В лексемах *corpora (prima/genitalia)*, *corpuscula*, *semina (rerum)* есть нечто общее, позволяющее их объединить: они входят в компактное гипонимическое семантическое поле «цельное (неделимое) тело», где существенным оказывается семантический признак «неделимость, первоначальная целостность» обозначаемого предмета. Это семантическое поле «цельное (неделимое) тело» будет составной частью большего поля, которое естественным образом группируется вокруг термина «атом» (с доминантой этого поля в греческом языке ἄτομος, в латинском – *corpora*)

Центром этой группы «цельное (неделимое) тело» с семантическим признаком «неделимость, первоначальная целостность» оказывается лексема *corpora* с её различными вариантами *corpora materiai*, *corpora prima*, *corpora genitalia*. Это положение термин *corpora* занимает благодаря высокой частотности (более 500 употреблений в поэме), прозрачности семантики, высокой пригодности к метрическим перемещениям в пределах стиха, а также способностям к синтаксическому варьированию и сочетанию с определениями: *corpora materiai*, *corpora prima*, *corpora genitalia*. Отдельно стоит упомянуть возможность включения лексемы в исконно эпикурейскую модель композитного термина – *natura corporis* «сущность тела» (= «тело»)

Учитывая, что ядро этого поля с точки зрения частотности и равномерности узуса образует лексема *corpus/corpora*, можно уверенно утверждать, что следующим идёт термин *semina (rerum)* с различными

вариантами, в то время как на периферии оказывается более редкий и факультативный деминутив *corpuscula*.

В использовании терминов *corpora (prima/genitalia)*, *corpuscula*, *semina (rerum)*, которые образованы с помощью метафоры, прослеживается полное согласие с методами эпикурейской каноники – дать понимание о скрытом, невидимом глазу микромире первоначал через знакомые образы физического мира, об умопостигаемом посредством чувственного восприятия и доступного обывателю предмету с ясным зрительным образом (тело как у человека, семечко как то, что может порождать новые вещи).

Термин *corpora* является важным и частотным в узусе Лукреция, поскольку именно он, а не *materia/-es*, в основном включается в оппозицию «материя» - «пустота»:

Omnis ut est igitur per se natura duabus
constitit in rebus; nam corpora sunt et inane,
haec *in quo* sita sunt et *qua* diversa moventur. (I 419-421)

Всю, самоё по себе, составляют природу две вещи:
Это, во-первых, тела, во-вторых же, пустое пространство,
Где пребывают они и где двигаться могут различно.

Одним из первых соответствие латинского *corpora prima* греческому эпикурейскому выражению *πρῶτα σώματα* указал Т. Бинсейл⁴⁸⁶.

Морфология

Кроме указанной способности сочетаться с определениями *prima/genitalia* имеется важная особенность, имеющая глубокие корни в учении Эпикура, сочетаемость с прилагательным *solidus* в разных синтаксических вариациях. Атомы, с точки зрения Эпикура, являются плотными, то есть они не могут быть разделены, не могут что-либо принять в себя или через себя пропустить. Поэтому для такой функции Лукрецию как

⁴⁸⁶ Bindseil T. Nonnulla ad Lucretii de rerum natura Carminis librum primum et secundum qui sunt de atomis. Diss. Halae: formis Ploetzianis, 1865. P. 12.

нельзя лучше подошла семантика и метрический рисунок прилагательного *solidus*⁴⁸⁷.

Так, например, Лукреций указывает: *sunt igitur solida ac sine inani corpora prima* (I 510). Эта существенная характеристика первоначал, правда, в виде существительного, находит важную параллель у Цицерона в уже цитированной фразе-дефиниции атома: «*atomos...id est corpora individua propter soliditatem*» (Cic. Fin. I 17). Эта же характеристика в различных вариациях применяется и к доминанте другого поля – термину *primordia*: *sunt igitur solida primordia simplicitate* (I 609), *solido corpore* (Lucr. I 486, 500) и *solida simplicitate* (I 548, 574, 609; II 157).

Единственный надёжный пример термина, имеющего к моменту создания поэмы Лукреция традицию на латинском языке, это деминутив от термина *corpora*, введённый Г. Амафинием, – *corpuscula (corpuscula materiai* II 529). Об этом сообщает Цицерон: «*Quid est enim magnum, cum causas rerum efficientium sustuleris, de corpusculorum «ita enim appellat atomos» concursione fortuita loqui?»*» (Cic. Acad. Post. I 2, 6).

Без сомнения, группа слов с семантическим компонентом «цельное (неделимое) тело» – *corpora (prima/genitalia), corpuscula, semina (rerum)* представляет существенный потенциал и удобный арсенал для большей вариации терминологии в рамках гекзаметрического стиха.

2.3. Понятие «пустота»: *inane, vacuum, spatium, locus*

(τὸ κενόν, ἢ τοῦ κενοῦ φύσις, ἢ ἀναφῆς φύσις, ἢ χώρα, ὁ τόπος)

Поэма Лукреция «О природе вещей» представляет собой богатый материал, иллюстрирующий становление философской терминологии на римской почве. Констатируя существование материи, Лукреций, вслед за Эпикуром, говорит о наличии в природе пустого пространства. После

⁴⁸⁷ О прилагательном *solidus* см. также: Леушина Л. Т. Некоторые вопросы латинского словообразования (лат. *salvus, sol(i)dus, sollus*) // *Philologia classica*. № 1. Л., 1977. С. 103-109.

доказательства бытия атомов и рассмотрения сущности материи поэту неизбежно приходится уделить особое внимание ее противоположности – пустоте, так как, согласно эпикурейским представлениям, только допуская ее существование, можно говорить о движении. Поэтому доступно объяснить понятие пустоты-вакуума для Лукреция было тем важнее, что признание бытия пустоты в мироздании являлось одним из самых спорных аспектов эпикурейской физической концепции, вызывавших критику со стороны ее оппонентов.

По-видимому, первая попытка исследования концепта пустоты в поэме Лукреция с перечислением её характеристик принадлежит И.В. Брауну: «*De huius autem inanis natura a Lucretio afferuntur haec: esse illud principium cedendi 339; nec tangere nec tangi posse 304, 437; neque officere neque obstare 337; atomos in eo sitas esse et moveri 421, 444; atomorum naturae maxime contrarium 503 seqq. Quae proprietates licet omnes fere sint ut ita dicam negativae, tamen inane ipsum positivum aliquid est, cui re vera aequae ac atomis, „esse per se“ convenit*»⁴⁸⁸. Исследователь выявляет список принятых греческих эпикурейских терминов, приводит важные цитаты из Эпикура (DL X 40, 67) и Секста Эмпирика (Sext. Emp. adv. math. fol. 633), объясняющие терминологическую разницу между лексемами, служащими для обозначения понятия «пустота».

Следующим учёным, занимавшимся атомистическим учением в изложении Лукреция и сравнивавшим терминологические системы, был Т. Биндсейл. Проведя более подробный разбор учения о пустоте и предложив учитывать ценный фрагмент из доксографии (Plut. de plac. phil. I 19, cf. Sext. Emp. adv. math. p. 380) к пониманию мотивации понятийного аппарата на латинском языке, Т. Биндсейл признаёт близкое соответствие терминологии Лукреция своему первоисточнику⁴⁸⁹.

⁴⁸⁸ P. 19. Также параграф о пустоте см.: Braun J.W. Lucretii de atomis doctrina. Diss. Monasterii: ex typographia E.C. Brunn, 1857. P. 19-22.

⁴⁸⁹ Bindseil T. Nonnulla ad Lucretii de rerum natura carminis librum primum et secundum qui sunt de atomis. Diss. Halae: formis Ploetzianis, 1865. P. 16-17.

В дальнейшем новой вехой в данной проблематике⁴⁹⁰ можно считать работу Б. Инвуда⁴⁹¹, занимавшегося происхождением эпикурейской концепции пустоты и влиянием критики Аристотеля на ее усовершенствование.

После знаменитого проэмия, посвящённого богине Венере, Лукреций помещает примерный план поэмы, который обещает изложение атомистической доктрины, однако по форме скорее имеет вид распространенной дефиниции, учитывающей целую группу синонимов лексико-семантического поля «атом». Примечательно, что в ней поэт совершенно не говорит о том, что в его восприятии предстает как противоположность материи: о пустоте⁴⁹².

Лукреций по-своему последовательно излагает положения учения: первое упоминание термина «пустота» в тексте поэмы появляется только после тезиса о сохранении материи (I 265-266) и доказательства существования атомов:

*Nec tamen undique corporea stipata tenentur
omnia natura; namque est in rebus inane.* (I 330-331)

Но не заполнено всё веществом и не держится тесно
Сплоченным с разных сторон: в вещах пустота существует.

⁴⁹⁰ Приведем некоторые другие работы, посвящённые изучению пустоты: Brieger A. *Epicurus Lehre vom Raum, vom Leeren und vom All und die Lucrezischen Beweise für die Unendlichkeit des Alls, des Raumes und des Stoffes* // *Philologus*, Bd. 60, Neue Folge 14, 1901; Ахундов М. Д. Проблема прерывности и непрерывности пространства и времени. М: Наука, 1974.

⁴⁹¹ Inwood B. *The Origin of Epicurus' Concept of Void* // *Classical philology*. Vol.76. №4. Pp. 273-285.

⁴⁹² Трудно сказать, почему поэт не упоминает в кратком изложении содержания поэмы (I 54-61) ожидаемый рассказ о пустоте как отдельную главу в повествовании. Причины этого могут быть следующие: во-первых, введение понятия пустоты требует уже на этом этапе (начало поэмы) констатации данного явления, его объяснения и доказательства, для чего необходим довольно внушительный объем стихов. Во-вторых, если уже само понятие атома и бытие материи требуют подробной аргументации, то такая философская категория как пустота-вакуум, видимо, казалась Лукрецию далеко не простым феноменом, а его иррациональность – чуждой римскому мировосприятию. Поэтому сказать кратко в проэмии поэмы о такой трудной проблеме не получилось бы. Конечно, крайне маловероятно, что поэт вообще не планировал говорить подробно о пустоте, в то время как этот аспект, по мнению Лукреция, важнейшая часть эпикурейской философии и объект критики оппонентов.

Несколько стихов спустя, после констатации наличия пустоты в природе, следует ключевая дефиниция: *qua propter locus est intactus inane iacansque* (I 334). В ней Лукреций объясняет свое словоупотребление: пустота есть место или область, недоступная осязанию и незанятая материальным телом⁴⁹³:

Qua propter locus est intactus inane vacansque.

quod si non esset, nulla ratione moveri

res possent... (I 334-336)

Вот почему несомненна наличность пустого пространства:
Без пустоты никуда вещам невозможно бы вовсе
Двигаться было...

В этой достаточно ёмкой дефиниции поэт довольно близко, с точки зрения структурных элементов, следует сути сентенции Эпикура, но латинская версия не является дословной цитатой: εἰ <δὲ> μὴ ἦν ὁ κενὸν καὶ χώραν καὶ ἀναφῆ φύσιν ὀνομάζομεν, οὐκ ἂν εἶχε τὰ σώματα ὅπου ἦν οὐδὲ δι' οὗ ἐκινεῖτο, καθάπερ φαίνεται κινούμενα (Epic. Ep. ad Herod. 40)⁴⁹⁴.

«А если бы не было того, что мы называем пустотой, местом, недоступной прикосновению природой, то тела не имели бы, где им быть и через что двигаться, как они, очевидно, двигаются»⁴⁹⁵.

В формулировке этого первого определения у Эпикура встречаются три кажущиеся равноценными, если читать его только грамматически, синонима для передачи понятия «пустота». Анализ наследия греческого

⁴⁹³ Сравни образец немного обскурантистского определения: «Пустота – не дополнительное начало, но условие межатомных операциональных связей, воспроизводящих континуальность чувственно-вещественного мира». См. в: Сильвестров В.В. Понятийная основа соотношения «логоса» и «эйдоса» в европейской философской традиции // *Mathesis*. Из истории античной науки и философии. М.: Наука, 1991. С. 229.

⁴⁹⁴ Греческий текст цитируется по: Epicurus. *The Extant Remains with short critical Apparatus* / Trans., ed. and noted by C. Bailey. Oxford: At the Clarendon Press, 1926.

⁴⁹⁵ Перевод С.И. Соболевского в: Лукреций. О природе вещей / Сост. Ф.А. Петровский. Т. II. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 531.

философа показывает, что общая картина согласуется с этим программным тезисом. Термины с семантикой «пустота» фигурируют в Письмах к Геродоту и Пифоклу: τὸ κενόν (Ep. ad Herod. 40, 42, 46, 67; Ep. ad Pyth. 89, 90), ἡ τοῦ κενοῦ φύσις (Ep. ad Herod. 44), ἡ ἀναφῆς φύσις (Ep. ad Herod. 40; Ep. ad Pyth. 86), ἡ χώρα (Ep. ad Herod. 40). После оценки частотности и продуктивности указанных терминов становится очевидной доминирующая модель термина τὸ κενόν/ ἡ τοῦ κενοῦ φύσις и ситуативный вариант ἡ χώρα, находящийся на периферии. Кроме того, вопреки ожиданиям и предположениям некоторых издателей⁴⁹⁶, Эпикур в сохранившихся сочинениях нигде не использует для обозначения понятия «пустота» существительное ὁ τόπος. Лукреций также не позволяет себе обойтись простой постановкой слова locus в значении философского термина «пустота».

Процитированный стих Лукреция I 334 является довольно трудным и спорным местом, порой даже вызывавшим сомнения в его подлинности⁴⁹⁷. О понимании грамматической структуры стиха в научном сообществе также нет единого мнения. К. Лахман отвергал стих как интерполяцию. Несмотря на глубокое понимание проблемы пустоты, от Я.М. Боровского, С. Бейли и некоторых других ускользнуло то обстоятельство, что эта фраза имеет не двучленную (понимание К. Лахмана: *inane vacansque est locus intactus*), не трехчленную структуру (С. Бейли, Я.М. Боровский: *locus intactus/ inane/ vacans*), не четырехчленную (Г. Дильс: *locus est/ intactus/ inane/ vacansque*), но представляет собой бифуркацию – две дефиниции или два сказуемых к одной лексеме: inane est locus intactus vacansque. Такое толкование прекрасно вписывается в эпикурейскую двучленную концепцию понимания

⁴⁹⁶ См., например, дважды конъектуру τόπος Узенера в: Epicurea. Ed. H. Usener. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1887 (reprint New York, 2010). P. 6.

⁴⁹⁷ См. подробный, но несколько устаревший разбор состояния вопроса в: Боровский Я.М. Обозначение вещества и пространства в лексике Лукреция // Opera philologica. СПб., 2009. С. 173. См. комментарий к стиху I 334 в: Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 654-655.

«пустоты»: она есть место неосязаемое и незанятое материальным телом. Лукреций в этом стихе объясняет свой терминологический узус, довольно точно воспроизводя греческий первоисточник, так как лексема *inane* передает два аспекта «пустоты», заключённых в семантике греческих терминов τὸ κενόν и ἡ ἀναφήρ φύσις. Следовательно, можно с уверенностью констатировать, что Лукреций более конкретен в дефиниции и ограничивается одним термином *inane* с пояснениями.

Первое определение, даваемое Лукрецием понятию «пустоты» (I 334), не стоит рассматривать изолированно само по себе. Так как он писал дидактическую поэму, то к объяснению трудного понятия он подходил неоднократно и с различных сторон. Описывая дихотомию атомов и пустого пространства, Лукреций старается дать четкие дефиниции обоих физических явлений. Он предлагает строгие критерии того, что есть пустота: это – незанятость определенным телом и возможность его вместить, а также ее неосязаемость в отличие от чувственно-воспринимаемых первоначал. По мнению поэта, это объяснение наглядно и убедительно, хотя, конечно, оно менее фундаментально по сравнению с трактовкой природы атомов, так как определение «пустоты» идет от противного, от более очевидного⁴⁹⁸:

Nam quod cumque erit, esse aliquid debebit id ipsum;
cui si *tactus* erit quamvis levis exiguusque,
augmine uel grandi uel parvo denique, dum sit,
corporis augebit numerum summamque sequetur;
sin *intactile* erit, nulla de parte quod ullam
rem prohibere queat per se *transire meantem*,
scilicet hoc id erit, vacuum quod inane vocamus (I 433-439)⁴⁹⁹.

Ибо наличное всё непременно быть чем-нибудь должно,
Будь оно иль велико, или самых ничтожных размеров:
Коль осязанью оно хоть несколько будет доступно,
Тел совокупность умножит собой и к итогу причтется;
Если же будет совсем недоступно оно осязанью

⁴⁹⁸ Ср. фундаментальную оппозицию бытие/небытие.

⁴⁹⁹ Ср. Ер. ad Herod. 67: τὸ δὲ κενὸν οὔτε ποιῆσαι οὔτε παθεῖν δύναται, ἀλλὰ κίνησιν μόνον δι' ἑαυτοῦ τοῖς σώμασι παρέχεται.

И не поставит преград прохождению любого предмета,
Полостью будет оно, что мы пустотой называем.

Этот пассаж далее подытоживается лаконичной сентенцией (I 454), где наблюдается все та же бинарная оппозиция *tactus/intactus*, в которой существительное *intactus* напоминает первую дефиницию понятия пустоты (I 334) и эпикуров термин ἡ ἀναφής φύσις.

Третьим аспектом пустоты необходимо назвать отсутствие веса, которое, по-видимому, представляется Лукрецию производным и второстепенным параметром, а потому упоминается сравнительно редко: *Corporis officiumst quoniam premere omnia deorsum, / contra autem natura manet sine pondere inanis* (I 362-363). В этом пассаже мы видим копирование греческой модели ἡ τοῦ κενοῦ φύσις на латинский лад – *natura inanis* «природа пустоты», которая оказывается даже удачнее прототипа из-за присущей ей аллитерации (возможно, зеркальной?).

Сущность пустоты описывается от противного, апофатически: прил. ἀναφής, ἀναφές; прил. *intactile; intactum; [non] rem prohibere queat per se transire meantem; natura sine pondere inanis* и т.д.. В этой связи для характеристики такого неизбежного подхода хорошо подходят слова С.С. Аверинцева, посвящённые, правда, некоторым трудным моментам философии Платона: «Ещё важнее, что они были неизъяснимыми по определению, так сказать, гарантированно неизъяснимыми, так что задача их описания исчерпывалась набором негаций («апофатика»): сказать об их несказанности... и значило сказать о них всё, что должно было быть сказано»⁵⁰⁰. Стоит всё же упомянуть, что пустота наделена некой творческой потенцией – позволяет движению осуществляться, что можно расценивать как позитивное следствие общей негативной природы пустоты.

Итоговый список греческих эпикурейских терминов с учётом доксографии (Plut. de plac. phil. I 19; Sext. Emp. adv. math. X (adv. dogmat. IV)

⁵⁰⁰ Аверинцев С.С. Внутреннее и внешнее в поэзии Вергилия // Поэтика древнеримской литературы. Жанры и стиль / Отв. ред. Гаспаров М. Л. М.: Наука, 1989. С. 26.

2 = Us. 271)⁵⁰¹ выглядит так: τὸ κενόν, ἢ τοῦ κενοῦ φύσις, ἢ ἀναφῆς φύσις, ἢ χώρα. Несмотря на то, что Секст Эмпирик, объясняя узус Эпикура, среди 4 терминов для «пустоты» указывает ὁ τόπος, этому слову стоит отказать в терминологичности, поскольку в такой функции оно не выступает ни в текстах Эпикура, ни в поэме Лукреция. Если в остальном мысль Секста Эмпирика верна, то разница в значении такова: τὸ κενόν – лишённая тела пустота, ὁ τόπος – занятая телом, ἢ χώρα – когда в ней движутся тела, ἢ ἀναφῆς φύσις – применяется обобщающе, когда нужно подчеркнуть неосязаемость вследствие невозможности противодействовать.

В поэме Лукреция им будут соответствовать *inane, vacuum, spatium*, с периодически встречающимся словом общего языка *locus*. В то же время существуют классификации, выделяющие широкий список лексем и синтагм, выражающих понятие «пустота»: *locus, locus ac spatium, vacuum, vacuum inane, inane vacansque, spatium, vacuum spatium, intactile, intactum, intactus locus*⁵⁰².

Inane (τὸ κενόν, ἢ τοῦ κενοῦ φύσις, ἢ ἀναφῆς φύσις)

Этимология, семантика.

Рассмотрим словоупотребление лексемы *inane* подробнее. В результате сравнения параллельных мест Лукреция и Эпикура становится очевидным, что термин *inane* возник как семантическая калька с греческого субстантивированного прилагательного τὸ κενόν «пустота». Тенденция Лукреция подражать Эпикуру, в которой он сам признается⁵⁰³, проявляется не только в плане общего содержания поэмы, но и на глубинном,

⁵⁰¹ Epicurea. Ed. H. Usener. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1887 (reprint New York, 2010). P. 350-51.

⁵⁰² Lucreti Cari, Titi De Rerum Natura Libri Sex / Ed. W.E. Leonard, S.B. Smith. Madison: the University Of Wisconsin Press, 1942. P. 246.

⁵⁰³ Te sequor, o Graiae gentis decus, inque tuis nunc / ficta pedum pono pressis vestigia signis, / non ita certandi cupidus quam propter amorem / quod te imitari aveo... (III 3-6).

лексическом уровне: *inane* точно воспроизводит греческий термин и используется в схожих контекстах, копирует излюбленные модели (ἡ τοῦ κενοῦ φύσις – *natura inanis*).

Данные об этимологии основного греческого термина τὸ κενόν (*κενρός) на редкость скупы – слово даже не имеет параллелей в языках, кроме армянского⁵⁰⁴. В свою очередь лексема *inane* не имеет надежной этимологии⁵⁰⁵, употребляется как прилагательное со времени Невия.

Семантически слову *inane* уже в конце II в. до н.э. оставалось сделать один шаг до термина, потому что в бытовом и «умеренном» языке Луцилия оно уже фигурирует в подходящих контекстах, наращивая свой семантический потенциал. Показательно знаменитое восклицание Луцилия (Lucil. Sat. I fr. 9)⁵⁰⁶: *O curas hominum! O quantum est in rebus inane!* «О, заботы людей, о сколько в делах их пустого!».

Необходимо оговориться во избежание путаницы, что пустота-*inane* не равна небытию – *nihil* (τὸ μὴ ὄν. см., например, Ер. ad Herod. 39), которое как раз «не существует». Пустота в понимании эпикурейцев активно антагонистична небытию, а сам концепт «небытие» становится одной из ключевых целей для критики Лукреция, поскольку имеет стойкую привязку к определенным натурфилософам.

Пустота не только активно существует, но её наличие порождает бинарную оппозицию атомов и пустоты, кроме которых больше нет ничего:

Omnis ut est igitur per se natura duabus
constitit in rebus; nam corpora sunt et inane,

⁵⁰⁴ Pokorny J. ken- // Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny. Bd. I. Bern: A. Francke AG Verlag. 1959. S. 564; Chantraine P. κενός // Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968-1980. Pp. 514; 29. Beekes R. κενός // Etymological Dictionary of Greek / R. Beekes with the assistance of Beek L. van. 2 volumes. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 672.

⁵⁰⁵ Vaan de M. Inanis // Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008. P. 301.

⁵⁰⁶ C. Lucilii carminum reliquiae / Recensuit, enarravit F. Marx. Vol. I-II. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1904. P. 4.

haec *in quo* sita sunt et *qua* diversa moventur. (I 419-421)

Всю, самоё по себе, составляют природу две вещи:
Это, во-первых, тела, во-вторых же, пустое пространство,
Где пребывают они и где двигаться могут различно.

Понятие материи в данном случае вместо *materia/-es* выражено через *corpora* «тела, атомы». Это не случайно, поскольку поэт близко воспроизводит содержание греческого первоисточника (Ep. ad Herod. 40, 42). В приведённой дефиниции очевидным образом лексема *inane* функционирует как совокупный термин для трёх греческих прототипов – τὸ κενόν, ἡ τοῦ κενοῦ φύσις, ἡ ἀναφῆς φύσις. В последней строке за местоимением *in quo* и наречием *qua*, как представляется, скрывается концепт *spatium* «пустоты как пространства», который отсылает к четвёртому термину из толкования Секста Эмпирика – ἡ χώρα (пустота, когда в ней движутся тела).

Безапелляционная полярность материи-атомов и пустоты подчёркивается на основании их не совпадающих, но взаимно необходимых характеристик:

Praeterea per se quod cumque erit, aut faciet quid
aut aliis fungi debebit agentibus ipsum
aut erit ut possint in eo res esse gerique.
at facere et fungi sine corpore nulla potest res
nec praebere locum porro nisi *inane vacansque*.
ergo praeter *inane* et *corpora tertia* per se
nulla potest rerum in numero *natura* relinqui,
nec quae sub sensus cadat ullo tempore nostros
nec ratione animi quam quisquam possit apisci. (I 440-448)

Кроме того, всё то, что само по себе существует,
Действует или само, иль подвержено действию будет,
Иль будет тем, где вещам находиться и двигаться можно.
Действовать иль подвергаться воздействию тело лишь может,
Быть же вместилищем тел может только пустое пространство.
Так что самой по себе среди вещей оказаться не может,
Вне пустоты и вне тел, какой-нибудь третьей природы,
Иль осязаемой когда-либо помощью нашего чувства,
Или такой, что она разуменью была бы доступна.

Обе сущности (*natura*) наделены парными характеристиками: у материи это *facere* «действовать» и *fungi* «подвергаться воздействию»⁵⁰⁷, два основных качества пустоты – она неосязема (*nec quae sub sensus cadat nostros*)⁵⁰⁸ и проницаема (*ut possint in eo res esse gerique; praeberere locum*)⁵⁰⁹. Весь этот материал пространной дефиниции соответствует пассажи из Эпикура, где он объясняет правильное значение термина ἀσώματων «бестелесное» (Epic. Ep. ad Herod. 67). Упомянутые два качества материи, не присущие пустоте, лаконично названы философом: τὸ δὲ κενὸν οὔτε ποιῆσαι οὔτε παθεῖν⁵¹⁰ δύναται, ἀλλὰ κίνησιν μόνον δι' ἑαυτοῦ τοῖς σώμασι παρέχεται (ibid.). Также оба варианта Лукреция, служащих описанию проницаемости пустоты, вместе близко по смыслу переводят вторую часть определения из письма к Геродоту, переключаясь глаголами – παρέχω и *praebeo*. Третья сущность невозможна вследствие непостижимости и того, что все качества оказываются взаимоисключающими.

⁵⁰⁷ Леонард и Смит предлагают понимать этот глагол как синоним «pati» или «se praeberere». См. комментарий к стиху I 441 в: Lucreti Cari, Titi De Rerum Natura Libri Sex / Ed. W.E. Leonard, S.B. Smith. Madison: the University Of Wisconsin Press, 1942. P. 247.

⁵⁰⁸ Предыдущая характеристика материи, тоже двучленная, касалась её осяземости: tangere enim et tangi, nisi corpus, nulla potest res (I 304).

⁵⁰⁹ Сравни близкие по смыслу выражения из примера с рыбами и водой – ni spatium dederint latices; concedere porro quo poterunt undae (I 378-80).

⁵¹⁰ Формированию этого корня в древнегреческом посвящено убедительное исследование К.Г. Красухина. Учитывая существующие этимологические объяснения, он констатирует, что корень παθ-/πενθ- остаётся непрояснённым. Учёный утверждает, что для образования аористной формы ἔπαθον использован корень *pen- «тянуть, напрягать», который образовал ряд слов – πένομαι «трудиться, бедствовать», πένης «бедняк», πόνος «труд», а его линия семантической эволюции выглядит так: «тянуть» – «трудиться» – «страдать» (ср. русс. тянуть – тяга – тяжесть). Таким образом, аористическая основа с нулевой степенью вокализма παθ- состоит из корня *pn- и терминативного и слабо транзитивирующего суффикса -dh-, а модель образования имеет вид: *pén- + -dhé- > *pndhé (παθεῖν). Подробнее см. в: Красухин К.Г. К этимологии греческого ΠΑΘΟΣ // Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 163-168.

Морфология, синтаксис.

Существительное *inane* «пустота, вакуум» встречается в тексте поэмы 70 раз⁵¹¹. Один из случаев – *natura inanis* (I 363)⁵¹² – представляет собой точный перевод эпикурейского термина ἡ τοῦ κενοῦ φύσις. Почти всегда лексема *inane* выступает как существительное *singulare tantum*⁵¹³, следуя в этом аспекте за греческими прототипами – там множественное число не зафиксировано даже в доксографии. Однако есть 2 исключения – не совсем ясное множественное число *inania* (I 223, 356), использованное поэтом, видимо, из-за метрических соображений. В обоих случаях они, скорее всего, не являются терминами.

Существительное *inane* «пустота» обладает, в духе *materia/-es*, богатой сочетаемостью с различными определениями: оно характеризуется как *vacuum* (I 439, 509, 523; II 151, 158, 202, 236; VI 838), *magnum* (I 1018, 1103; II 65, 105, 109, 122), *profundum* (I 1108; II 96, 222), *rectum* (II 217, 226), *intactum* (III 813; V 358), *purum* (I 658), *quietum* (II 238), *totum* (III 17). Как видно из приведенных примеров, подавляющее большинство определений концентрируется во II песне, что связано с тематикой движения и отклонения. В качестве наиболее характерных признаков часто упоминаются пространственная величина (*magnum, profundum*) и незаполненность материальным телом (*vacuum*). Некоторые определения, очевидно, навеяны текстами Эпикура: *profundum* (ἄπειρον), *intactum* (ἀναφής).

⁵¹¹ Пустота в тексте Эпикура по изложению Диогена Лаэртского фигурирует около 10 раз.

⁵¹² Перевести это определение можно как «природа пустоты» или «сущность пустоты», тогда как вариант «пустотная сущность» кажется неудачным, как уведящий в сторону от вложенной Эпикуром семантики. Слово *inanis* здесь скорее необходимо рассматривать как родительный падеж существительного, так как в таком случае сохраняется изящный хиазм со словосочетанием *corpore officium* в предшествующем стихе. Кроме того, в стандартной модели эпикурейских синтагм на этой позиции преобладают существительные. В пользу родительного падежа в данном месте также высказывается Бейли: *Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 657.*

⁵¹³ В единственном числе существительное *inane* располагает полной парадигмой склонения в словаре Лукреция.

Морфологические особенности среднего рода латинских существительных и прилагательных (омонимия падежей, субстантивация) зачастую мешают адекватному пониманию текста, создавая видимость ложной синонимии и большего количества терминов. Тем не менее, обращая внимание на регулярные парадигмы синтаксиса (шаблоны) в поэме, в значительной мере этих ошибок можно избежать. Например, вариативность приведённых выше возможных определений в схожей синтаксической позиции (в зависимости от предложного сочетания *per inane* + прил. X) доказывает, что слово *vacuum* является прилагательным в следующих грамматически неясных контекстах: II 151; II 158; II 202; VI 838. Предлог *per* здесь управляет лексемой *inane* и непосредственно маркирует ее как существительное, подчеркивая в отсутствии соединительных союзов зависимое положение прилагательного *vacuum*. В качестве доказательной базы можно привлечь такие наглядные случаи с предлогом *per*: I 1018; I 1103; II 65; II 83; II 96; II 105; II 109; II 116; II 217; II 222; II 226; II 238; III 17; III 27. В свою очередь, эти наблюдения⁵¹⁴ делают наиболее вероятной трактовку лексемы *vacuum* как прилагательного также и в стихах I 439; I 509; I 523; I 838.

Из особенностей однокоренных образований следует упомянуть редкие примеры. Один единственный раз *inane* выступает в качестве прилагательного к существительному *spatium* (I 527)⁵¹⁵. По одному разу употребляются производный глагол *inanire* «опорожнять» (VI 1005, неологизм – впервые в латинском⁵¹⁶) и образованная от него форма пассивного перфекта с причастием *inanitus* (VI 1025). В текстах Диогена и

⁵¹⁴ Дополнительным подтверждением можно считать показательные примеры с формульной концовкой *quod inane vocamus/vocaret* в тех стихах, где прилагательное *vacuum* не фигурирует (I 369, 507, 520, 1074).

⁵¹⁵ Бейли также придерживается мнения, что в этом контексте *inane* является прилагательным. См. *Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 688.*

⁵¹⁶ *Vaan de M. Inanis // Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008. P. 301.*

Ватиканских фрагментов однокоренного глагола к термину τὸ κενόν не засвидетельствовано.

Поэт не отказывается от прилагательных в общеупотребимом неспециальном значении «пустой»: *vanus* (I 698 – о взглядах Гераклита, 1068), *cassus* (*formido* III 981), *inanis* (*cura* III 113, V 1431; *metus* III 982; *imperium* III 998; *simulacra* IV 994; *nomen* V 909; *mina* V 1003).

Vacuum (τὸ κενόν, ἡ ἀναφής φύσις, прил. ἀναφές)

Прилагательное *vacuus* засвидетельствовано не ранее Плавта (Plaut. Merc. 983a) Глагол *vacare* употребляется в литературе со времени Энния, а глагол *vacuo*, *-are* не раньше Варрона и Лукреция, глагол *vacefieri*, по-видимому, неологизм Лукреция⁵¹⁷. Корень имеет хорошие параллели в умбрских диалектах, так что, вероятно, это местное италийское образование. М. де Фаан также предлагает иметь в виду два других прилагательных с компонентом семантики «пустое» – *vanus* и *vastus*.

Как технический термин именная форма *vacuum* выступает 15 раз в следующих контекстах (I 367, 393, 394, 439, 509, 523, 526; II 151, 158, 202, 236, VI 838, 1007, 1014, 1019). Как ранее уже было сказано с подробной аргументацией, *vacuum* преимущественно является прилагательным (I 439, 509, 523; II 151, 158, 202, 236; VI 838). Трактовку *vacuum* как субстантива можно признать в I 526, где слово единственный раз выступает как подлежащее, и в трёх синтаксически идентичных случаях VI 1007, 1014, 1019, которые стоят особняком в конце произведения и, как кажется, иллюстрируют какую-то эволюцию подхода римского поэта к этому полю терминов. Потенциально возможная субстантивация делает определение частеречной принадлежности прилагательного *vacuum* затруднительной. Остаётся констатировать три спорных случая (I 367, 393, 394), где поведение

⁵¹⁷ Walde A. *Vaco* // Lateinisches etymologisches Wörterbuch, dritte neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. B. II. Heidelberg, 1954. S. 723. Vaan de M. *Vaco*, *-are* // Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008. P. 649.

лексемы может восприниматься амбивалентно. Именно в силу этих причин, а также количественного и синтаксического доминирования *inane*, напрашивается вывод о вспомогательном характере термина *vacuum*.

Подвергнув анализу весь объем контекстов со значением «пустота / вакуум», неизбежно приходится признать, что в поэме концепт «пустота» передают два основных нетождественных синонима. Видимо, из-за отвлечённости самого понятия «пустоты» и заявленной неосязаемости предмета это семантическое поле «пустота» наделено более точной и менее образной синонимией, чем описанная терминология атомов-первоначал.

Синонимичность двух основных лексем *inane* и *vacuum* наблюдается, но её потенциал оказывается значительно снижен. Между двумя вариантами даже близко не возникает отношений стабильной взаимозаменяемости, какие присущи терминам частей души – *animus*, *mens*, *anima*. Преимущественно *vacuum* всё-таки выступает в поэме не как субстантивированное существительное, а нечто сохраняющее больше параметров прилагательного.

В этой связи показательна выявленная К.К. Рейли картина параллельного узуса *vacuum* у крупного автора философских трактатов – Цицерона⁵¹⁸. Она провела изыскания и пришла к поразительному выводу, что Цицерон не употребляет *vacuum* (сущ. и прил.), а также однокоренные *vacare*, *vacans*, *vacuitas* как технические термины. Следовательно, можно без колебаний утверждать, что именно терминология Лукреция в данном разделе была источником для последующих эпох и была более перспективной.

Напротив, у Лукреция в одном из ранних контекстов, объясняющих разный вес предметов, лексемы *inane* и *vacuum* оказываются синонимами:

Ergo quod magnumst aequaleviusque videtur,
nimirum plus esse sibi declarat *inanis*;
at contra gravius plus in se *corporis* esse

⁵¹⁸ Reiley K.C. Studies in the Philosophical Terminology of Lucretius and Cicero. Diss. New York: Columbia University Press, 1909. P. 111.

dedicat et multo *vacui*⁵¹⁹ minus intus habere. (I 364-367)

Так что, коль что-нибудь легче другого того же размера,
Больше в себе пустоты заключает оно очевидно.
Наоборот: если что тяжелее, то, стало быть, больше
Тела имеется в нем, а порожнего меньше гораздо.

Их тождество и взаимозаменяемость подчеркнуты очень тонко – с помощью идентичной синтаксической позиции (*plus esse* + gen. || *multo minus habere* + gen.), причём синтагма *multo minus habere* + gen. у Лукреция оказывается уникальной в поэме.

Большую проблему представляют ситуации намеренного нагромождения однокоренных и синонимичных слов:

Nam qua cumque *vacat spatium*, quod *inane* vocamus,⁵²⁰
corpus ea non est; qua porro cumque tenet se
corpus, ea *vacuum* nequaquam constat *inane*.
sunt igitur solida ac sine *inani* corpora prima. (I 507-510)

Ибо, где есть то пространство, что мы пустотой называем,
Тела там нет, а везде, где только находится тело,
Там оказаться никак не может пустого пространства.
Значит, начальные плотны тела, и нет пустоты в них.

Лукреций как будто пытается применить весь арсенал терминов для достижения максимального эффекта. Он словно в поиске наилучшей дефиниции сознательно повторяется, сохраняя общие нотки доступного нам оригинального определения (Epic. Ep. ad Herod. 40). С другой стороны, он отходит от прозрачного синтаксиса указанного фрагмента, в чём-то словно подражая тем утраченным трактатам, информацию из которых нам сберегла доксография. Отрывок насыщен плеоназмами (*vacat spatium*, *vacuum inane*), а

⁵¹⁹ В данном месте рукописи имеют чтение **vacuim*, что большинство издателей предпочитает видеть как родительный падеж, но имеются редкие попытки замены на **vacuum*.

⁵²⁰ Сравни узус Цезаря: Id ea ratione fecit, quod noluit eum locum vacare (Caes. B. G. I 28, 4). «Он сделал это на том основании, что не (за)хотел, чтобы то место оставалось пустым».

глагол *vocatus* намеренно созвучен⁵²¹ *vacuum*, что является очередным случаем паронимии для акцентирования терминологии.

Иногда вместо существительного *vacuum* Лукреций использует прилагательное среднего рода *vacuum*, выполняющее функцию уточнения при *inane*. Поэта не пугает полученный своеобразное плеонастическое определение.

At vapor is, quem sol mittit, lumenque serenum
non per inane meat vacuum... (II 150-151)

Но и тот жар, что идет от солнца, и свет его ясный
Не в пустоте совершают свой путь...

Эти примеры концентрируются преимущественно в I и II книгах, в VI книге подобный случай имеется всего один – при описании Авернского озера (VI 838).

Примеры нетерминологического использования *vacuum* редки и не мешают общему восприятию, так как употребление в основном значении в устойчивом бытовом узусе легко угадывается по метафорам: *vacuas auris* (I 50), *vacuum pectus* (II 46), околотерминологическое *partem in vacuum* (VI 1041).

Обратимся к однокоренным причастиям. Самое первое употребление слова *vacans* (I 334) уже было подвергнуто аргументированному разбору. В указанном контексте оно является причастием, выступает в роли части предиката и не является независимым термином. Синтаксического объяснения требует причастие *vacans*, также соединённое с союзом *-que* (I 444). С. Бейли не предлагает какого-либо решения, отсылая к проблеме стиха I 334. Ф.А. Петровский в своём комментарии приводит группу слов-обозначений пустоты, но сознательно отстраняется от объяснения

⁵²¹ О возможных чередованиях *vac-/voc-* в корне, об архаичных формах *vacivus* вместо *vacivus* «порожний, незанятый» см.: Walde A. *Vaco* // Lateinisches etymologisches Wörterbuch, dritte neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. B. II. Heidelberg, 1954. S. 723. Vaan de M. *Vaco, -are* // Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008. P. 649.

различий⁵²². М. Дойферт и Т. Нейл, опубликовавшие самые свежие комментарии к тексту поэмы, оставляют этот стих без внимания⁵²³. По-видимому, проблема данного причастия *vacans* не имеет удовлетворительного надёжного решения, и его стоит признать контекстуальным синонимом.

И, наконец, определённую терминологическую игру стоит видеть в насыщенных семантикой «пустоты» причастиях в конце поэмы: *factus inanitusque locus magis ac vacuatus* (VI 1025). Вероятно, таким учёным способом поэт обыгрывает базовый тезис-дефиницию пустоты (Ер. Ер. ad Herod. 40).

Spatium (ἡ χώρα), **locus** (ὁ τόπος)

Слова *locus*⁵²⁴ и *spatium* принадлежат к общей лексике латинского языка. Лукреций использует эти лексемы как обозначения понятия пространства в целом, любого неконкретного пространства. Наряду с этим слово *spatium* может выступать как обозначение промежутка времени (I 184, 234; III 855; IV 1287; V 827 и т.д.), что является помехой его недвусмысленности и включению в философский словарь.

Как уже было сказано, Секст Эмпирик, давая экспозицию 4 терминов для «пустоты» в узусе Эпикура, предлагает ключи для её понимания, указывая, что ὁ τόπος – занятая телом пустота, ἡ χώρα – когда в ней движутся тела. Поскольку Лукреций подражает языковой манере философа, обнаруживаются места в поэме с повышенной концентрацией слов с

⁵²² Лукреций. О природе вещей / Сост. Ф.А. Петровский. Т. II. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 336.

⁵²³ Deufert M. Kritischer Kommentar zu Lukrezens De rerum natura. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. P. 32; Nail Th. Lucretius I: An Ontology of Motion. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. P. 97-98.

⁵²⁴ Слово *locus* произошло из архаической формы *stlocus с упрощением начальной группы согласных stl-> l. Cf. lis < *stlis. Малинаускене Н.К. Введение в историю латинского языка (классический период): Курс лекций. Материалы для практических занятий. М.: ГЛК, 2006. С. 38.

семантикой пустоты и слов, переводящих эпикурейские понятия ὁ τόπος – *locus*, ἡ χώρα – *spatium*.

Самым первым случаем, где лексемы *locus* и *spatium* становятся наиболее близки к природе термина, оказывается тезис о невозможности движения без допущения пустого пространства.

Tum porro *locus* ac *spatium*, quod *inane* vocamus,
si nullum foret, haut usquam sita corpora possent
esse neque omnino quoquam diversa meare (I 426-428)

Если ж пространства иль места, что мы пустотой называем,
Не было б вовсе, тела не могли бы нигде находиться
И не могли б никуда и двигаться также различно...

Подтверждением пограничного с термином словоупотребления служат перифрастические выражения типа *locus ac spatium res in quo quaeque gerantur* (472, 955), *multiplexque loci spatium* (II 163, IV 207), а также явные плеонастические конструкции: *spatium vacet infinitum* (II 1053), *inanutur spatium multusque vace fit / in medio locus* (VI 1005-1006), *parte ex una spatium vacat* (VI 1029).

Слова *locus* и *spatium*, при обозначении того, что не является телами, а соответственно может быть только пустотой, отождествляется с *inane/vacuum*.

Однако, контексты, где *spatium* расположено в позиции наибольшей терминологизации, концентрируются преимущественно в I книге и составляют всего 35% от общего числа словоупотреблений (18 из 51 единицы: I 426, 472, 507, 523, 527, 955, 969, 984, 1002, 1047, 1074, 1110; II 92, 163, 1053; V 370; VI 1005, 1029). Наоборот, наблюдаются редкие примеры дистанцирования от термина *inane* и концепта «пустота» (II 219, 316).

Несмотря на свидетельства доксографии и несколько цитат Эпикура, необходимо признать, что словам *locus* и *spatium* в силу указанных причин не удалось стать самостоятельными полноценными терминами, как термину *inane*.

Помимо названных в латинском языке есть другие существительные и прилагательные для обозначения пространства, в том числе пустого. Эти единицы словаря не подошли под задачу формирования латинского философского словаря по разным причинам. Так, например, слово *templa* – тоже обозначает пространство, но сфера употреблений этого древнего слова чётко зафиксирована в языке жрецов и ярко маркирована коннотациями из-за связи с сакральной сферой (см.: *Acherusia templa* I 120 и т.д.)⁵²⁵, да и, кроме того, находящимся в базовом ежедневном словаре римлянина *templum* «храм». Учитывая направленность поэмы, эта лексема была неприемлема. Другое слово *intervallum* не могло быть адаптировано, так как уже являлось профессионализмом в военной лексике. Лексема *cassus* (по мнению Эрну, по форме это причастие от *careo*), по замечанию Нония Марцелла (45.10), использовалась в старолатинском узусе⁵²⁶. Мотивация Лукреция, по которой он не взял субстантив «*cassum*» для термина, вероятно, исходила из архаического колорита лексемы и её неподходящей семантики.

Выводы 2.3: Подводя итоги проведенному анализу терминологии концепта «пустоты» у Лукреция, остается констатировать, что основной лексемой, передающей понятие «пустота/вакуум» у поэта, без сомнения, следует считать существительное *inane*. Важнейшими характеристиками пустоты для Лукреция, также как для Эпикура, является ее неосязаемость и возможность пропускать через себя материальные тела (проницаемость).

В ситуации лексемы *inane* методом получения термина можно с уверенностью считать создание семантической кальки с греческого слова τὸ κενόν. Поэту удалось обогатить латинский язык новым философским

⁵²⁵ Следует учитывать такие выражения, как *templa caeli* (*Annales* 49 V.² = 48 Sk. и др.), в которых Энний поэтизирует словосочетание из языка авгуров. А.И. Любжин предлагает его переводить «небесные храмы». См.: Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: ГЛК, 2002. С. 168.

⁵²⁶ Nonius Marcellus: «*cassum ueteres «inane» posuerunt*». См. комментарий к стиху III 562 в: *Lucreti Cari, Titi De Rerum Natura Libri Sex* / Ed. W.E. Leonard, S.B. Smith. Madison: the University Of Wisconsin Press, 1942. P. 471.

термином, причем за счет собственно латинского материала, хотя, конечно, определённые предпосылки уже складывались в языке эпохи Луцилия. Привычная лексика получает новые оттенки семантики и новые сферы употребления; обогащаются ассоциативные связи в рамках латинского языка: например, в случае с *tactus/intactile* появляется отсылка к натурфилософским представлениям о материи и пространстве. Анализ лексемы *inane* подтверждает мысль о тенденции Лукреция создавать термины путём терминологизации слов общего языка, а не заимствованием из греческого.

Результаты количественного, морфологического и синтаксического сопоставлений лексем семантического поля «пустота» демонстрируют, что в качестве гиперонима этого поля возможно принять только термин *inane* по причине его полного доминирования. Неожиданным оказывается обстоятельство, что по данным поэмы и узуса Цицерона термин *vacuum* носит вспомогательный характер, в основных пассажах функционируя как прилагательное или что-то переходное между прилагательным и субстантивом.

Многозначные лексемы *spatium* и *locus* почти всегда употребляются как уточняющие или в рамках перифрастической дефиниции, всякий раз когда служат для передачи понятия «пустота». Признать самостоятельными полноценными терминами *spatium* и *locus* в латинском языке оказывается невозможным: *spatium* можно считать термином с определёнными оговорками, *locus* нельзя совершенно назвать даже квазитермином.

Основным методом терминологизации, причём, как кажется, не достигающей убедительно в конце концов своей цели с *spatium* и *locus*, в случае семантического поля «пустота» следует признать построение плеонастических конструкций (*loci spatium; locus ac spatium, quod inane vocamus; spatium vacet infinitum*), порой сопровождающихся применением однокоренных глаголов и причастий (*spatium vacet infinitum; inanitur spatium multusque vace fit / in medio locus; factus inanitusque locus magis ac vacuatus*).

2.4. Отклонение атомов: *clinamen* и *declinare/inclinare* (ἡ παρῆγκλισις)

Крупный отечественный исследователь философии А.Ф. Лосев так высказался о парадоксе текста Диогена Лаэртского, не упоминающего в своём сочинении важную доктрину эпикурейского отклонения атомов: «Судя по доксографам, эллинистическим и александрийским сочинениям и вообще последующим излагателям Эпикура, Диоген Лаэртский упустил здесь из виду не более и не менее как важнейшее учение о самопроизвольном отклонении атомов. Отсутствие самопроизвольного отклонения атомов в корне меняет всю картину мирообразования по Эпикуру, потому что если верить Диогену в вопросе о вечном постоянстве атомных движений, то, собственно говоря, никакого мирообразования у Эпикура не может и получиться. Иными словами, атомизм Эпикура Диоген сводит почти только к одному механицизму, что противоречит всем другим источникам об Эпикуре, которыми мы обладаем»⁵²⁷. Учёный, как кажется, правильно обозначил проблему. Однако сравнение с текстом «О природе вещей» является отчасти и решением, и усугублением апории: Лукреций по какой-то неясной причине посвящает этой инновационной доктрине весьма скромное количество стихов (II 216-293) относительно учения об атомах и учения о душе.

Термин *clinamen*⁵²⁸ является лексической полукалькой (так как содержит латинский суффикс *-men*), воспроизводит греческий оригинал ἡ παρῆγκλισις методом неполной морфемной субституции, поскольку не повторяет присоединение предлогов *παρ-* и *εν-*. Следовательно, можно утверждать, что заимствована модель построения слова, а не само слово.

⁵²⁷ Лосев А.Ф. Диоген Лаэртский – историк античной философии. М.: Наука, 1981. С. 72.

⁵²⁸ Вопросу движения и отклонения первоначал посвятил свою монографию Э.А. Шмидт: Schmidt E.A. *Clinamen. Eine Studie zum dynamischen Atomismus der Antike*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2007. Также см. статью: Pascal C. *La declinazione atomica in Epicuro e Lucrezio* // *Rivista di filologia e di istruzione classica* / Ed. E. Stampini. 1902. Pp. 235-248.

Такая полукалька легче может быть инкорпорирована в структуру родного языка, будучи по фонетическому и морфемному составу вполне регулярной.

Лексема *clinamen* это, безусловно, неологизм Лукреция, который не представлен у предшественников. Несмотря на однократное употребление в поэме (II 292), *clinamen* это полноценный термин, поскольку он имеет параллель из словаря Эпикура (ἡ παρέγκλισις) и это тот редкий случай, когда образуемая единица философского словаря – однокоренное слово со своим прототипом.

Об отклонении атомов как эпикурейской инновации упоминает в своём трактате Цицерон (О судьбе 10, 22): «Если неделимые тела несутся в силу тяжести вертикально по прямым линиям, как это угодно Эпикуру. . . Эту теорию (т. е. теорию «отклонения» – παρέγκλισις) Эпикур ввел, боясь, что если (считать) атом вечно несущимся в силу своей тяжести, естественной и необходимой, то в нас не окажется ничего свободного, так как и душа двигалась бы так, как она вынуждалась бы движением атомов. Но сам изобретатель атомов Д. предпочел допущение, что все происходит в силу необходимости, не желая устранять из неделимых тел естественное движение»⁵²⁹.

Очень часто в литературе по философии в связи с учением об атомах, изложенным в поэме «О природе вещей», говорится о непрямолинейном движении, об отклонении первоначал. Однако удивление может вызвать тот факт, что сам термин *clinamen* встречается в поэме всего один раз в стихе (II 292), а явление отклонения чаще описывается глаголами (4 раза) и один раз герундием. По сравнению с обилием случаев и контекстов со словами, обозначающими первоначала и материю, Лукреций не так подробно говорит про этот характер движения атомов, ограничиваясь небольшим пассажем в начале второй книги.

⁵²⁹ Лурье С.Я. Демокрит. Тексты, перевод, исследования. Л.: Наука, 1970. С. 277.

На первый взгляд может показаться, что *clinamen* не удовлетворяет всем критериям термина, заявленным в этой работе. Лексема фигурирует один раз во всем корпусе античных латинских текстов. При сравнительном анализе с наследием Эпикура обнаруживается четкое однокоренное лексическое соответствие с греческим аналогом – ἡ παρέγκλισις. Фундаментальность этого понятия для физики Эпикура не вызывает сомнений, резко отличает его от движения частиц в атомизме Демокрита. К тому же, в тексте поэмы глаголы *declinare* и *inclinare* демонстрируют характер движения и последовательно подготавливают читателя к его предстоящей единократной номинации. Лексема *clinamen* венчает цепочку рассуждений и, возможно, подразумевается в качестве итогового исчерпывающего объяснения, поскольку поэт к этой теме более не возвращается.

Также стоит отметить, что глагол *declinare* только один раз в личной форме управляет существительным *motus*, а *inclinare* единственный раз (П 243) употребляется по отношению к атомам, как представляется, из-за метрических соображений. Приставка *de-* в *declinare* несет важную функцию – подчеркивать характер движения сверху вниз, который дополнительно маркируется наречием *deorsum*. По-видимому, эти два глагола *declinare* и *inclinare* служат для передачи каких-то лексем Эпикура, так как у Плутарха есть упоминание, вероятно, аутентичного эпикурейского глагола *παρέγκλιναί* (Us 281)⁵³⁰.

Форма существительного *declinatio* по очевидным причинам не была воспринята в философский аппарат, потому что уже являлась грамматическим термином⁵³¹.

⁵³⁰ Epicurea. Ed. H. Usener. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1887 (reprint New York, 2010). P. 351.

⁵³¹ По вопросу деятельности латинских грамматиков и изучения склонения см.: Taylor D.J. *Declinatio: A Study of the Linguistic Theory of Marcus Terentius Varro*. Amsterdam, 1975.

Один из контекстов представляет нам весьма любопытную картину – для *clinamen* обнаруживается параллель в мире одушевленных существ, такая же необъяснимая и нелогичная закономерность – *voluntas*:

Unde est haec, inquam, fatis avolsa voluntas,
per quam progredimur quo ducit quemque voluptas,
declinamus item motus nec tempore certo
nec regione loci certa, sed ubi ipsa tulit mens?
nam dubio procul his rebus sua cuique voluntas
principium dat et hinc motus per membra rigantur. (II 257-262)

Как и откуда, скажи, появилась свободная воля,
Что позволяет итти, куда каждого манит желанье,
И допускает менять направленья не в месте известном
И не в положенный срок, а согласно ума побужденью?
Ибо сомнения нет, что во всем этом каждому воля
Служит начальным толчком и по членам движенья проводит.

Она также внутренне присуща живому существу, как *clinamen* – атомам (II 269-271).

Мир атомов и его закон отклонения проецируется на животный мир, поэт обнаруживает подобие двух структурных уровней - микрокосма и макрокосма, что подтверждает универсальность мирового устройства и позволяет Лукрецию добиться поставленной цели – разрушить суеверный фатализм. И в мире людей, и в мире первоначал (*principiorum*) отклонение происходит одинаковым образом – *nec regione loci certa nec tempore certo* (II 259-260, 293). *Voluntas* и *voluptas* подчеркивают свободу воли живого существа и характер невынужденного движения начал - *volitare* (I 951-952; II 378-380, II 1054-1055; III 31-33)⁵³².

Возможно, что Вергилий для своей сентенции *trahit sua quemque voluptas* («Буколики» II 64) вдохновился именно этим местом (II 257-262) из поэмы Лукреция.

⁵³² См. также Т.В. Васильеву: «Этимологическое отягощение мы видим в употреблении слова *voluptas*, которое в сознании Лукреция совместило принцип самоопределения личности – волю – и возведенный в универсальный закон этический принцип наслаждения (через отождествление *voluntas* и *voluptas*)».

Выводы к Главе II:

В результате исследования лексем атомистики не подтверждается ожидаемая по современным представлениям среднестатистического читателя гармоничная картина строгого и емкого словоупотребления терминов, а, напротив, складывается впечатление поэтической пестроты. Однако лексический материал составляет цельную продуманную многоуровневую систему терминологии, пускай и неоднородную.

Излагая достижения эллинской философии на латинском языке, Лукреций использовал семантическую прозрачность терминов в сочетании с метафорой «материи-ткани». Рассмотренные термины атомистики не только объясняются через дефиниции (I 54-61, 483-84 и т.д.), но и соположением синонимов помогают толковать означаемое, благодаря чему в обширном и специфическом материале находит подтверждение наблюдение фон Альбрехта: «Произведения римской литературы вообще открыты и для знатока, и для дилетанта. Ее «экзотерический» характер отличает, к примеру, философские произведения римлян от подавляющего большинства греческих...»⁵³³.

Первостепенными критериями при отборе слов на роль термина становятся семантика и метрика лексем. Продуктивными способами создания терминов оказываются: обогащение семантики слова специальным значением (*primordia, exordia, principia, prima*), создание устойчивых синтагм (*primordia/exordia rerum*) и субстантивация (*prima*). Новые лексемы создаются на основе слов общего языка, а не заимствуются готовыми⁵³⁴.

Термины создаются у Лукреция путём терминологизации слов общего языка или семантическим калькированием, а не заимствованием готового

⁵³³ Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: ГЛК, 2002. С. 43.

⁵³⁴ У Лукреция отсутствуют заимствованная форма *atomus* и калька слова «атом» - *individuum*.

варваризма. В целом, тезисы З.А. Покровской в отношении системы этических терминов находят подтверждение.

Метод Лукреция характеризуется образованием ряда синонимических терминологических единиц, составляющих единое семантическое поле, что было продемонстрировано на примере слов со значением «атом, первоначало», «пустота». Это согласуется с тем, что поэтическая образность и эпический язык требуют вариативности хотя бы на минимальном уровне.

Для достижения наибольшего понимания терминологического аппарата со стороны аудитории (а, может, и запоминания) Лукрецием применяются различные стилистические средства: тропы (парономасии, перифраза), фигуры речи (аллитерации), фигуры мысли (плеоназмы).

Важной особенностью системы атомистических терминов оказывается взаимодополняемость форм. Как в случае с термином *materia/-es* берутся разные падежи от I и V склонений, так и остальные термины атомистики, если не во всех падежах могут соответствовать метрике стиха, заменяются синонимом: термины *principia*, *prima* и *exordia rerum/exordia prima* применяются как метрические варианты к *primordia* и могут рассматриваться как единая парадигма склонения.

Среди недостатков терминотворческого подхода Лукреция необходимо отметить использование многозначных слов в общепринятом и философском смыслах в рамках одного контекста, а порой и в одной строке. Наравне с этим обстоятельством принципу «*lucida carmina*» мешает омонимия Nom. и Acc. pl. среднего рода в латинском языке, из-за которой синтаксическая роль термина порой неочевидна на первый взгляд.

При создании латинской философской терминологии Лукреций руководствовался в первую очередь словоупотреблением Эпикура, поэтому создаваемые поэтом термины семантических полей «атомы, первоначала» и «пустота» необходимо исследовать с оглядкой на греческие прототипы и доксографию.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА И СТРУКТУРА ДУШИ В ЭПИКУРЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

3.1. Проблема и структура души (ψυχή) в эпикурейской философии

Знакомясь с произведениями древних авторов, многие из читателей задаются вопросами, каким именно внутренним органом думал античный человек; где, по его представлениям, локализируются внутри субъекта мысли, чувства, эмоции и страхи; что именно ответственно в человеке за познание внешнего мира – душа или какой-то конкретный орган тела. И, в конце концов, где у поэта рождается поэзия?

Один из самых известных и показательных примеров – это саморефлексия поэта Энния, который был родом из Калабрии, и утверждал⁵³⁵, что у него «3 души» (пер. М.Л. Гаспарова) или «нутра-сердца» (перевод мой – И.Т.), поскольку он владел тремя языками – греческим, осским и латинским: «*Quintus Ennius tria corda habere sese dicebat, quod loqui Graece et Osce et Latine sciret*» (A. Gell. Noct. Att. XVII, 17, 1).

Интересен в данной связи пример Луцилия, что именно он говорит относительно места рождения своих поэтических опытов:

...Ego ubi quem ex praecordiis
Ecfero versum... (Lucil. 590-91)⁵³⁶

Очевидно, что между энниевыми *tria corda* и приведёнными примером с *praecordia* не следует автоматически ставить знак тождества.

Лукреций также упоминает, откуда исходит его поэзия. Восприятие римлянина предполагает, что поэзия словно жидкость выливается откуда-то из груди говорящего (*de pectore*):

...hoc tibi de plano possum promittere, Memmi:
usque adeo largos haustus e fontibus magnis
lingua meo suavis diti de pectore fundet,
ut verear ne tarda prius per membra senectus
serpat et in nobis vitae claustra resolvat... (Lucretius I 411-415)

⁵³⁵ Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия в римской культуре // М.Л. Гаспаров Избранные труды, Т.1 «О поэтах». М., 1997. С. 61.

⁵³⁶ «Когда я вынимаю какой-либо стих из своей груди (*praecordia*)» (перевод мой – И.Т.).

Вот что открыто тогда могу обещать тебе, Меммий:
Столь изобильной струей, исходящей из мощных истоков
Полного сердца, моя вдохновенная речь изольется,
Что прокрадется, боюсь, тем временем дряхлая старость
В наши с тобою тела и жизни нам узы расторгнет...

Немаловажно, что там, откуда истекают стихи нашего поэта, там же находится, как уже было сказано, поле битвы Эпикура, то есть душа (*animus*) и сердце (*pectus*) человека (Lucr. V 43-50).

Говоря о делении внутренних душевных сил и локализации мыслительной и эмоциональной деятельности на материале латинского языка, не стоит забывать о влиятельной картине мира, сложившейся в греческом языке благодаря творчеству Гомера. Гомеровские поэмы, ставшие нормативными в области языка, долгое время транслировали определённый взгляд на сущность внутренних потенций человека. Разные сферы словесной деятельности человека, в том числе философия, пытались осмыслить данную неясную проблему, поначалу отталкивались от ставшей традиционной гомеровской позиции.

Гомеровской локализации этих внутренних потенций посвящена подробная статья А.А. Тахо-Годи, которая установила определённые закономерности, что «диафрагма (φρήν) есть преимущественно средоточие умственной деятельности человека, сердце (καρδία, κῆρ, ἦτορ) – средоточие эмоций, грудь (στήθος) включает в себе жизненный аффективный, интеллектуальный и волевой принципы (θυμός), кровь (αἷμα) – носитель души (ψυχή Ил. XIV 518, XVI 505), печень (ἥπαρ) – средоточие жизни (Ил. XI 579, XIII 412, XVII 349, XX 469) ...»⁵³⁷.

Один из самых подробных обзоров внутренних душевных сил и их локализации в теле человека представляет классическая книга Р. Онианса «На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле,

⁵³⁷ Тахо-Годи А.А. О древнегреческом понимании личности на материале термина *sōma* // Вопросы классической филологии III-IV. М., 1971. С. 279.

времени, мире и судьбе». Так, например, Онианс говорит об изменении значения слова φρένες с гомеровских времен уже к эпохе Платона и корпуса Гиппократов, что эти «черные» органы (во множественном числе)⁵³⁸, содержащие нечто парообразное, могут быть только легкими, содержащими дыхание⁵³⁹. При этом у Эсхила, по мнению Онианса, оно всё ещё означает «лёгкие»⁵⁴⁰. Свою позицию учёный подтверждает убедительными примерами, основывающимися на сочетаемости данной лексемы с определёнными прилагательными. Ему удалось проследить определённую эволюцию языкового материала, что со 2 половины V в. до н.э. происходит смещение семантики: в школе Гиппократов применяют термин φρένες (френес) к грудобрюшной преграде или диафрагме, и так же поступает Платон в «Тимее» (70 а)⁵⁴¹. Онианс приходит к выводу, что «человек обдумывает свои мысли и испытывает чувства и порывы в сердце (κῆρ или κραδίη), но гораздо чаще в этой связи упоминаются φρένες (иногда синоним πρᾶπίδες) и θυμός»⁵⁴².

Проблема дробления умственной и эмоциональной деятельности человека по разным органам, а также проблема души не имели однозначного решения, но были полем постоянных изысканий многих мыслителей Греции.

⁵³⁸ Казанская М.Н., исследуя подходы античных филологов к проблеме φρένες λευκαί (чаще негативная характеристика носителя) у Пиндара и φρένες (ἀμφι)μέλαιναи у Гомера (обычно позитивная характеристика), честно признаёт трудность поиска объяснения толкований, предложенных схолиастами, и отсутствие окончательного убедительного решения вопроса. Ясно, что схолиасты Пиндара берут гомеровскую экзегезу за образец. Самым влиятельным объяснением двух выражений у них был образ глубоких вод, имеющих тёмный цвет. Современные исследователи как наиболее авторитетную трактовку φρένες μέλαιναи предлагают «наполненные кровью». Подробнее см.: Kazanskaya M.N. Black and white: scholia and glossographers on the colour of φρένες // Indo-European Linguistics and Classical Philology. Vol. XVII. St.Petersburg: Nauka, 2013. Pp. 358, 362.

⁵³⁹ Онианс Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 46. Критику точки зрения Р. Онианса см. в: Kudlien Fr. «Schwärzliche» Organe im frühgriechischen Denken // Medizinhistorisches Journal. Bd. 8, H. 1. 1973. Ss. 53-58.

⁵⁴⁰ Ibid. P. 50.

⁵⁴¹ Ibid. P. 45.

⁵⁴² Ibid. P. 45.

Э.Р. Доддс утверждает, что «у Гомера псюхе не играет никакой роли в живом человеке, за исключением функции покидания тела; ее «esse» является не чем иным, как «superesse»»⁵⁴³. По его мнению, сама идея отождествления псюхе-души с личностью живого человека впервые возникла, видимо, в Ионии⁵⁴⁴. Но уже у Анакреонта и Семонида ψυχή – «живое «я», точнее даже, жаждущее «я»; она берет на себя функции гомеровского *тюмоса*, а не гомеровского *нуса*. Между псюхе в этом смысле и сомой (телом) нет фундаментального противостояния; псюхе есть лишь ментальный коррелят сомы»⁵⁴⁵.

Э.Р. Доддс пишет, что «аттические авторы V в., как и их ионийские предшественники, употребляя термин «псюхе», подразумевают скорее эмоциональное «я», чем рациональное. О псюхе говорится как о вместилище отваги, страсти, жалости, беспокойства, животных инстинктов и почти никогда (вплоть до Платона) как об обители разума; ее диапазон столь же широк, сколь и гомеровский *тюмос*»⁵⁴⁶.

Исходя из разных данных, Э.Р. Доддсу приходится прийти к неутешительному выводу: «Я думаю, не будет большой ошибкой признать, что психологический словарь обычного человека в V в. находился в состоянии хаотического беспорядка, как это, собственно, бывает и сейчас»⁵⁴⁷.

Анаксимен (акме 546, ум. ок. 528 до н. э.), считавший единой праматерией безграничный воздух, говорил о мировом «дыхании» и в рамках параллелизма макро- и микрокосмоса впервые ввёл понятие мировой души (DK13 B 2)⁵⁴⁸. В пятом столетии до н.э. Диоген из Аполлонии учил, что душа,

⁵⁴³ Доддс Э.Р. Греки и иррациональное / Пер. с англ., комм. и указатель С.В. Пахомова; Послесл. Ф.Х. Кессиди. – СПб.: Алетейя, 2000. С. 203-204.

⁵⁴⁴ Ibid. P. 203.

⁵⁴⁵ Ibid. P. 204.

⁵⁴⁶ Ibid. P. 205.

⁵⁴⁷ Ibid. P. 205.

⁵⁴⁸ Лебедев А.В. Анаксимен // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 117-118.

сознательная и разумная часть человека, состоит из воздуха⁵⁴⁹. Как отмечает Р. Онианс, хотя эту теорию объясняют как модификацию учения Анаксимена, его позиция состоит том, что «и то, и другое, представляет собой продолжение традиционных представлений».

О взглядах пифагорейцев на душу традиция сохранила несколько разноплановые суждения. Так, например, тело является как бы принципом оформления души, которая, «будучи подобна телу» бродит по земле» (58B1a)⁵⁵⁰. В тоже время, по свидетельству Аристотеля, пифагорейцы учили, что души — это пылинки, носящиеся в воздухе, другие же называли душами то, что движет эти пылинки (De anima A2, 404a 16)⁵⁵¹.

Один из самых научных примеров решения указанных проблем представлен деятельностью мыслителя и практика Алкмеона из Кротона (акме ок. 500 до н.), который был пифагорейцем и врачом. Будучи пионером анатомических исследований, Алкмеон обнаружил глазные нервы, ведущие к мозгу (A 10). Отсюда был сделан гениальный вывод о том, что все ощущения (зрение, слух, обоняние, вкус) передаются по особым каналам (порос) от органов чувств (глаз, ухо, нос, язык) в мозг, который является центром сознания. Он первым из всех разделил мышление и ощущение, а также считал, что душа бессмертна и, подобно бессмертным небесным телам, находится в вечном круговом движении (A 12). Судя по всему, душа (ψυχή) понималась им отдельно от локализованного в мозге мышления: она отвечала за движение и ощущение, свойственные и животным, и находилась, возможно, в сердце (A 18)⁵⁵².

⁵⁴⁹ Онианс Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 52-53.

⁵⁵⁰ Тахо-Годи А.А. О древнегреческом понимании личности на материале термина *sōma* // Вопросы классической филологии III-IV. М., 1971. С. 286.

⁵⁵¹ Шахнович М.М. Парадоксы теологии Эпикура. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000. С. 52.

⁵⁵² Жмудь Л.Я. Алкмеон // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 99-101.

Для Гераклита единство человека и мира состоит в общей для них субстанции — «живом огне». Душа человека — это «огненная психея» (В 118)⁵⁵³. Гераклит проводит сравнение души-психеи с пауком, а тела — с паутиной: «Подобно тому, как паук, — говорит он, — находясь посреди паутины, чувствует, лишь только муха повреждает какую-либо его нить, и быстро туда бежит, как бы заботясь об исправлении нити, — так и человеческая психея, если какая-либо часть тела повреждена, как бы не перенося повреждения тела, с которым соединена крепко и соразмерно» (В67а)⁵⁵⁴.

Другим и наиболее важным предшественником Эпикура был Демокрит (ок. 460/457 - ок. 360 до н.). Не отступая ни от атомизма, ни от принципа «подобное познается подобным», Демокрит полагал, что душа состоит из мельчайших атомов шарообразной формы (того же вида, что и огонь), поэтому она сообщает телу тепло и движение — т. е. жизнь; при этом атомы души и тела физически «перемешаны». В досократовской традиции еще не было учения об иерархической структуре души, впервые разработанной Платоном. Для передачи идеи о центре сознания и понимания в человеке Демокрит использует и термин «душа» (ψυχή), и термины «познание» (γνώμη), «разум» (φρόνη), «размышление» (τὸ φρονεῖν), «мышление» (νοεῖν)⁵⁵⁵.

Весьма полезную информацию о взглядах Демокрита даёт доксография: Демокрит, считая, что душе (по природе) присуще движение, сказал, что она — огонь вследствие ее подвижности. Ведь он утверждает, что огонь состоит из шарообразных атомов, ибо шар — самое подвижное из всех тел, так как он касается плоскости только в одной точке (Филопон, комм. 67,

⁵⁵³ Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М.: Гардарики, 2003. С. 216.

⁵⁵⁴ Ibid. P. 228.

⁵⁵⁵ Солопова М.А. Демокрит // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 313.

10)⁵⁵⁶. Аэтий сообщает, что по Демокриту душа — это огнеобразное соединение умопостигаемых (частиц), имеющих шарообразные формы и огненную силу, (а это означает), что душа — тело (Аэтий IV 3, 5)⁵⁵⁷. Оба философа, Демокрит и Эпикур полагают, что душа смертна и гибнет вместе с телом» (Аэтий IV, 7, 4)⁵⁵⁸.

Э.Р. Доддс справедливо замечает, что «на вопросы, подобные вопросу о «душе», не было единого «греческого мнения»: наличествовал лишь беспорядочный набор противоречащих друг другу ответов»⁵⁵⁹.

Подводя итоги краткому экскурсу в проблему души, как её видели античные греки, мы неизбежно приходим к выводу о том, что на фоне наблюдаемого дробления умственной и эмоциональной деятельности человека по разным органам или компонентам души, на фоне отсутствия единства среди мыслителей, актуальной выглядит проблема перевода и рецепции греческой эпикурейской терминологии и понятий, относящихся к теме души, локализации мыслительного процесса и различных аффектов. Объектом нашего рассмотрения станут греко-латинские языковые параллели Эпикура, доксографии и Лукреция, отражающие понимание компонентов и структуры души. Основными целями последующего анализа следует обозначить получение представления о переводческих подходах Лукреция и степени корреляции взглядов на строение души у Эпикура и Лукреция.

Фундаментальность темы души ($\psi\upsilon\chi\eta$) для античной философии является очевидной и неоспоримой вещью. Подтверждением же ее важности для эпикурейской школы служит тот факт, какое место данной проблеме уделено философом в кратком изложении основ учения: в письме к Геродоту сразу после рассуждений о ключевом аспекте физики эпикуреизма – об атомах и пустоте. При этом необходимо признать, что сохранившиеся труды

⁵⁵⁶ Лурье С.Я. Демокрит. Тексты, перевод, исследования. Л.: Наука, 1970. С. 314.

⁵⁵⁷ Ibid. P. 316.

⁵⁵⁸ Ibid. P. 320.

⁵⁵⁹ Доддс Э.Р. Греки и иррациональное / Пер. с англ., комм. и указатель С.В. Пахомова; Послесл. Ф.Х. Кессиди. – СПб.: Алетейя, 2000. С. 260.

Эпикура дают крайне фрагментарный материал для реконструкции его представлений о душе. Даже упоминаемые знаменитые три письма «К Геродоту», «К Пифоклу» и «К Менекею» дошли до нас в изложении Диогена Лаэртского, составителя сборника «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».

Анализ цельных трудов Эпикура показал, что единственным устойчивым обозначением концепта «душа» у него выступает лексема ψυχή. Слово ψυχή, принадлежащее общему пласту лексики и уже давно прочно вошедшее в философский лексикон, употребляется 13 раз в письме к Геродоту (Ep. ad Herod.) и 1 раз в письме к Менекею (Ep. ad Menoec. 122), дважды в сентенциях Ватиканского собрания (Sent. Vat. LXIX, LXXXI), во фрагменте письма к Идоменею (Us. 138)⁵⁶⁰. Во всех засвидетельствованных случаях речь идет о человеческой⁵⁶¹ душе.

Этимологически существительное ψυχή «душа» связано с семантикой дыхания/выдыхания и охлаждения посредством дыхания или ветра, что в конечном итоге закрепилось в однокоренном существительном ψῦχος (-εος, τό) «прохлада, холод» и даже дало образования со значением сушить/сохнуть⁵⁶². Лексема, засвидетельствованная в языке уже с Гомера, вероятно, происходит от глагола ψύχω «дуть, дышать» и имеет важные параллели в греческом и других языках: πνεῦμα от πνέω «дуть, пахнуть, дышать», лат. *animus/anima* наряду с др.-инд. *ániti* «дышать». Об этимологической связи слова ψυχή «душа» со словом ἀναψύχω

⁵⁶⁰ К сожалению, остались недоступными для ознакомления фрагменты трактата «Περὶ φύσεως».

⁵⁶¹ О возможном наличии души у растений см. цитату Аэтия: Aetius (Plutarchus) V 26, 3 p. 438 D.

⁵⁶² Frisk H. ψυχή // Griechisches etymologisches Wörterbuch. B. II. Heidelberg, 1960. S. 1141-1142; Chantraine P. ψυχή // Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968-1980. Pp. 1294-1295; Beekes R. ψυχή // Etymological Dictionary of Greek / R. Beekes with the assistance of Beek L. van. 2 volumes. Leiden; Boston: Brill, 2010. Pp. 1671-1672.

«охлаждаю» говорится в диалоге Платона «Кратил» (399 е). В тепле усматривали сущность души Демокрит, Гераклит, Критий, поэтому для носителя языка вполне актуальной была ложная этимология слова ζῆν «жить» как производного от слова ζέω «киплю»⁵⁶³.

В свете лакунарности наследия Эпикура особое значение приобретают языковые установки афинского философа (Epic. Ep. ad Herod. 38, Cic. de fin. II 2, 6), о которых было сказано в параграфе 1.3 диссертации. В этих цитатах, помимо общего смысла, довольно существенны слова ἀνάγκη, *crebro* и *diligenter*, то есть Эпикур предписывает придерживаться принципа ясности как необходимости, и это является регулярным правилом.

Самую полезную информацию о взглядах греческого философа на строение человеческой души можно почерпнуть из письма к Геродоту, содержащего изложение основ атомистики, и из доксографии. Закончив доказательство равномерного характера движения атомов, Эпикур переходит к вопросу об атомарном строении души (Ep. ad Herod. 63): «...ὅτι ἡ ψυχὴ σώμα ἐστὶ λεπτομερὲς παρ' ὅλον τὸ ἄθροισμα παρεσπαρμένον, προσεμφερέστατον δὲ πνεύματι θερμοῦ τινα κράσιν ἔχοντι καὶ πῆ μὲν τούτῳ προσεμφερέες, πῆ δὲ τούτῳ...»⁵⁶⁴.

По данному определению видно, что душа по воззрениям Эпикура материальна и телесна⁵⁶⁵, и заметно, в какой мере Эпикур расходится с

⁵⁶³ См. сост. А. В. Сагадеевым примечание к странице 379 в: Аристотель. Метафизика // Собрание сочинений в 4-х томах / Под ред. В.Ф. Асмуса. Том I. Москва: Мысль, 1976. С. 500.

⁵⁶⁴ «...душа есть состоящее из тонких частиц тело, рассеянное по всему организму, очень похожее на ветер с какой-то примесью теплоты, и в одних отношениях похожее на первое (т. е. на ветер), в других – на второе (т. е. на теплоту) ...». Пер. С.И. Соболевского в: Лукреций. О природе вещей / Сост. Ф.А. Петровский. Т. II. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 551. «Ветер» - так Бейли, а вслед за ним и Соболевский переводят греческое πνεύματι; другие исследователи понимают его в смысле «дыхание».

⁵⁶⁵ См. детальный обзор материала о душе с точки зрения эпикуреизма, представленный в отдельной главке 5 «Душа, ее природа и проявления» комментария С. Бейли к Эпикуру: Epicurus. The Extant Remains with short critical Apparatus / Trans., ed. and noted by C. Bailey. Oxford: At the Clarendon Press, 1926: 225-227.

Демокритом⁵⁶⁶, поскольку последний считал, что душа — «это нечто вроде огня (πῦρ τι) или теплоты (θερμόν)». Посмеем здесь высказать предположение о том, что такое подобие взглядов на сущность и природу души связано с заимствованием общих представлений из концепции Демокрита Эпикуром с незначительными поправками, нацеленными, похоже, на некоторое дистанцирование от взглядов Демокрита⁵⁶⁷, а также от гераклитовского понимания души, так как Эпикур возражает против ее огненной природы.

Базовый тезис эпикуровой психологии порождает некий парадокс: куда же отнести такую физическую «эпикурейскую» душу, ведь понятие «душа» ψυχή находится на стыке 3 разделов – атомистического, этического и теологического пластов терминологии. Проблема включения термина в определенный раздел является не только когнитивной, но и одновременно идеологической: в зависимости от выбранной области принимается определенная позиция по отношению к природе и происхождению души. Поскольку сведения, приведенные у Диогена Лаэртского, однозначно подтверждаются доксографией и поэмой Лукреция, что душа по воззрениям

⁵⁶⁶ Аристотель «О душе» I, 2 (403b): «...некоторые утверждают, что душа есть главным образом и прежде всего нечто движущее; но, полагая, что недвижимое само не может приводить в движение другое, они причислили душу к тому, что движется. Поэтому Демокрит утверждает, что душа есть некий огонь и тепло» (пер. П. С. Попова под ред. М. И. Иткина в Аристотель 1976 (ред. В.Ф. Асмуса): 375). См. немного иной перевод: «Поэтому-то Демокрит и утверждает, что душа — это нечто вроде огня или теплоты» (пер. С.Я. Лурье в: Лурье С.Я. Демокрит. Тексты, перевод, исследования. Л.: Наука, 1970. С. 314).

⁵⁶⁷ О некоторых противоречиях в традиции об отношении Эпикура к Демокриту исследователи упоминают значительно реже преемственности: «... долгое время Эпикур сам называл себя последователем Демокрита, как сообщает Леонтей, один из главных учеников Эпикура, в письме к Ликофрону, и другие. Он говорит, что Демокрит был чтим Эпикуром за то, что первым приблизился к истинному знанию, да и вообще Эпикур называл эти исследования демокритическими, так как он первый открыл начала природы. Метродор же прямо заявляет в сочинении «О философии», что если бы Эпикур не имел предшественником Демокрита, то не достиг бы мудрости». (Плутарх. Против Колота 3 [Luria ХСVIII], пер. С.Я. Лурье в Лурье С.Я. Демокрит. Тексты, перевод, исследования. Л.: Наука, 1970. С. 203). В то же время сам Эпикур в письме к Еврилоху называл себя самоучкой (DL. X 13; Us. 123 P. 140). См. Шахнович М.М. Эпикур // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 815).

Эпикура материальна, то вопрос стоит определенно решить в пользу включения понятия ψυχή «душа» в атомистическую терминологию.

Из приведенного тезиса Эпикура о душе вытекают следующие 4 проблемы: какова природа души (материальна или нематериальна), каково строение души, какое место занимает душа в теле, и, наконец, как строится взаимодействие души и разума/мышления. Постараемся ответить на все по порядку.

Первый аспект – природа души – уже разъяснен в приведенной дефиниции: она есть физическое тело (σῶμα). Основное положение-контраргумент Эпикура против оппонентов состоит в том, что душа не является ἀσώματος «бестелесной» (Ep. ad Herod. 67), противоположные точки зрения – вздор: «...следует ясно понимать еще и то, что слово «бестелесное» (ἀσώματος) в наиболее обычном значении своем употребляется о том, что может мыслиться как нечто самостоятельное. Но самостоятельным нельзя мыслить что-нибудь иное бестелесное, кроме пустоты⁵⁶⁸... Поэтому говорящие, что душа бестелесна, говорят вздор. Ибо она не могла бы ничего делать или испытывать действие, если бы была таковою; однако оба эти (случайные) свойства ясно различаются по отношению к душе (Ep. ad Herod. 67)⁵⁶⁹».

Необходимо также помнить о четком разграничении одного из значений слова σῶμα, о чём упоминает Бейли: в значении «тело», «телесная оболочка» в словаре Эпикура оно включает в себя телесную ψυχή, когда же необходимо было исключить аспект души, философ называл телесную

⁵⁶⁸ В связи с этим приходит на ум поистине эпикурейская мысль Аверинцева: «...чтобы по-настоящему ощутить предмет, надо на него натолкнуться и ощутить сопротивление его непроницаемости; вполне проницаема только пустота».

⁵⁶⁹ Пер. С.И. Соболевского в: Лукреций. О природе вещей / Сост. Ф.А. Петровский. Т. II. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 551.

оболочку $\sigma\acute{\alpha}\rho\chi$ (KD IV и XX)⁵⁷⁰. Этот филологический нюанс также подтверждает уже упомянутую мысль О.М. Савельевой.

Подробно разобрав этимологию греческого слова $\sigma\tilde{\omega}\mu\alpha$, А.А. Тахо-Годи в своей статье приходит к выводу, что $\sigma\tilde{\omega}\mu\alpha$ в плане семантики «есть нечто объемное, крепкое, сильное, здоровое, невредимое, целостное и целое»⁵⁷¹. Однако, если взять ранние примеры этого слова в греческом языке, то можно наблюдать интересную картину: « $\sigma\tilde{\omega}\mu\alpha$, ... если и означает «тело», так только тело мертвое, т.е. материю, лишенную всякого личностного смысла, поистине бездушную, предельно косную материю»⁵⁷². Эту мысль подкрепляет Б. Снелль, замечая, что Гомер не знает слова «тело» и вместо этого говорит о «членах» $\gamma\upsilon\tilde{\iota}\alpha$, $\mu\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\alpha$. Учёный считает, что в языке Гесиода, Архилоха и Ксенофана $\sigma\tilde{\omega}\mu\alpha$ означает не более, чем труп, то есть не деятельное тело, а нечто подобное «туловищу»⁵⁷³.

Следовательно, материальность души довольно прозрачно постулируется греческим мыслителем, и можно заметить, что главный объект его критики вовсе не Платон, которого Эпикур называл «золотым» (DL X 8), и в учении о $\psi\upsilon\chi\eta$ которого душа определяется⁵⁷⁴ как $\sigma\omega\mu\alpha\tau\omicron\epsilon\iota\delta\eta\varsigma$ «досл. телообразный», «вещественный». Если бы душа была бестелесна, вероятно, она не имела бы границ и пределов своей сущности, но

⁵⁷⁰ Epicurus. The Extant Remains with short critical Apparatus / Trans., ed. and noted by C. Bailey. Oxford: At the Clarendon Press, 1926. P. 350.

⁵⁷¹ Тахо-Годи А.А. О древнегреческом понимании личности на материале термина $\sigma\tilde{\omega}\mu\alpha$ // Вопросы классической филологии III-IV. М., 1971. С. 276.

⁵⁷² Ibid. P. 277-78. Стоит обратить внимание на имеющуюся пару в греческом – $\sigma\tilde{\omega}\mu\alpha$ и $\delta\acute{\epsilon}\mu\alpha\varsigma$, а также, что в латинском языке при наличии параллели *cadaver* лексема *corpus* может обозначать живое и неживое тело (Ср. дальнейшую историю корня в англ. *corpse* и *corps*).

⁵⁷³ Снелль Б. Греческая метрика. Предисл. А.И. Зайцева, пер. с нем. Д.О. Торшилова. – М.: ГЛК, 1999. С. 64, прим. 1.

⁵⁷⁴ «...у Платона мы находим, главным образом, учение о душе, которая сама «теловидная» имеет «вид тела» ($\sigma\omega\mu\alpha\tau\omicron\epsilon\iota\delta\eta\varsigma$, Phaed. 83 d) и поэтому приходит в Аид «наполненная телом». Вся глава 30 «Федона» (81 b-e, 83 c-e) посвящена этой «теловидной душе». См. в: Тахо-Годи А.А. О древнегреческом понимании личности на материале термина $\sigma\tilde{\omega}\mu\alpha$ // Вопросы классической филологии III-IV. М., 1971, С. 285.

могла произвольно покидать рамки тела. Но это противоречит мнению в том числе и Аристотеля: «Но в движущейся вещи необходимо мыслить и материю. И ничто беспредельное не может иметь бытие»⁵⁷⁵ (Arist. Met. II 2, 994b).

Лукреций в полном согласии с тезисом, приведенным из письма к Геродоту, называет душу телесной – *corpoream naturam animi atque animai*, находя более простой и разговорный способ выразить соответствие греч. ἀσώματος – *sine corpore*:

Haec eadem ratio naturam animi atque animai
corpoream docet esse; ubi enim propellere membra,
corripere ex somno corpus mutareque vultum
atque hominem totum regere ac versare videtur,
quorum nil fieri sine tactu posse videmus
nec tactum porro sine corpore, nonne fatendumst
corporea natura animum constare animamque? (III 161-67)

Эти же доводы нам говорят, что телесна природа
Духа с душой, раз она и членами движет, и тело
Будит внезапно от сна, и меняет лица выраженье,
И человеком она целиком руководит и правит.
Этого можно достичь не иначе, как осязаньем,
А осязания нет без тела. Не ясно ль отсюда
Нам, что и дух и душа обладают телесной природой?

Перейдем к второй поставленной задаче – строению души в эпикурейской философии. Вопрос является не настолько абсурдным, как мог бы показаться на первый взгляд, поскольку ко времени Эпикура в греческой философии уже сложилась определенная традиция выделения каких-либо компонентов в душе. О некой частичности и составлении целого из души и тела говорил ещё Левкипп⁵⁷⁶, который называл тело – «кусочек души» (ψυχῆς

⁵⁷⁵ Русский перевод (А.В. Кубицкого под ред. М.И. Иткина) цитируется по изданию: Аристотель. Метафизика //Собрание сочинений в 4-х томах. Том I. М.: Мысль, 1976. С. 97.

⁵⁷⁶ «...тело, по свидетельству атомиста Левкиппа (67 А 35), есть не что иное, как «кусочек души» (ψυχῆς ἀπόσπασμα), то есть душа, видимо, мыслится здесь также материально».

ἀπόσπασμα⁵⁷⁷). Наиболее знакомый широким кругам пример платоновского строения души – Платон⁵⁷⁸ одним из первых разложил душу на три составные части: разумную (в голове), аффективную, или движимую страстями (в груди), и вожделеющую (под диафрагмой)⁵⁷⁹.

Сразу после первой половины основной дефиниции (Er. ad Herod. 63), которая была рассмотрена выше, далее по тексту у Эпикура следует неясное выражение, которое британский ученый С. Бейли трактует как упоминание третьего компонента души – ἔστι δέ τι μέρος.

По мнению Бейли, сведения приведены в указанной выше дефиниции из письма к Геродоту в согласии с традицией, но более сжато, что он доказывает привлечением материала из поэмы Лукреция и других источников. Действительно, наряду с πνεῦμα и θερμόν, которым в тексте Лукреция (III 231-37) соответствуют первому – ventus и aura⁵⁸⁰, второму – calor/vapor, римский поэт добавляет третий объект сравнения – aer, что нельзя ни в коем случае считать инновацией, поскольку, как мы увидим, он находит надежное подтверждение в доксографии. Вероятно, именно поэтому Ян Волтер предлагает правку текста с добавлением уточняющего и существенно влияющего на смысл высказывания слова ἀέρος⁵⁸¹:

См. в: Тахо-Годи А.А. О древнегреческом понимании личности на материале термина *sōma* // Вопросы классической филологии III-IV. М., 1971. С. 286.

⁵⁷⁷ Ср. очень интересную параллель терминологии у стоика Эпиктета, что человеческие души – частицы и «сколки» бога (ἀποσπασματα I 14, 6; ср. II 8, 11) в: Столяров А.А. Эпиктет // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 813.

⁵⁷⁸ Rist John M. Plato says that we have tripartite souls. If he is right, what can we do about it? 103-124 // *Man, Soul and Body: Essays in Ancient Thought from Plato to Dionysius*. (Variorum Collected Studies Series). Aldershot. 1996.

⁵⁷⁹ См. сост. А. В. Сагадеевым примечание к странице 392 в: Аристотель. Метафизика // *Собрание сочинений в 4-х томах*. под ред. В.Ф. Асмуса. Том I. Москва, «Мысль», 1976. С. 501.

⁵⁸⁰ Петровский в своем комментарии (Лукреций. О природе вещей / Сост. Ф.А. Петровский. Т. II. С. 399) придерживается такой же позиции: θερμόν (vapor, calor) и πνεῦμα (aura, ventus). Бейли очевидную параллель πνεῦμα – aura (III 232) по какой-то причине не заметил, либо проигнорировал.

⁵⁸¹ Woltjer Jan. *Lucretii philosophia cum fontibus comparata (Specimen litterarium)*. Diss. Groningae: apud P. Noordhoff, 1877. P. 189.

«προσεμφερέστατον δὲ πνεύματι θερμοῦ τινα κράσιν ἔχοντι καὶ ἄέρος πῆ μὲν τούτῳ προσεμφερές, πῆ δὲ τούτῳ...».

Первый аргумент в пользу наличия долей души, очевидно, необходимо базировать на языковых принципах самого философа: декларируемое стремление Эпикура к ясности и богатство творческого наследия в эпоху расцвета его школы – хорошая среда для адекватного восприятия философии данного направления. Отсюда следует, что суждения и цитаты потомков должны быть менее подвержены искажению, ложным интерпретациям и «вчитыванию» собственных смыслов. Поэтому, если таков дошедший до нас текст Диогена Лаэртского, такая же информация, говоря об идейном содержании и не касаясь проблемы аутентичности терминов, содержалась в собственных трактатах Эпикура.

Второй аргумент за выделение компонентов души — это наличие надежной доксографии. Поэтому в условиях лакунарности трактатов особенно не стоит пренебрегать доксографией, которая предоставляет в случае данного философа самую ценную информацию: это Аэтий (Aetius IV 4, 6 DK Vorsokr. A105 (Plut. IV 4, 3)), Плутарх (Plutarchus adu. Coloten 20 p.1118^d), Макробий (Comment. I 14, 20), Александр Афродисийский⁵⁸² (De anima I 8 f. 127^u). О трудностях качественной работы с фрагментами философов точно высказалась Васильева Т.В.: «Наука нового времени пытается реконструировать по этим реликвиям картину развития древнейшей греческой философии – это задача достаточно трудная, но еще труднее по

⁵⁸² Александр Афродисийский (кон. II - нач. III в. н.э.) – комментатор Аристотеля, глава Перипатетической школы в Афинах. Преподавал его философию, но, вероятно, не в Афинах, между 198 и 209 гг. Последний, кто толковал Аристотеля «с помощью Аристотеля», без привлечения неоплатонического словаря. Сохранились его комментарии на «Метафизику» (подлинны комм. на кн. I-V), «Первую Аналитику» (кн. I), «Топику», «О чувственном восприятии», «Метеорологию», другие широко цитируются последующими писателями. Подробнее о нём см.: Солопова М.А. Александр Афродисийский // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 83-89. Sharples R.W. Alexander of Aphrodisias // The Oxford classical dictionary / Edd. S. Hornblower, A. Spawforth, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 1999. P. 61.

расплывчатым (без кавычек) цитатам судить о языке этой философии и о литературных жанрах ее произведений»⁵⁸³.

Доступные нам свидетельства доксографов не дают стройной и непротиворечивой картины как с точки зрения количества частей души, так и с точки зрения последовательности их обозначения. Встречаются двухчастное (Аэтий), трёхчастное (Плутарх, Макробий), четырёхчастное (Аэтий) и деление на неопределённое множество (Александр Афродисийский).

Третий аргумент в пользу выделения компонентов души – использование в дефиниции и доксографии особых недвусмысленных прилагательных и существительных: λεπτομερής, 2 «состоящий из мелких частиц» и διμερής, 2⁵⁸⁴ «состоящий из двух частей, двудольный»; σύνθετος «сложный, составной»; существительных *species*, κρᾶμα, στοιχεῖον, подразумевающих не уникальность предмета.

Важная цитата Аэтия и схолий к письму Эпикура говорят о двухчастном делении души: Δημόκριτος, Ἐπίκουρος διμερῆ τὴν ψυχὴν, τὸ μὲν λογικὸν ἔχουσιν ἐν τῷ θώρακι καθιδρυμένον, τὸ δ' ἄλογον καθ' ὅλην τὴν σύγκρισιν τοῦ σώματος διεσπαμένον (Aetius IV 4, 6 DK Vorsokr. A105 (Plut. IV 4, 3)). ψυχὴ ἄλογος: καὶ τὸ μὲν τι ἄλογον αὐτῆς, ὃ τῷ λοιπῷ παρεσπάρθαι σώματι, τὸ δὲ λογικὸν ἐν τῷ θώρακι (Sc. Ad Epist. Ad Herod. 67).

В этих ценных свидетельствах находится решение третьей поставленной задачи, какое место занимают душа и разум в теле человека: где расположены разумная (в груди) и неразумная части души (по всему телу), и, соответственно, происходит мышление и зарождаются чувства.

⁵⁸³ См. Васильева Т.В. Философия и поэзия Лукреция как выражение единого мироощущения // Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикста, 2008. С. 29.

⁵⁸⁴ Ср. таким прилагательным, например, Аристотель характеризует мозг (ἐγκέφαλος).

Именно это двухчастное деление окажет существенное влияние на терминологическую практику Лукреция – противопоставление *animus* и *mens* (λογικόν) с одной стороны жизненной энергии *anima* (ἄλογον) с другой.

Обратимся к свидетельствам о трёхчастном делении. Плутарх элементами в составе души называет три: «ἔκ τινος θερμοῦ καὶ πνευματικοῦ καὶ ἀερώδους» (Plut. adu. Coloten 20 = Us. 314). Макробий согласен с ним по числу элементов, но отступает в одном случае от точной передачи эпикурейских первоисточников, заменяя «θερμοῦ τινα κρᾶσιν ἔχοντι» «с какой-то примесью теплоты» или лукрециевы *calor/vapor* на упрощенческую формулировку *ex igne*: «Epicurus (animam dixit) speciem ex igne et aere et spiritu mixtam» (Macrobius comment. I 14, 20). Судя по цитате Макробия, возникает подозрение, что он явно незнаком с латинским терминологическим аппаратом, вводимым Лукрецием, но, по-видимому, переводит с какого-то греческого источника, имевшего вместо ἔκ τινος θερμοῦ нечто вроде ἔκ πυρώδους или ἔκ τινος/ ἔκ ποιοῦ πυρός, так чтобы получить простое слово *ignis* «огонь». Физический термин σῶμα в латинском тексте Макробия по какой-то причине оказывается заменен на *species* «образ».

Если с тем, что такое душа, все более-менее понятно, то в вопросе с загадочными тремя сущностями, что они такое и каким образом их называть, все обстоит гораздо запутаннее и походит на апорию. Коварство греческого языка в том, что он допускает эллипсы, которые трудно интерпретировать вне контекста, особенно в философском дискурсе. Так, например, Аэтий единственный упоминает четвертую часть души и приводит очень ценные сведения, но называет душу загадочным словом κρᾶμα «смесью» из четырех непоименованных частей: «...Ἐπίκουρος (τὴν ψυχὴν) κρᾶμα⁵⁸⁵ ἔκ

⁵⁸⁵ Обращи внимание на любопытное современное Лукрецию сочинение с похожей лексемой, упоминаемое М.А. Солоповой: «Кроме того, у Андроника Родосского (сер. 1 в.

τετάρων, ἐκ ποιοῦ πυρώδους, ἐκ ποιοῦ ἀερώδους, ἐκ ποιοῦ πνευματικοῦ, ἐκ τετάρτου τινὸς ἀκατονομάστου· τοῦτο δ' ἦν αὐτῶ τὸ αἰσθητικόν. Ὡν τὸ μὲν πνεῦμα κίνησιν, τὸν δὲ ἀέρα ἠρεμίαν, τὸ δὲ θερμὸν τὴν φαινομένην θερμότητα τοῦ σώματος, τὸ δ' ἀκατονόμαστον τὴν ἐν ἡμῖν ἐμποιεῖν αἴσθησιν· ἐν οὐδενὶ γὰρ τῶν ὀνομαζομένων στοιχείων εἶναι αἴσθησιν» (Aet. IV 3, 11 p. 388 D (Stob. ecl. phys. 41 p. 798 Plut. IV 3, 4) = Us. 315). В изложении Аэтия это звучит так: Эпикур считает душу смесью из 4 компонентов-частей: огненной, воздушной, ветреной и некоей четвертой безымянной, которая была для Эпикура органом чувств. Указанный фрагмент – единственный из источников, который определяет 4 части души термином στοιχεῖον, в то время как все прочие избегают подобных уточняющих апеллативов.

В представленных дефинициях бросается в глаза некая приблизительность и отсутствие точности, привычной в случае с другими терминами атомистики в языке Эпикура. Во-первых, прилагательное προσεμφερής, -ές не значит «тождественный», а всего лишь «похожий», «сходный». Во-вторых, другие выражения, приводимые доксографами, – осторожные ἐκ τινος, ἐκ ποιοῦ, а также πυρώδους, ἀερώδους с составным корневым компонентом «-видный» являются устойчивыми в контексте о душе характеристиками. Таким образом, становится вероятным, что в оригинальных творениях Эпикура не ставился знак равенства между конкретным веществом и «сущностями» души, а философ называет лишь похожее по физическим свойствам вещество.

до н.э.) было сочинение (возможно, тоже комментарий), в котором обсуждались некоторые вопросы учения о душе, а именно: в нем он 1) определял сущность души как «телесное смешение или телесную силу» (κρᾶσιν ἢ δύναμιν ... τοῦ σώματος) (Galen. Quod an. mor., t. 4, 782, 17-18). 2) рассматривал определение души у Ксенократа и критику его Аристотелем (Themist. De an. 31, 1-3 - мнение «Андроника и Порфирия», что указывает на цитирование Порфирия). См.: Солопова М.А. Андроник Родосский // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 127.

Наконец, наиболее обобщающее и неконкретное определение души принадлежит Александру Афродисийскому: «καὶ οἱ περὶ Ἐπίκουρον· καὶ γὰρ κατ' ἐκείνους σύνθετος ἡ ψυχὴ ἐκ πλειόνων τινῶν καὶ διαφερόντων σωμάτων (Alexander Aphr. de anima I 8 f. 127^u inf.)». Он подтверждает своим упоминанием ставший несомненным на основании проведенного изучения традиции тезис, что душа не однородное, а многосоставное вещество. Возможно, Александр пользовался текстами трактатов Эпикура схожими с теми, которые были в наличии у Лукреция. Его формулировка σύνθετος «сложный», «составленный» очень близка по функции глаголу *constare* в тексте римского поэта (III 203-205).

Сведения Александра Афродисийского не дают однозначного ответа, всё же из чего именно состоит душа, так как слово σῶμα довольно многозначно. В соответствии с основным тезисом атомистики физических тел (Lucr. I 483-484) эти части души могли бы быть телами (σῶμα) как *corpora/primordia/ principia* и т.д «атомы» или во втором смысле, то есть как *concilium principiorum*.

Как мы знаем, душа материальна в эпикурейской философии; единственное, что может ее образовывать – это атомы, которые наделены, по замыслу Эпикура, «наилучшими» характеристиками: они очень маленькие (*perquam minuta corpora* III 179-80, *perquam parva corpora* III 204-05, *perparva semina* III 216-17), очень круглые (*perquam rotunda semina* III 186-87, *perquam rotunda corpora* III 204-5), очень гладкие (*perquam levia corpora* III 204-05), сама же душа характеризуется как «тончайшая» (*animus persuptilis* III 177-79)

Is tibi nunc animus quali sit corpore et unde
constiterit pergam rationem reddere dictis.
principio esse aio persuptilem atque minutis
perquam corporibus factum constare. id ita esse
hinc licet advertas animum, ut pernoscere possis. (III 177-81)

Дальше теперь, какова в этом духе телесная сущность
И состоит из чего, я тебе объясню по порядку.

Прежде всего, укажу, что дух из тончайших, мельчайших
Тел основных состоит. В этом можешь легко убедиться,
Если к тому, что скажу я в дальнейшем, внимателен будешь.

nunc igitur quoniamst animi natura reperta
mobilis egregie, perquam constare necessest
corporibus parvis et levibus atque rutundis... (III 203-05)

Так как теперь установлено мной, что духа природа
Крайне подвижна, то он состоит, несомненно, из самых
Маленьких тел, что должны быть также и гладки и круглы.

ergo animam totam perparvis esse necessest
seminibus nexam per venas viscera nervos... (III 216-17)

Значит, душа сплетена в своем целом составе из очень
Мелких семян, находясь в сухожилиях, жилах и мясе.

Далее, если на вопрос, какое место занимает душа в теле, дают параллельный ответ доксография и Лукреций, то решение четвертой задачи (как строится взаимодействие души и разума/мышления) доксография почти не даёт. Для этого придётся обратиться к поэме «О природе вещей».

Подводя итоги изучения греческой традиции об эпикурейском понимании души, необходимо признать отсутствие единого точного устойчивого варианта для каждого компонента по отдельности. Из проделанного обзора доксографии складывается ощущение противоречия кредо Эпикура и сохранившегося многообразия в доксографии. Несмотря на приверженность эпикурейской традиции, суммируя все данные из трактатов Эпикура, Лукреций вынужден как-то называть по-латински эти тесно переплетенные компоненты души. Это он делает посредством выражений *partes animai* (III 254-55), *multae vis* (265), некоторые из них по отдельности обозначает как *potestas* (*venti caeca potestas*, *potestas aeris*), демонстрирует особую смекалку, придумывая целую серию оборотов для обозначения самой трудной, четвертой части души (*quarta natura*): *mobilis illa vis* (270-71), *ipsa anima totius animae* (275), *quarta natura animi omnino nominis expers* (III 241-42).

Методически верным было бы сравнить материал Лукреция по структуре души в том числе с языковой картиной римлян периода ранней римской истории. Однако невозможность такого напрашивающегося сопоставления из-за лакунарности наших данных и порождаемых этим фактором трудностей уже отмечались в работах учёных: «Именно отсутствие данных о первоначальных представлениях римлян вынуждает меня порой (когда речь заходит о строении мира или о судьбе) воздерживаться от специального разговора о них».⁵⁸⁶ Поэтому кажется оправданным довериться компетентному мнению Р. Онианса в том, что «представления римлян о свойствах и местоположении разума весьма схожи с греческими».

Максимальная концентрация описаний структуры и характеристик души достигается в III книге, следуя за разбором атомизма и движения. Структура души по Лукрецию оказывается четырёхчастна: *animus*, *anima*, *mens* и *quarta natura animi*.

В такой ситуации Лукрецию приходится проявлять изобретательность, и он придумывает довольно удачные варианты для тех греческих терминов, которые для нас утрачены в первоисточниках: для θερμόν/ ἕκ τινος θερμοῦ/ ἕκ ποιοῦ πυρώδους – *calor motus*, для πνεῦμα и ἕκ τινος/ ἕκ ποιοῦ πνευματικῶν – *venti caeca potestas*. Оставляя *aer* в первый раз без определения характера этого вещества, Лукреций делает это осознанно, подчиняя изложение риторической технике: три сущности-силы вводятся различным синтаксическим оформлением, придавая живость материалу и ускорение повествованию неосложненным *aer* и бессоюзием (ἄσύνδετον) *inde-inde*. Однако далее лексема *aer* также получает свою формулу – *potestas aeris* (286-87).

⁵⁸⁶ Р. Онианс. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 22-23.

3.2. *animus* и *mens* (τὸ λογικόν)

Лексема *animus* «дух, разумное начало» и *anima* «душа, жизненное начало»⁵⁸⁷ образованы с помощью суффикса -*mo-* < *-*mo-* (в женском роде -*mā-* < *-*mā-*), который обычно служит для образования превосходной степени и порядковых числительных (ср. ранее обсуждавшееся схожее образование *prima*) и встречается в немногочисленном ряду слов (ср. *fāma*, *ae, f* - молва; *fūmus, i, m* - дым)⁵⁸⁸.

Традиция объединённого понимания души и разума идёт ещё от Демокрита: «Демокрит же утверждает, что душа и разум просто одно и то же: ибо то, что нам представляется, и есть истинное бытие (Аристотель. О душе I, 2)» и «Душа составлена из гладких и круглых телец, она тождественна с разумом» (DL IX 44)⁵⁸⁹.

Эпикур в общем повторяет двухчастную концепцию души Демокрита и местоположение этих частей в организме человека:

Aetius IV 4, 6 DK Vorsokr. A105 (Plut. IV 4, 3): Δημόκριτος, Ἐπίκουρος διμερῆ τὴν ψυχὴν, τὸ μὲν λογικὸν ἔχουσαν ἐν τῷ θώρακι καθιδρυμένον, τὸ δ' ἄλογον καθ' ὅλην τὴν σύγκρισιν τοῦ σώματος διεσπασμένον.

Scolion Ad Epist. Ad Herod. 67: καὶ τὸ μὲν τι ἄλογον αὐτῆς, ὃ τῷ λοιπῷ παρεσπάρθαι σώματι, τὸ δὲ λογικὸν ἐν τῷ θώρακι.

В полном согласии с концепцией Демокрита и её вариантом у Эпикура Лукреций делает соответствиями разумной части души (τὸ λογικόν) латинские лексемы *mens* и *animus*. Греческое понятие (τὸ

⁵⁸⁷ Н.К. Малинаускене схожим образом верно указывает русский перевод для данных частей души в своём пособии, но, к сожалению, относит всё без разделения к *animus* – «дух, разумное начало, мысль; жизненное начало, душа». При этом на с. 86, вслед за З.А. Покровской, приведено верное понимание соотношения разумного и жизненного начал. См.: Малинаускене Н.К. Введение в историю латинского языка (классический период): Курс лекций. Материалы для практических занятий. М.: ГЛК, 2006. С. 39, 86.

⁵⁸⁸ Ibid. См. также Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка.

Общоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / Под общей ред. Н.Н. Казанского. 2-е доп. изд. М.: Индрик, 2001. С. 408.

⁵⁸⁹ См. № 68, № 69 в: Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л.: Наука, 1970. С. 316-317.

λογικόν) также объясняется как *regimen* (Ш 95), *consilium vitae regimenque*. В этой связи необходимо помнить о более традиционном платоновском термине (ἡγεμονικόν) и его латинском переводе Цицерона (*principatus* Cic. De nat. deor. II 29)

Доказательством тому факту, что *animus* обозначает разумную часть души, служит окружение термина – ментальная лексика, никогда не фигурирующая со словом *anima*: hoc animi demum ratio discernere debet (IV 384), propter opinatus animi, quos addimus ipsi (IV 465). Также подтверждают это такие употребления, как в случае признания, что язык – посредник разума: atque animi interpret manabat lingua cruore (VI 1149).

Схожую ситуацию мы наблюдаем для греческого языка. Так, Е.В. Орлов пишет, что в трактате «О душе» Аристотель вводит глагол «принимать» в определение «ума»: «...Умом же называю то, чем душа размышляет и принимает (ὑπολαμβάνει)» (Ш 4, 429a23). А «допускаются» (как «допущения») непосредственные посылки силлогизма»⁵⁹⁰. О.М. Савельева делает любопытное уточнение в отношении греческого понятия νοῦς: «В то же время nous отличается ментальным смыслом наиболее отвлеченного характера и, в соотношении с семантикой phren и thymos, наименее всего связан со сферой эмоций»⁵⁹¹.

Местоположение *mens* и *animus* чётко определено в середине груди (Ш 140) (στῆθος), *anima* локализуется по всему телу, что полностью согласуется со свидетельством доксографии о двухчастном строении души (Аэтий):

Et quoniam mens est hominis pars una locoque
fixa manet certo, vel ut aures atque oculi sunt
atque alii sensus qui vitam cumque gubernant... (Ш 548-50)

Кроме того, если ум есть часть человека, в котором
Место известное он занимает, как глаз или ухо,
Или любое из чувств, управляющих жизни движеньем...

⁵⁹⁰ Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля / Отв. ред. В.П. Горан. Новосибирск: СО РАН, 2011. С. 37.

⁵⁹¹ Савельева О.М. Содержание понятия «нус» в греческой литературе VII—VI вв. до н.э. // Из истории античной культуры. М., 1976. С. 31.

Лукреций довольно последователен, а потому старается объяснять свой метод использования терминологии. От первого лица он вводит дефиницию, что свидетельствует об особой важности излагаемого предмета. Таким образом, очевидно, что *animus* и *anima* преимущественно выступают как взаимозаменяемые синонимы:

tu fac utrumque uno subiungas nomine eorum
atque *animam* verbi causa cum dicere pergam,
mortalem esse docens, *animum* quoque dicere credas,
qua tenus est unum inter se coniunctaque res est. (III 421-24)

Ты ж, под названьем одним понимая и то и другое,
Знай, что когда, например, говорю о душе я и смертность
Я доказую ее, то и дух вместе с ней разумею,
Ибо и дух и душа составляют единую сущность.

Более того, две сущности души, *animus* и *anima*, составляют одно целое, которое Лукреций выражает числительным «unum» и словосочетанием «coniunctaque res est», с неоднократно встречавшимся в некоторых обыденных выражениях и некоторых терминах расплывчатым в своей многозначности компонентом «res».

Компоненты души являются материальными и переплетены между собой. Метафора плетения, применяемая к учению о материи и атомах, также получает достойное место в учении о душе, по-видимому, будучи спроецированным из первого (*inplexis principiis; consorti praedita vita* III 329-334).

Атомы души в атомистике Эпикура, а, следовательно, и Лукреция очень маленькие и быстрые. Поэтому они сравниваются по размеру и форме с жидкостью, туманом и дымом:

Principio quoniam tenuem constare minutis
corporibus docui multoque minoribus esse
principiis factam quam liquidus umor aquai
aut nebula aut fumus; nam longe mobilitate
praestat et a tenui causa magis icta movetur,
quippe ubi imaginibus fumi nebulaeque movetur...(III 425-430)

Прежде всего, состоит эта тонкая сущность из мелких
Тел, как сказал я уже, и начала ее несравненно
Меньше, чем те, из каких образуется жидкая влага,
Или туман, или дым, потому что она превосходит
Живостью их далеко, и малейший толчок ее движет,
Ибо и призрак тумана иль дыма ее уже движет.

Постановка вопроса о тумане и дыме напоминает нам уже рассмотренные компоненты вещества души: ἔκ τινος/ ἔκ ποιοῦ πνευματικοῦ – *venti caesa potestas*; ἔκ ποιοῦ ἀερώδους – *potestas aeris* (286-87), а также обобщающее *animi vis animaeque potestas*.

3.3. *anima* (τὸ ἄλογον)

Регулярно лексема *anima*, выступая в качестве термина, означает «душа» как «жизненная сила». Поэт описывает её как неразумную и не участвующую в управлении и мышлении часть души. Иногда может описывать души умерших (IV 37), выступая в качестве синонима слова *umbra*. Также бывает, что Лукреций допускает деление сущности *anima* на части словно это некое вещество.

К объяснению взаимоотношений в паре *animus-anima* Лукреций возвращается неоднократно:

Et magis est *animus* vitae claustra coercens
et dominantior ad vitam quam *vis animai*.
nam sine *mente animoque* nequit residere per artus
temporis exiguam partem *pars ulla animai*,
sed comes insequitur facile et discedit in auras
et gelidos artus in leti frigore linquit. (III 396-401)

Поскольку *animus* и *anima* синонимы, то, говоря о смертности души, поэт может применять любую из лексем:

Nil igitur mors est ad nos neque pertinet hilum,
quandoquidem *natura animi* mortalis habetur. (III 830-31)

При этом лексема *anima* является, стоит признать, не самым удачным выбором термина для такой большой поэмы. Однако это не случайно, что

она может передавать натурфилософское понятие «воздух», заменяя более ожидаемое слово *aer*: *ex igni terra atque anima procreare et imbri* (I 715).

3.4. *quarta natura animi nominis expers* (ἀκατονόμαστος)

Подводя промежуточный итог, Лукреций признаёт, что сущность души троична. И далее добавляет 4 часть сильно отличную от предыдущих:

Nec tamen haec simplex nobis natura putanda est. (III 231)

Но вместе с тем невозможно считать, что проста их природа.

iam triplex animi est igitur natura reperta... (III 237)

Значит, нашли мы уже, что тройственна духа природа.

*quarta quoque his igitur quaedam natura necessest
adtribuatur; east omnino nominis expers...* (III 241-42)

Вследствие этого нам четвертую некую сущность

Надо прибавить еще. Никакого ей нету названья,

Именно здесь, в пассаже о четырёх компонентах души, при изложении единого сосуществования этих сущностей (III 258-260), Лукреций признается, что испытывает серьезные трудности – *abstrahit invitum patrii sermonis egestas* (III 260). Именно в ситуации с переводом материала о сущностях души на латинский язык он вынужден пожаловаться на бедность родного языка, то есть на невозможность адекватно перевести непростую философскую терминологию.

*quarta quoque his igitur quaedam natura necessest
adtribuatur; east omnino nominis expers;
qua neque mobilius quicquam neque tenuius extat
nec magis e parvis et levibus ex elementis;
sensiferos motus quae didit prima per artus.* (III 237-45)
*prima cietur enim, parvis perfecta figuris,
inde calor motus et venti caesa potestas
accipit, inde aer, inde omnia mobilitantur:* (III 246-48)

Однако, поэт демонстрирует особую смекалку, придумывая целую серию оборотов для обозначения самой трудной, четвертой части души

(quarta natura): mobilis illa vis (270-71), ipsa anima totius animae (275), quarta natura animi omnino nominis expers (III 241-42), nominis haec expers vis.

Эта четвертая часть души (τέταρτον ἀκατονόμαστον (στοιχεῖον)) служит, по замыслу Эпикура, для восприятия чувств (τοῦτο δ' ἦν αὐτῶ τὸ αἰσθητικόν), все остальные этого делать не могут. После некоторого рассуждения Лукреций приходит к выводу, что, исходя из важности функций 4й части, можно называть её *ipsa anima totius animae* (275), *animi vis animaeque potestas*:

nam penitus prorsum latet haec *natura* subestque
nec magis hac infra quicquam est in corpore nostro
atque *anima* est *animae* proproro totius ipsa.
quod genus in nostris membris et corpore toto
mixta latens *animi vis* est *animaeque potestas*,
corporibus quia de parvis paucisque creatast,
sic tibi *nominis haec expers vis*, facta minutis
corporibus, latet atque *animae* quasi *totius ipsa*
proprorost *anima* et dominatur corpore toto. (III 273-81)

Сила ведь эта, таясь, заключается в самых далеких
Недрах, и в теле у нас ничего не находится глубже,
Так что душою души она, в свою очередь, служит.
В этом же роде и в членах у нас и во всем нашем теле
Силы таятся души и способности духа в смешеньи,
Так как тела, из каких они созданы, малы и редки.
Так же и та у тебя безыменная сила из мелких
Тел состоит и, сокрыто таясь, представляет собою
Душу для целой души и над целым господствует телом.

Четвёртая часть души связана с чувствами, а её деятельность иллюстрируется процессом сна (IV 916-28).

Когда Лукреций в третий раз говорит о ней, он применяет контаминацию определений: *nominis haec expers vis* (III 279), а сама эта четвертая часть души таятся (*latet*) где-то в глубине тела и управляет (*dominatur*).

sic tibi *nominis haec expers vis*, facta minutis
corporibus, *latet* atque *animae* quasi *totius ipsa*
proprorost *anima* et *dominatur* corpore toto. (III 279-81)

Говоря о слове *pars* следует указать, что оно не является строгим термином, а значит нечто вроде «неопределенные по количеству части-куски»:

nec temere huc dolor usque potest penetrare neque acre
permanere malum, quin omnia perturbentur
usque adeo <ut> vitae desit locus atque *animai*
diffugiant partes per caulas corporis omnis. (III 252-55)

Для иллюстрации взаимоотношения души и тела, а также цельности и взаимозависимости частей души лучшим примером служит один красочный образ: аналогия стойкой связи между запахом и благовониями/ладаном. Запах словно душа отделяется при гибели вещи:

quod genus e thuris glaebis evellere odorem
haud facile est, quin *intereat natura* quoque eius,
sic *animi* atque *animae naturam* corpore toto
extrahere haut facile est, quin omnia dissoluantur. (III 327-30)

Вроде того как нельзя из комочков смолы благовонной
Было бы запах извлечь без того, чтоб она не пропала,
Так же и душу и дух невозможно из целого тела
Было б исторгнуть, чтоб всё разложению тогда не подверглось...

Как это нередко бывает у поэта, термин соседствует в данном случае с омонимичной лексикой обыденного языка: *animi* atque *animae naturam* специально помещено в следующем после *intereat natura* стихе.

Выводы к Главе III:

Структура души, как она представлена у Лукреция, в основном повторяет традиционную эпикурейскую модель, какую всё же невозможно проследить по сохранённым у Диогена Лаэртского сочинениям Эпикура. Лукреций был хорошо знаком с трактатами философа, так как структура души, описанная в поэме, имеет больше точек соприкосновения с доксографией, чем с известными письмами и афоризмами.

Терминология семантического поля «душа» оказывается отчасти предопределена базовостью лексем (*animus*, *anima*, *mens*) и концепцией

сложной многосоставной души, поэтому вся группа стандартной синонимичной латинской лексики оказывается задействована.

Лукреций пользуется методом калькирования наиболее характерных эпикуровых выражений: так, из ἡ τῆς ψυχῆς φύσις он получает *natura animi*.

При существовании в доксографической традиции четырёх вариантов строения души доминирующими становятся двухчастная и четырехчастная модели (по Аэтию).

Прилагательные и существительные, задействованные в дефинициях, раскрывающих строение души, – весомый аргумент в пользу признания наличия частей души. Используется собственно существительное μέρος, не избегаются прилагательные с семантикой *многосоставности*: λεπτομερής, 2 «состоящий из мелких частиц» и διμερής, 2 «состоящий из двух частей, двудольный»; σύνθετος «сложный, составной». Однократно фиксируются несинонимичные существительные – species, κρᾶμα, στοιχεῖον, подразумевающие скорее принадлежность к группе, а не уникальность предмета.

Из недостатков терминологического метода римского поэта следует отметить, что описательные выражения лексического поля «вещество души» (θερμόν/ ἔκ τινος θερμοῦ/ ἔκ ποιοῦ πυρώδους – calor motus; πνεῦμα и ἔκ τινος/ ἔκ ποιοῦ πνευματικοῦ – venti caeca potestas; ἔκ ποιοῦ ἀερώδους – potestas aeris (286-87), ἔκ τετάρτου τινὸς ἀκατονομάστου – quarta natura animi omnino nominis ex pers) плохо соответствуют некоторым критериям жизнеспособности новых терминов: компактность и оптимальная длина термина, точность значения, контекстуальная независимость (правда, этимологическая ясность им присуща). Грамматическая форма греческих прототипов здесь, без сомнения, оказывала терминообразующее влияние на становление латинских терминов, задавала нормативный вектор для латинской терминологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпикурейская философия проходила в Риме вторую попытку легитимации через поэзию Лукреция. Достоинства языка и талант автора сделали её более успешной, чем представленная ранее попытка Г. Амафиния, Рабирия и Катия Инсубра. Философия и поэзия, польза и сладость (красота), содержание и форма образуют неразрывное гармоничное целое в поэме «О природе вещей». Вполне оправданным и удачным, за исключением, возможно, первой характеристики сравнения (*miser*), следует признать мнение И.В. Брауна, который подчеркнул все грани творчества Лукреция: «*Itaque Lucretius miser philosophus, concinnus poeta, elegans Epicuri interpres, optimus linguae formator iure habebitur*»⁵⁹². Такая четырёхчастная структура вполне согласуется с духом поэмы.

Лукреций – трудный автор, подражающий трудному и плодovitому Эпикуру, чья проза, вызывавшая непонимание в античности, доставляет ещё большие сложности потомкам. Судить о самобытности терминологии Лукреция весьма проблематично. Редко авторство долукрециевой эпикурейской лексемы упоминается современниками, почти никогда оно не выдержано в нейтральном тоне, но преимущественно в шутовском или пренебрежительном контексте, что свидетельствует в пользу надёжной атрибуции даже при однократном цитировании ввиду персонального характера инвективы (например, термины предшественников нашего поэта – *corpuscula*, *spectra*). Немного чаще из сравнения с предшественниками (Луцилий, Варрон) прослеживается существование некоторой традиции и небольшого словаря базовых общепhilософских единиц (терминология четырёх натурфилософских первоэлементов у Луцилия и Цицерона, понятие *natura*). За исключением Цицерона, небольшую долю информации даёт сравнение с современниками и писателями последующих веков (Витрувий, Квинтилиан).

⁵⁹² Braun J.W. Lucretii de atomis doctrina. Diss. Monasterii, 1857. P. 66.

Лукреций создаёт свою терминологию с учётом двух типов познания: чувственного и рационального. Один из основных методов универсального словотворчества Лукреция – подчеркнуть важный обсуждаемый предмет средствами языка и поэтики, так чтобы он мог быть увиден, услышан и, по возможности, осязаем. Этому помогают добиться стилистические средства языка: тропы (парономасии, перифразы), фигуры речи (аллитерации), фигуры мысли (плеоназмы), а также тмесис – старый гомеровский приём, но крайне удобное средство доказывания принципов атомизма. Учёные С. Бейли и П. Фридлендер давно заметили корреляции между атомизмом эпикурейской философии и представлениями об атомизме языка, что нашло элегантное выражение в виде тезиса второго учёного «etymology is atomology».

Этот принцип можно немного уточнить, добавив в его формулировку учёт гносеологии: «наглядно-акустически доказуемый атомизм». Слова, представляющие антонимы в концепции Лукреция, заостряются и противопоставляются с помощью зеркальной аллитерации: *terrorem* <=> *ratio*.

Образцы максимальной визуализации и слухового убеждения: «*lucida carmina*» как автограф и криптоним поэта – *Lucretius Carus*; базовый термин атомистики Лукреция – *corpora* (gen. *corporis*) – похож набором согласных звуков на имя Эпикура (*Epicurus*); важное свойство материального тела *officere* «противодействие», которое называется *officium* «обязанностью» любого тела; цепочка *materia/-es* «вещество» – *mater* «мать» – *mater terra* «мать земля» – *matertera* «сестра матери»; *corpora principiorum* «тела начал» (I 992-93) и т.д. Такими средствами Лукреций облегчает понимание индуктивной эпикурейской модели познания, тогда как явное даёт знание недоступного чувствам предмета.

Парадоксально ситуация складывается с общей номинативной философской лексикой. Лукреций не применяет термина «философия», избегает грецизма *sophia* и только однократно использует выражение *doctrina sapientum* (II 8), в котором можно видеть латинский аналог греческого слова

φιλοσοφία. Нет упоминаний разделов философии, лексем для последователей школы и упоминаний самих эпикурейцев, кроме однократного замечания об Эпикуре. Почти полноценной заменой «философии» становится субстантивированное причастие *reperta* «открытия» (nom. pl. neutri generis) в таких сочетаниях, как *Graiorum obscura reperta*, *praeclara reperta*, *divina reperta*. Для философии Эпикура однократно фигурирует поэтический вариант *patria praecepta* (ex chartis III 10). Существительное *ratio* следует, возможно, с определённой осторожностью признать термином в таких пассажах: *vera ratio* (I 498), *ratio tristior* (I 943-944 = IV 18-19), *ratio tua* (то есть Epicuri, III 14), *ratio* подвергается *vertere* «перевести» (V 335-337).

Оценка фигуры Эпикура проходит эволюцию в именовании от простого *homo* и *pater* через *victor* и *sol* к апофеозу – *deus*. Это подтверждает существование культа мудреца Эпикура и у римского эпикурейского сообщества.

Большинство единиц философского словаря Лукреция можно отнести к консубстанциональным⁵⁹³ терминам. Не путать их с обыденной лексикой помогают понимание признаков или терминообразующих критериев.

Лукреций отказался от практики заимствования греческих лексем, включения варваризмов в поэму. Вместо этого он создаёт семантические кальки на базе родного языка. Терминология Лукреция находится в становлении. Она не является ни *elaborata concinnitas* (Cic. Orator 84) «достигнутая трудом стройность», ни спорадическими терминами. Для неё характерна неоднородность и избыточная синонимия для понятия «атом». Узус Лукреция демонстрирует нестрогость и вариативность именования первоэлементов в группе натурфилософских терминов, то же самое оказывается, преимущественно, характерно для базовой атомистической лексики (исключение только *clinamen*). Синонимия становится

⁵⁹³ Консубстанциональные термины – лексические единицы, встречающиеся как в обыденной, так и в профессиональной речи.

продуктивным средством для контекстного варьирования семантики и метрики терминов, принадлежащих к одному семантическому полю. В ущерб точности и компактности философской системы это оправдано жанровой природой произведения Лукреция: метрика, поэтическая образность и поэтический регистр требуют вариативности хотя бы на минимальном уровне.

Применяемые термины образуют несколько семантических полей: поливариантные номинации четырех первоэлементов складываются в единое семантическое поле «общефилософских первоэлементов», изолированное обозначение материи *materia/-es* и отклонения *clinamen* существует наряду с двусоставным семантическим полем «атом, тело, первоначало», полем понятия «пустота». В поле «компоненты души» входят два семантических поля «вещество души» и «части души». Единое, иерархически организованное поле составляют номинации частей души – *animus, anima, mens, quarta natura animi omnino nominis experts* и др. Для этих полей возможно выделение доминанты и периферийных лексем. Особым свойством основных семантических полей является возможность легко выделить термин-доминант и термин-периферию, что обусловлено не только статистикой варианта, но этимологией, морфологическими, синтаксическими параметрами и фоникой. Вне рамок семантических полей оказываются термины *clinamen, reperta, ratio*.

В дополнение к признакам термина, выделяемым С.В. Гринёв-Гриневичем, мы предлагаем ряд дополнительных, удовлетворяющих жёстким рамкам: органичных для латинского языка, поэтического жанра и эпикурейской философии. В результате анализа можно выделить четыре терминообразующих критерия или признака термина, которые непосредственно и делают его термином. Первый это последовательная опора греч. термин первоисточник, прототип-термин (*corpora – σώμα; inane – τὸ κενόν*).

Второй признак – маркирование вспомогательной лексемой, которая становится терминоэлементом, причём порой ключевым и конституирующим: Второй признак термина имеет три парадигмы: 1) употребление с уточняющим род. п. – *primordia rerum, semina (rerum)* или с определением – *corpora prima/genitalia*, реже с числительным – *quattuor res* (I 714, 763), *quarta quaedam natura* (III 241); 2) метод копирования (семантического и синтаксического калькирования целиковой синтагмы) характерных эпикуровых выражений – τὸ κενόν, ἢ τοῦ κενοῦ φύσις ἢ ἀναφῆς φύσις складываются *natura inanis, natura loci spatiumque profundi* (I 1002), *natura profundi* (II 1051); 3) маркирование путём постановки Ablativus qualitatis – *sunt igitur solida primordia simplicitate* (I 609; также ср. I 548, 574; II 157), *corpora tali natura praedita* (I 798-799), *aeterno semine* (I 221), *primordia immortalis corpore* (I 545). Некоторые термины могут подразумеваться, будучи заменёнными на довольно пространные перифразы.

Третий, наиболее редкий, признак термина заключается в наличии плеоназма: напр., *corpora materiai* (I 552), *e corporeis principiis* (IV 534), *summarum summa* (III 816 = V 361).

Четвёртый терминообразующий критерий, состоящий в наличии ряда приблизительно равноправных синонимов, характерен для семантических полей «атом, тело, первоначало» и «части души»: для концепта ἄτομος и σῶμα «атом»/«частица» – *corpora prima/genitalia, corpuscula, primordia (rerum)/ordia prima* (IV 28), *principia* (только Gen., Abl. Pl.), *prima* (I 61; III 372; IV 186), *semina (rerum)*, *exordia (rerum)*, *elementa (prima/primoria)*; для концепта ψυχή синонимичные взаимозаменяемые наименования частей души – *natura animai* и *natura animi, animi natura animaeque potestas*.

Наиболее вероятными и надёжными критериями жизнеспособности полученных терминов стоит признать: 1) соответствие оптимальной длине термина (термин В.М. Лейчика) либо максимальное стремление к

«идеальной длине термина», 2) благозвучие или эвфонический параметр. Этимологическая ясность критерием жизнеспособности для закрепления термина не является.

Первостепенными мотивациями для Лукреция при отборе слов на роль термина, исходя из оценки выявленных образцов, становятся благозвучие, семантика и метрика лексемы. Синонимия, взаимозаменяемость вариантов и взаимодополняемость падежных форм метрически отличных слов составляют главный инструментарий поэта в создаваемом словаре атомистической терминологии. Продуктивными моделями создания терминов оказываются: семантическое калькирование греческого термина, создание устойчивых синтагм и субстантивация. Неологизмы, что крайне неожиданно для объёмов поэмы и тех признаний-сетований на трудности творческого процесса, крайне редкое явление (пример – *clinamen*).

Термины Лукреция оказываются в целом более лаконичными, чем терминология философии в русском языке по приведённой во введении статистике.

Термины Лукреция, как правило, стремятся подражать и копировать греческую морфологическую и синтаксическую модель образования: ἡ τοῦ κενοῦ φύσις – *natura inanis* «природа пустоты», которая оказывается даже удачнее прототипа из-за присущей ей аллитерации, ἡ ἀναφής φύσις – *inane est locus intactus, profundum* (ἄπειρον), *intactum* (ἀναφής), в основном все двусложные термины, образованные по модели *corpora prima/genitalia, primordia (rerum)* и т.д.

Ряд перифрастических выражений и лексем скорее стоит признать терминоидами: *spatium*, большая часть перифраз, составляющих семантическое поле «вещество души». Произведение Лукреция предоставляет богатейший материал по лексике и объяснению строения души.

Среди недостатков терминотворческого подхода Лукреция необходимо отметить использование многозначных слов в общепринятом и философском смыслах в рамках одного контекста, а порой и в одной строке. Наравне с этим обстоятельством принципу «*lucida carmina*» мешает омонимия Nom. и Acc. pl. среднего рода в латинском языке, из-за которой синтаксическая роль термина порой неочевидна на первый взгляд. Особенно проблемно в этой связи семантическое поле «пустота».

При создании латинской философской терминологии Лукреций руководствовался в первую очередь словоупотреблением Эпикура, поэтому создаваемые поэтом термины семантических полей «атомы, первоначала» и «пустота» необходимо исследовать с оглядкой на греческие прототипы и доксографию.

В тексте поэмы применение рассматриваемой лексической группы терминологии атомизма несомненно шире по разнообразию синонимов, чем в сохранившихся цитатах наследия Эпикура. Исходя из масштабов и вариативности своего словаря, Лукреций по праву может быть признан *optimus linguae formator*.

Приложение к главе I

Таблица 1. Латинские термины натурфилософии по Лукрецию:

Таблица базовых терминов и их вариантов			
Ignis	Aer	Umor	Terra
ardor (650, 668, 777)	anima (715)	umor (708, 786, 853)	corpus
ardoris natura (682, 702)	aeriae aerae (771)	liquor (713)	terrae
calor (786)	aerae aeris (783-784)	imber (715, 784, 785)	(I 770)
ignis corpus (770-771)	aeris aerae (801)	ros (744, 777)	
vapor (I 491) [Петр.]	aera (853)	ros liquoris (771)	

Таблица 2. Греческие термины натурфилософии по Эмпедоклу:

Варианты терминов по Эмпедоклу (гиперонимы по Лукрецию)			
Ignis	Aer	Umor	Terra
τὸ πῦρ	ὁ ἀήρ	ἡ θάλασσα	ἡ γαῖα
ὁ ἥλιος	ὁ οὐρανός	ὁ πόντος	(αἶα)
ὁ ἠλέκτωρ		ὁ ὄμβρος	ἡ χθών
ὁ (Τιτάν) αἰθήρ		τὸ ὕδωρ	

Приложение к главе II

Таблица 3. Склонение *materia/-es* у Лукреция в сравнении с другими существительными I-V склонений.

materia/-es			dies		
Casus	I	V	Casus	Sg	Pl
N	–	materies (22)	N	dies (8)	–
G	materiai (42) materiae (3) I 591; II 425, 550	–	G	diei (11)	–
D	–	–	D	–	–
Acc	materiam (1) IV 148	materiem (9)	Acc	diem (4)	dies (13) зачин inque dies 9 раз
Abl	materia (1) I 191– O (materiae – Q)	–	Abl	die (1) III 712	diebus (2) I 1067; V 1167
notitia/-es			amicitia/-es		
Casus	I	V	Casus	I	V
N	–	notities (2) V 182, 1047	N	–	–
G	notitiae (1) II 124	–	G	amicitiae (1) III 83 amicitiae (1) I 141	–
D/Abl	–	–	D/Abl	–	–
Acc	notitiam (4) II 745; IV 476, 854; V 124	notitiem (1) IV 479 – O (notitiam – Q)	Acc	–	amicitiem (1) V 1019 – O (amicitiam – Q)

Таблица 4. Статистика некоторых существительных V склонения, используемых в поэме *De rerum natura*:

Статистика некоторых существительных V склонения		
	Слово и его возможн. падежи	Количество употреблений в поэме
1.	Res	> 600
2.	Dies (все кроме D, N Pl, G Pl)	39
3.	Species (N, Acc, Abl, N Pl)	31
4.	Facies (N, Acc, Abl, N Pl, Acc Pl)	15
5.	Fides (N, Gen, Acc, Abl)	11

6.	Acies (N, Acc, Abl, Acc Pl)	10
7.	Glacies (N, Acc)	3
8.	Rabies (N, Gen Sg – -es)	3
9.	Macies (Abl)	2
10.	Pernicies (Abl)	2
11.	Diluvies (Acc)	2
12.	Proluvies (Abl)	2
13.	Inluvies (Abl)	1
14.	Avarities (N)	1
15.	Durities (Acc)	1
16.	Planities (Acc)	1
17.	Progenies (Acc)	1

Приложение к главе III

Таблица 5. Латинские термины вещества души по Эпикуру, доксографии и Лукрецию:

Эпикур	Доксографы	Лукреций
πνεύματι	πνεῦμα ἐκ τινος/ ἐκ ποιοῦ πνευματικῶ	venti caeca potestas
θερμοῦ	θερμόν/ ἐκ τινος θερμοῦ/ ἐκ ποιοῦ πυρώδους	calor motus
-	ἐκ ποιοῦ ἀερώδους	potestas aeris
-	ἐκ τετάρτου τινός ἀκατονομάστου	mobilis illa vis (270-71), ipsa anima totius animae (275), quarta natura animi omnino nominis expers (III 241-42).

Таблица 6. Латинские термины для обозначения совокупности вещества души по Эпикуру, доксографии и Лукрецию:

Аэтий	Лукреций	Эпикур
κράμα ἐκ τετάρων Aet. IV 3, 11=Us. 315 στοιχεῖον	partes animai (III 254-55) multae vis (III 265) potestas + gen. X (venti caeca potestas, potestas aeris) [quattuor naturae]	-

**Словарь греко-латинских терминов и понятий атомистической
философии эпикуреизма**

Лукреций	Эпикур	Общего греч. языка
Graiorum obscura reperta, praeclara reperta, divina reperta. <i>doctrina sapientum</i> (II 8)	φιλοσοφία (Pap. Herc.) φιλοσοφεῖν (2) φιλοσοφῶν (1) φιλοσοφητέον (1) (<i>Ep. ad Men.</i> 122). φιλοσοφῆσαι (Clem. Alex.) δογμάτων (Diog. Laert.)	Семантическое поле «φιλοσοφία» τὰ ἀρέσκοντα (=praescepta/ placita)
<i>Sophia</i> – –	? σοφός (Diog. Laert.)	σοφία σοφός
–	?	Ἐπικούρειος
–	?	φизика гносеология этика
<i>materia/-es</i>	ύλη?	ύλη
–	ἄτομος/οι/α	ἄτομος/οι/α
–?	στοιχείωμα/τα	στοιχείωμα/τα
<i>primordia (rerum) solido corpore solida simplicitate ordia prima (IV 32) exordia prima exordia rerum</i>	στοιχεῖον/α στοιχεῖα ἄτομα (<i>Ep. ad Pyth.</i> I 37)	στοιχεῖον/α ἀρχή/αί
<i>principia prima</i>	ἀρχή/αί ἄτομος/οι/α	ἀρχή/αί
<i>elementa (prima/ primoria)</i>	στοιχεῖον/α	στοιχεῖον/α
<i>corpora corpora prima</i>	σώματα πρῶτα σώματα	σῶμα/τα
<i>corpuscula</i> (введен Г. Амафинием - <i>Cic. Acad. Post. I 2, 6</i>).		
<i>semina (rerum)</i>	σπέρμα/τα	σπέρμα/τα
<i>facere</i> «действовать» <i>fungi</i> «подвергаться»	ποιῆσαι παθεῖν	?

воздействию»		
inane natura inanis	τὸ κενόν ἢ τοῦ κενοῦ φύσις ἢ ἀναφῆς φύσις	?
<i>intactile (adj.)</i>	ἢ ἀναφῆς φύσις	–
<i>intactum (adj.)</i>	ἀναφές	?
natura profundi (II 1051) <i>profundum (adj.)</i>	ἄπειρον	?
spatium	ἢ χώρα	ἢ χώρα
locus не термин	ὁ τόπος	ὁ τόπος
textura	περιπλοκή «переплетение»	?
positura	θέσις (σχοлий κ Στοιχειώσεις) «расположение»	?
clinamen declinare/inclinare	ἢ παρέγκλισις παρεγκλίνει (Us. 281)	–
animus, mens, anima	ψυχή	ψυχή
partes animai (III 254-55) multae vis (265) potestas + gen.X [quattuor naturae]	(κρῶμα ἐκ τεττάρων Aet. IV 3, 11=Us. 315)	varia
animus и mens anima	τὸ λογικόν τὸ ἄλογον	varia
calor motus	θερμόν/ ἐκ τινος θερμοῦ/ ἐκ ποιοῦ πυρώδους	–
venti caeca potestas	πνεῦμα, ἐκ τινος/ ἐκ ποιοῦ πνευματικοῦ	–
potestas aeris	ἐκ ποιοῦ ἀερώδους	–
1) mobilis illa vis (270-71) 2) ipsa anima totius animae (275), 3) quarta natura animi omnino nominis expers (III 241-42)	ἐκ τετάρτου τινός ἀκατονομάστου	–

Список сокращений

Собрания, словари, справочные издания и научные труды:

- DK** Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker / Hrsg. von Walther Kranz. Bd. I-III. Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1959-1960
- KP** Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. von K. Ziegler und W. Sontheimer. Bd. 1-5. Stuttgart, 1964-1975.
- Luria** Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л.: Наука, 1970.
- Us.** Epicurea. Ed. H. Usener. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1887 (reprint New York, 2010).

СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ

на русском языке

БРЭ - Большая Российская энциклопедия

в.; вв. - век; века

вступ. - вступительный

высш. - высший, -ая, -ое

греч. - греческий

дисс. - диссертация

до н. э. - до нашей эры

доп. - дополнено

дор. - дорийский

др. - другой, -ая, -ое

др.-греч. - древнегреческий

др.-инд. - древнеиндийский

и.-е. - индоевропейский

изд. - издание

испр. - исправлено

комм. - комментарий (-ии)

лат. - латинский

лит. - литература

н. э. - нашей эры

напр. - например

нач. - начало

нем. - немецкий

ок. - около

отв. ред. - ответственный редактор
пер. - перевод
Петр. - Петровский Ф.А.
послесл. - послесловие
прил. - прилагательное
прим. - примечание
ред. - редактор; редакция
род. - родился
рус. - русский
с. - страница (страницы)
см. - смотри
сост. - составил, составитель
ср. - сравни
ст. - статья (статьи)
т. - том (тома)
т. д. - так далее
ум. - умер
учеб. - учебное
фр. - фрагмент
худож. - художественный, -ая, -ое
ч. - часть
яз. - язык

на иностранных языках

abl. - аблатив (падеж)
acc. - винительный падеж
adj. - adiectivum, имя прилагательное
cf. - confer, сравни
CIL - Corpus inscriptionum latinarum
coll. - collection, собрание
comm. - commentarius, commentary
D; dat. - дательный падеж
Diss. - Dissertation, Dissertatio диссертация
DL - Diogenes Laertius
ed. - edition, edizione издание; edited, издано, editor, редактор
edd. - editors, редакторы
Ep. - epistula (-ae), послание (послания)
Epic. - Epicurus
Fasc. - Fascicolo, выпуск
fl. - floruit, акме, расцвет творчества
fr. - fragmentum (fragmenta), фрагмент (фрагменты)
G; gen. - родительный падеж
Herc. - Herculensis
Ibid. - ibidem, там же

Idem - он же
introd. - introduction
KD - Κύρια Δόξαи, собрание афоризмов Эпикура
etc. - et cetera, и так далее; и прочее
lib. - liber (libri), книга (книги)
N; nom. - именительный падеж
O - Oblongus, Codex Leidensis 30
P.; Pp - pagina; page, pages страница (страницы)
pap. - papyrus
P.Herc. - Herculaneum papyrus
pl. - pluralis, множественное число
praef. - praefatio, предисловие
proem. - prooemium, предисловие
Q - Quadratus, Codex Leidensis 94
rec. - recensuit, издание под редакцией; recognovit, издал
repr. - reprint, перепечатка
rev. ed. - revised edition, исправленное издание
S.; Ss - Seite (Seiten), страница (страницы)
Sent. Vat. - Sententiae Vaticanae, Ватиканское собрание изречений
sing. - singularis, единственное число
sp. - spurium (spuria), подложное (подложные)
t. - tomus (tomi), том (тома)
transl. - translated, переведен; translation, перевод
trad. - traduction, перевод
V - Vindobonenses: 10 рукописных листов, составляющих 2 разные группы,
но близкие к традиции Q
vol. - volumen; volume, том

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Издания, комментарии, переводы:

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. I / Ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976.
2. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. III / Вступ. статья и примеч. И. Д. Рожанский. М.: Мысль, 1981.
3. Афонасина А.С. Страсбургский папирус Эмпедокла. Новосибирск: Центр изучения древней философии и классической традиции НГУ; Офсет-ТМ, 2021.
4. Дигесты Юстиниана / Пер. с латинского. Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I-VIII. М., 2002-2006.
5. Лукреций. О природе вещей. Т. I / Ред. лат. текста и пер. Ф.А. Петровского. Т. II / Сост. Ф.А. Петровский. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М.; Л.: Академия наук СССР, 1946-1947.
6. Лукреций, Тит Кар. О природе вещей / Пер. с лат. Ф.А. Петровского, вступ. ст. Т.В. Васильевой. М.: Худож. лит., 1983.
7. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты, перевод, исследования. Л.: Наука, 1970.
8. Фрагменты ранних греческих философов / Пер. с изд. подгот. А.В. Лебедев, отв. ред. и авт. вступ. ст. И.Д. Рожанский. Ч.1. М.: Наука, 1989.
9. Цицерон, Марк Туллий. О судьбе // Цицерон. Философские трактаты / Пер. М.И. Рижского. М.: Наука, 1985.
10. Aristoteles. De generatione et corruptione / Ed. C. Mugler. Paris, 1966.
11. Aristotle. *Metaphysica*. 2 vols. / Ed. W.D. Ross. Oxford, 1970.
12. Aristotle's *Physics* / Ed. W.D. Ross. Oxford, 1936.
13. Cicero *De Finibus Bonorum et Malorum Libri Quinque*. Part. I-II. / Ed. J.N. Madvig. New York: Cambridge University Press, 1876 (repr. 2010).
14. Cicero, Marcus Tullius. Cicero on the emotions: Tusculan disputations III and IV / Transl. and with comm. by M. Graver. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2002.
15. Cicerone *La natura divina* / Introduzione, traduzione e note di C.M. Calcante. Testo latino a fronte. Sesta ed. 1992 (repr. 2007).
16. Ciceronis, M. Tvlli scripta quae manservnt omnia; Fasc. 4 Brutus / Recogn. Henrica Malcovati. Ed. altera. Leipzig: B.G. Teubner, 1970.
17. Coxon A.H. *The Fragments of Parmenides: A critical text with introd., transl., the ancient testimonia and a comm., revised and expanded edition with new translations by R. McKirahan*. Las Vegas, Zurich, Athens: Parmenides Publishing, 2009.
18. Deufert M. *Kritischer Kommentar zu Lukrezens De rerum natura*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2018.

19. Diels H. *Die Fragmente der Vorsokratiker* / Hrsg. von Walther Kranz. Bd. I-III. Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1959-1960. S. 280-281.
20. *Diogenis Laertii Vitae philosophorum. Vol. I, Books I-X* / Ed. M. Marcovich. Berolini et Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 2008.
21. *Epicurea*. Ed. H. Usener. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1887 (reprint New York, 2010).
22. *Epicurea. Testi di Epicuro e testimonianze epicuree nella raccolta di H. Usener* / Traduzione e note di I. Ramelli, presentazione di G. Reale, 3 ed. Milano: Bompiani, 2007.
23. *Epicurus. The Extant Remains with short critical Apparatus* / Trans., ed. and noted by C. Bailey. Oxford: At the Clarendon Press, 1926.
24. *The Epigrams of Philodemos* / Introd., text and comm. by D. Sider. Oxford; New York, 1997.
25. Kennedy S.M. *M. Tulli Ciceronis Tusculanarum Disputationum De Libro Primo Commentarius*. Diss. for the degree of doctor of philosophy in classics. University of Exeter, 2010.
26. Lapini W. *L'Epistola a Erodoto e il Bios di Epicuro in Diogene Laerzio. Note testuali, esegetiche e metodologiche*. Roma, 2015.
27. Long A.A., Sedley D.N. (edd.) *The Hellenistic Philosophers. Vol. I-II*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 (repr.1998).
28. *Lucilii, Gai carminum reliquiae* / Recensuit, enarravit F. Marx. Vol. I-II. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1904.
29. *Lucreti Cari, Titi De rerum natura libri sex* / C. Lachmannus recensuit et emendavit. Berolini: impensis Georgii Reimeri, 1850.
30. *Lucreti Cari, Titi De Rerum Natura Libri Sex* / Ed. W.E. Leonard, S.B. Smith. Madison: the University Of Wisconsin Press, 1942.
31. *Lucreti Cari, Titi. De Rerum Natura Libri Sex. Vol. I-III* / Ed. C. Bailey. Oxford: Oxford University Press, 1947.
32. *Lucretius Carus, Titus. De Rerum Natura Libri Sex* / Ed. J. Martin. Leipzig, 1969.
33. *Lucretius Carus, Titus. De Rerum Natura Libri VI* / Ed. M. Deufert. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019.
34. *Lucreti Cari, Titi De rerum natura libri sex* / Ed. W.A. Merrill. New York: American Book Company, 1907.
35. *Lucreti Cari, Titi De rerum natura libri sex. Vol. I-II* / Ed. H.A.J. Munro, 4th ed.. London: George Bell and Sons, 1900.
36. Nail Th. *Lucretius I: An Ontology of Motion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018.
37. Nail Th. *Lucretius II: An Ethics of Motion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020.
38. Nail Th. *Lucretius III: A History of Motion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022.

39. Quintilianus. Institutionis oratoriae libri XII. Vol. I-II / Recognovit brevique adnotatione critica instruxit M. Winterbottom. Oxonii, 1970.
40. Suetonius Opera. Vol. II / With an English transl. by J.C. Rolfe. London; New York, 1914 (repr.1920).
41. Varronis, M. Terentii Saturarum Menippearum fragmenta / Ed. R. Astbury. Leipzig, 1985.
42. Wallace R.E. An Introduction to Wall Inscriptions from Pompeii and Herculaneum: introduction, inscriptions with notes, historical commentary, vocabulary. Wauconda: Bolchazy-Carducci Publishers, 2005.

Словари, энциклопедии, пособия (в том числе учебно-методические):

43. Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I. / Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: ГЛК, 2002.
44. Ахманова О.С. Денотация // Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 128.
45. Ахманова О.С. Поле // Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 334.
46. Ахманова О.С. Семантический // Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 400-401.
47. Ахманова О.С. Существительное разносклоняемое // Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 466
48. Ахманова О.С. Термин // Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 474.
49. Ахманова О.С. Функция сигнификативная // Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 507.
50. Верлинский А. Л. Гипсий // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 273-275.
51. Волкова И.Н. Стандартизация научно-технической терминологии. М., 1984.
52. Гайденко П.П. История греческой философии в ее связи с наукой. Учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.
53. Гринёв-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008.
54. Грязнов А.Ф. Сенсуализм // Словарь философских терминов / Под. Ред. проф. В.Г.Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 490.
55. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.

56. Доброхотов А.Л. *Онтология // Словарь философских терминов / Под. Ред. проф. В.Г.Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2004. С.388.*
57. Дуров В.С. *Основы стилистики латинского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004.*
58. Жмудь Л.Я. *Алкмеон // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 99-101.*
59. Жмудь Л.Я. *Доксография // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 343.*
60. *Κάδμος // Suidae Lexicon, Graece et Latine. Vol. I-III; Vol. II / Ed. Ludolphus Kusterus, versio Latina Aemilii Porti. Cantabrigiae, 1705. P. 217.*
61. Канделаки Т.Л. *Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977.*
62. Кияк Т.Р. *Лингвистические аспекты терминоведения: Учеб. пособие. Киев: УМКВО, 1989.*
63. Лебедев А.В. *Анаксимен // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С.117-118.*
64. Лебедев А.В. *Архе // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С.185-186.*
65. Лебедев А.В. *Пиррон из Элиды // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 552-553.*
66. Лебедев А.В. *Элементы // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 799-800.*
67. Лебедев А.В. *Эмпедокл // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 802-803.*
68. Лейчик В.М. *Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2009*
69. Лосев А.Ф. *Римская философия // Словарь античной философии. М.: Мир идей, АО Акрон, 1995. С. 188.*
70. Лосев А.Ф. *Элейская школа // Словарь античной философии. М.: Мир идей, АО Акрон, 1995. С. 5.*
71. Лотте Д.С. *Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: АН СССР, 1961.*
72. Любкер Ф. *Иллюстрированный словарь античности. М.: Эксмо, 2005. С. 134.*
73. Малинаускене Н.К. *Введение в историю латинского языка (классический период): Курс лекций. Материалы для практических занятий. М.: ГЛК, 2006.*
74. Новиков Л.А. *Гипонимия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е (репр.) изд. М.: БРЭ, 1998. С. 104.*

75. Позднев М.М. Ксенофан // Хрестоматия по литературе Древней Греции: Эпоха культурного переворота / Пер. с др.-греч.; сост. М. Позднев. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 196.
76. Разин А.В. Эпикуреизм // Словарь философских терминов / Под. ред. проф. В.Г.Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 704.
77. Словоформа // Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. С. 429.
78. Соколов В.В. Натурфилософия // Словарь философских терминов / Под. ред. проф. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 347.
79. Солопов А.И. Начала латинской стилистики. М.: Индрик, 2008.
80. Солопова М.А. Александр Афродисийский // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 83-89.
81. Солопова М.А. Андроник Родосский // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 126-128.
82. Солопова М.А. Атомизм // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 196-200.
83. Солопова М.А. Демокрит // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 308-316.
84. Солопова М.А. Кратил // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 431-432.
85. Солопова М.А. Плутарх из Херонеи // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 593.
86. Солопова М.А. Тимон // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 738-739.
87. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: URSS, 2012.
88. Степанова А.С. Древний язык: генезис философских понятий: Учебно-методическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010.
89. Столяров А.А. Эпиктет // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 811-815.
90. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общеевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / Под общей ред. Н.Н. Казанского. 2-е доп. изд. М.: Индрик, 2001.
91. Шахнович М.М. Диоген из Эноанды // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 332-334.

92. Шахнович М.М. Филодем // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 761-768.
93. Шахнович М.М. Эпикур // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 815-822.
94. Шахнович М.М. Эпикуреизм // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 822-826.
95. Юшманов Н.В. Грамматика иностранных слов (приложение) // Словарь иностранных слов / Под ред. Петрова Ф.Н.. М.: Советская энциклопедия, 1937. С.703.
96. Терминология // Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В. Панов. М.: Педагогика, 1984. С. 303.
97. Amafinius // The Oxford classical dictionary / Edd. S. Hornblower, A. Spawforth, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 1999. P. 69
98. Beekes R. κενός // Etymological Dictionary of Greek / R. Beekes with the assistance of Beek L. van. 2 volumes. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 672.
99. Beekes R. στείχω // Etymological Dictionary of Greek / R. Beekes with the assistance of Beek L. van. 2 volumes. Leiden; Boston: Brill, 2010. Pp. 1395-1396.
100. Chantraine P. κενός // Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968-1980. Pp. 514.
101. Chantraine P. στείχω // Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968-1980. Pp. 1048-1049.
102. Chantraine P. ὕλη // Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968-1980. Pp. 1154-1155.
103. Dörrie H. Atomistik // Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. von K. Ziegler und W. Sontheimer. Bd. 1-5. Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag, 1964-1975. Bd. I, Spalte 713-714.
104. Dreyer O. Philologos // Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. von K. Ziegler und W. Sontheimer. Bd. 1-5. Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag, 1964-1975. Bd. IV, Spalte 768.
105. Elements // The Oxford classical dictionary / Edd. S. Hornblower, A. Spawforth, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 1999. P. 519.
106. Ernout A., Meillet A. Materies // Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris, 1939. Pp. 596-597.
107. Ernout A., Meillet A. Ordior // Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris, 1939. P. 711.

108. Ernout A., Meillet A. *Ordo* // Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris, 1939. Pp. 711-712.
109. Ernout A., Meillet A. *Subtilis, -e* // Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris, 1939. P. 995.
110. Frisk H. *στείχω* // Griechisches etymologisches Wörterbuch / H. Frisk Bd. II. Heidelberg, 1960. S. 783-785.
111. Frisk H. *ῥύλη* // Griechisches etymologisches Wörterbuch. B. II. Heidelberg, 1960. S. 962.
112. Griffin M.T. *Catius* // The Oxford classical dictionary / Edd. S. Hornblower, A. Spawforth, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 1999. P. 303.
113. Hofmann J.B., Szantyr A. *Lateinische Syntax und Stilistik*. Rev. ed. München, 1972 (2nd repr. 1997).
114. Liddell H.G., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. 9th ed. Oxford, 1996.
115. Mejer Jørgen. *Aëtios* // The Encyclopedia of ancient natural scientists. The Greek tradition and its many heirs / Ed. P.T. Keyser, G.L. Irby-Massie. London; New York: Routledge, 2008. Pp. 37-38.
116. Meliàdò C. *Egnatius* // The Encyclopedia of ancient natural scientists. The Greek tradition and its many heirs / Ed. P.T. Keyser, G.L. Irby-Massie. London; New York: Routledge, 2008. P. 280.
117. *Oxford Latin Dictionary* / Ed. P.G.W. Glare. 2nd ed., reprinted with corrections. Oxford, 2016.
118. Pokorny J. *(a)ri-, rēi-* // Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny. Bd. I. Bern: A. Francke AG Verlag. 1959. Ss. 60-61.
119. Pokorny J. *ken-* // Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny. Bd. I. Bern: A. Francke AG Verlag. 1959. S. 564.
120. Pokorny J. *3.tek-* // Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny. Bd. I. Bern: A. Francke AG Verlag. 1959. S. 1058.
121. Sharples R.W. *Alexander of Aphrodisias* // The Oxford classical dictionary / Edd. S. Hornblower, A. Spawforth, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 1999. P. 61.
122. Vaan de M. *Inanis* // Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008. P. 301.
123. Vaan de M. *Mater* // Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008. P. 367.
124. Vaan de M. *Ordior* // Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008. Pp. 433-434.
125. Vaan de M. *Vaco, -are* // Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008. P. 649.

126. Walde A. *Materia* // Lateinisches etymologisches Wörterbuch, dritte neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. B. II. Heidelberg, 1954. Ss. 50-51.
127. Walde A. *Ordior* // Lateinisches etymologisches Wörterbuch, dritte neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. B. II. Heidelberg, 1954. S. 221
128. Walde A. *Ordo* // Lateinisches etymologisches Wörterbuch, dritte neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. B. II. Heidelberg, 1954. S. 222.
129. Walde A. *Texo* // Lateinisches etymologisches Wörterbuch, dritte neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. Bd. I–III. Heidelberg, 1938–1956. Bd. III. Ss. 678-679.
130. Walde A. *Vaco* // Lateinisches etymologisches Wörterbuch, dritte neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. B. II. Heidelberg, 1954. S. 723.

Исследования, научная литература:

131. Аверинцев С.С. Внутреннее и внешнее в поэзии Вергилия // Поэтика древнеримской литературы. Жанры и стиль / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1989. С. 26.
132. Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии / Отв. ред. С.С. Аверинцев. М.: Наука, 1979. С. 41-81.
133. Аничков И.Е. Об определении слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963.
134. Антонец Е.В. О структуре периода в «*Aratea*» Цицерона // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXV (чтения памяти И.М. Тронского). СПб.: Наука, 2021. С. 55-68.
135. Антонец Е.В. Поэзия Цицерона и Вергилий: К вопросу о преемственности // *Philologia Classica*. № 10. СПб., 2015. С. 136-150.
136. Боровский Я.М. ΛΑΘΕ ΒΙΩΣΑΣ // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 48-50.
137. Боровский Я.М. Образ Эпикура у Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 115-125.
138. Боровский Я.М. Поэтика доказательства у Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 126-140.
139. Боровский Я.М. Лукреций и Фукидид // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 140-150.
140. Боровский Я.М. О термине *natura* у Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 151-163.
141. Боровский Я.М. Обозначение вещества и пространства в лексике Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 164-185.
142. Боровский Я.М. Вопросы общественного развития в поэме Лукреция // *Opera philologica*. СПб., 2009. С. 186-196.

- 143.Бородай Т.Ю. Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона. М.: Изд. Савин С.А., 2008.
- 144.Бровкин В.В. Концепция добродетели у Эпикура // ΣΧΟΛΗ. Т. 6, вып. 2. Новосибирск: Ред.-изд. центр Новосиб. гос. ун-та, 2012. С. 340-349.
- 145.Васильева Т.В. Афинская школа философии // Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикта, 2008. С. 23-216.
- 146.Васильева Т.В. Дельфийский оракул о мудрости Сократа, превосходящей мудрость Софокла и Еврипида // Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикта, 2008. С. 461-474.
- 147.Васильева Т.В. Критерии эпикуровской «каноники» в интерпретации Лукреция и Цицерона // Из истории философского наследия древнего Средиземноморья Ч. I. М., 1989. С. 40–62.
- 148.Васильева Т.В. Лукреций и его гений // Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикта, 2008. С. 655-680.
- 149.Васильева Т.В. «Фантастический прорыв» Эпикура // Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикта, 2008. С. 593-634.
- 150.Васильева Т.В. Философия и поэзия Лукреция как выражение единого мироощущения // Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикта, 2008. С. 713-733.
- 151.Верлинский А.Л. Античные учения о возникновении языка. Автореферат дисс. докт. филол. наук. СПбГУ, 2008.
- 152.Верлинский А.Л. Лукреций в трудах Я.М. Боровского» // *Philologia Classica*. Вып. 6. *Cathedra Petropolitana*. СПб, 2004. С. 69-87.
- 153.Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия в римской культуре // М.Л. Гаспаров Избранные труды, Т.1 «О поэтах». М., 1997. С. 49-80.
- 154.Головин Б.Н. Типы терминосистем и основания их различия // Термин и слово. Межвузовский сборник. Горький: изд. ГГУ им. Н. И. Лобачевского, 1981. С. 3-10.
- 155.Гречко В.А. Из истории терминов (семантическое и грамматическое развитие терминологических дериватов) // Термин и слово. Межвузовский сборник. Горький: изд. ГГУ им. Н. И. Лобачевского, 1981. С. 13-21.
- 156.Гусев Д.А. Эллинистический эпикуреизм как отдаленный теоретический предшественник позитивизма // Преподаватель XXI век. №1. 2014. С. 226-239.
- 157.Дератани Н.Ф. *Lucretiana* // ВДИ №1. 1950. С. 217-220.
- 158.Доддс Э.Р. Греки и иррациональное / Пер. с англ., комм. и указатель С.В. Пахомова; Послесл. Ф.Х. Кессиди. СПб.: Алетейя, 2000.

- 159.Донских О.А. Поэзия как начало философии и науки // ΣΧΟΛΗ. Т. 13, вып. 2. Новосибирск: Ред.-изд. центр Новосиб. гос. ун-та, 2019. С. 717-732.
- 160.Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М.: Гардарики, 2003.
- 161.Дуров В.С. Жанр мениппеи в творчестве Варрона-сатирика // *Philologia Classica*. № 2 (Традиции и новаторство в античной литературе). Л., 1982. С. 187-199.
- 162.Егоров А.С. Проблемы реконструкции учения Эмпедокла. Автореферат дисс. на соискание уч. степ. к. филос. н. М., 2007.
- 163.Егорочкин М.В. Земля Ксенофана (21 В 28; А 47 DK) // ΣΧΟΛΗ. Т. 13, вып. 2. Новосибирск: Ред.-изд. центр Новосиб. гос. ун-та, 2019. С. 554-579.
- 164.Зубов В.П. Развитие атомистических представлений до начала XIX века. М.: «Наука», 1965.
- 165.Казанский Н.Н. Греческое ὑπόθεσις «игра в слова» в поэзии и в жизни // *Philologia Classica*. № 5. СПб, 1997. С. 131-145.
- 166.Калдер Р. Сделать знание и опыт достоянием всех людей // Наука и человечество. М.: Знание, 1964. С. 78-86.
- 167.Комарова В.Я. Становление философского материализма в Древней Греции (Логико-гносеологический аспект диалектики философского познания). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975.
- 168.Коньо Ж. Пьер Гассенди – возобновитель эпикуреизма // Вопросы философии, № 3. 1956 (перевод статьи из "La Pensée" № 63, 1955). С. 87-97.
- 169.Красухин К.Г. К этимологии греческого ΠΑΘΟΣ // Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 163-168.
- 170.Лаптева М. Ю. У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI-VI вв. до н. э. СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009. С. 397.
- 171.Леушина Л. Т. Некоторые вопросы латинского словообразования (лат. *salvus, sol(i)du, sollus*) // *Philologia classica*. № 1. Л., 1977. С. 103-109.
- 172.Лосев А.Ф. *Terminus «sophia» bei Platon* // *Meander*. № 7-8. 1967. Ss. 340-348.
- 173.Лосев А.Ф. Античный эфир в связи с основным античным модельно-порождающим принципом мысли // Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. С. 435-446.
- 174.Лосев А.Ф. Диоген Лаэртский – историк античной философии. М.: Наука, 1981.
- 175.Лосев А.Ф. Лексика древнегреческого учения об элементах // Вопросы филологии, к семидесятилетию со дня рождения проф. И.А. Василенко. М., 1969. С. 538-554.

176. Лосев А.Ф. Платоново-аристотелевский стойхейон // *Іноземна філологія*. Вып. 32. Львів, 1973. С. 83-87.
177. Лосев А.Ф. Стойхейон: Древнейшая история термина // *Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина*, Т. 450, 1971. С. 18-26.
178. Мельников С.А. Аристотель и Эпикур о понятии времени // *Аристотелевские чтения. Античное наследие и современные гуманитарные науки*. Ростов-на-Дону, 2011. С. 19-24.
179. Онианс Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе. М.: Прогресс-Традиция, 1999.
180. Орлов Е.В. *Философский язык Аристотеля* / Отв. ред. В.П. Горан. Новосибирск: СО РАН, 2011.
181. Откупщиков Ю.В. Лат. *dīvus* и *deus* // *Philologia Classica*. № 5. СПб., 1997. С. 163-174.
182. Покровская З.А. *Laudes* Эпикуру в поэме Лукреция // *Вопросы античной литературы и классической филологии* / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1966. С. 266-280.
183. Покровская З.А. *Античный философский эпос. Лекции по спецкурсу*. М., Изд-во Моск. ун-та, 1979.
184. Покровская З.А. Лукреций о поэтическом искусстве / *Эпикурейцы и литературная критика // Древнегреческая литературная критика* / Отв. ред. Л.А. Фрейберг. М.: Наука, 1975. С. 254-270.
185. Покровская З.А. Основные понятия этики у Лукреция и Эпикура // *ВДИ*. №4. 1966. С. 157-166.
186. Покровская З.А. Первоначала, пустота и вселенная в философском словаре Лукреция // *ВДИ*. №4. 1960. С. 83-101.
187. Покровская З.А. Поэтическая структура вступлений в философской поэме // *ВДИ*. №1. 1982. С. 162-170.
188. Покровская З.А. Филодем и его взгляды на поэтику / *Эпикурейцы и литературная критика // Древнегреческая литературная критика* / Отв. ред. Л.А. Фрейберг. М.: Наука, 1975. С. 235-253.
189. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // *Проблемы структурной лингвистики*. 1967. М.: Наука, 1968. С. 103-125.
190. Савельева О.М. Содержание понятия «нус» в греческой литературе VII—VI вв. до н.э. // *Из истории античной культуры*. М., 1976. С. 30-40.
191. Савельева О.М. О языковых истоках философской терминологии древних греков (на примере термина *νοῦς*) // *Античная культура и современная наука*. М.: Наука, 1985. С. 148-152.
192. Свадост Э.П. *Как возникает всеобщий язык?* М.: Наука, 1968.

193. Сидорович О.В. Анналисты и антиквары: римская историография конца III-I в. до н. э.. М.: РГГУ, 2005. С. 289.
194. Сильвестров В.В. Понятийная основа соотношения «логоса» и «эйдоса» в европейской философской традиции // *Mathesis*. Из истории античной науки и философии. М.: Наука, 1991. С. 229.
195. Складчикова И.В. Индоевропейские праязыковые константы словесных знаков – экспликация концепта германской культуры // *Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 270-274.
196. Сорокин О.Н. Из истории индоевропейских лабиовелярных (греч. φέβομαι - φεύγω, лат. fugiō) // *Philologia Classica*. № 3. Л., 1987. С. 144-147.
197. Снелль Б. Греческая метрика / Предисл. А.И. Зайцева, пер. с нем. Д.О. Торшилова. М.: ГЛК, 1999.
198. Степанов В.Г. Влияние поэтики Лукреция на Горация (Hor., S., I, 1) // *Philologia Classica*. № 3 (Horatiana). Л. 1992. С. 151-159.
199. Степанов В.Г. Лукреций, VI, 92-95 (текстологический аспект) // *Philologia Classica*. № 3. Л., 1987. С. 147-156.
200. Тахо-Годи А. А. Если занимаешься античной философией, то без классической филологии ничего поделать нельзя... // *Вопросы философии*. № 12. 2011. С. 10–18.
201. Тахо-Годи А.А. О древнегреческом понимании личности на материале термина *sōma* // *Вопросы классической филологии III-IV*. М., 1971, С. 273-297.
202. Тахо-Годи А. А. Эпикурец Филодем и стоическая оценка поэзии // *Вопросы филологии*. М., 1969. С. 407-412.
203. Теперик Т.Ф. Терминологический характер слова *Gnome* в «Риторике» Аристотеля // *Античная культура и современная наука*. М.: Наука, 1985. С. 157-160.
204. Топоров В.Н. Еще раз о др.греч. ΣΟΦΙΑ: происхождение слова и его внутренний смысл // *Структура текста*. М., 1980. С. 148-173.
205. Федоров Д.А. Феномен полисемии слов в прото-лингвистическом учении Цицерона // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. № 2 (92). 2015. С. 62-66.
206. Федоров Н.А. Лексическая группа *lepos, lepidus, lepide* в системе эстетической лексики Цицерона // *Живое наследие античности. Вопросы классической филологии IX* / Под ред. А. А. Тахо-Годи, И.М. Нахова. М., 1987. С. 213-230.
207. Федоров Н.А. Семантическая специфика термина *venustus* в текстах Цицерона // *Античность в контексте современности. Вопросы классической филологии X* / Под ред. А.А. Тахо-Годи, И.М. Нахова. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 113-127.

208. Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). Серия «Studia classica». СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия», 2001. С. 574.
209. Чекалова Е.И. К проблеме стихотворной формы поэмы Лукреция "О природе вещей" // *Philologia classica*. № 1. Л., 1977. С. 134-137.
210. Чекалова Е.И. О характере изложения натурфилософии у Эпикура и Лукреция // *Philologia Classica*. № 2. Л., 1982. С. 180-187.
211. Шахнович М.М. Парадоксы теологии Эпикура. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000.
212. Шахнович М.М. Римский эпикуреизм: этика и философия религии // Академия. Вып. 5. СПб., 2003. С. 244–265.
213. Шахнович М.М. Сад Эпикура: Философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской культуры. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.
214. Штерн А.И. Stoicheia и платоновы многогранники // *Античная культура и современная наука*. М., 1985. С. 36-42.
215. Шуфан С., Шелов С.Д. Термин как основная единица терминологии: разнообразие определений и единство понимания // *Вопросы языкознания*. № 6. 2017. С. 102-114.
216. Янзина Э.В., Корнеев О.В. К вопросу о роли грамматики в создании языка древнегреческой философии // *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIX* (чтения памяти проф. И.М. Тронского). СПб.: Наука, 2015. С. 1034-1050.
217. Ярхо В.Н. Наставления Гесиода и ближневосточная мудрость: заимствование или типологическое сходство? // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. № 25. 1977. С. 325-331.
218. Albrecht M. von. Cicero's Style: a synopsis. *Mnemosyne: bibliotheca classica Batava*. Leiden, Boston: Brill, 2003.
219. Altenburg F.W. Adnotationes ad T. Lucretii Cari aliquot locos Carminis de rerum natura. Schleusingen, 1845.
220. Asmis E. An Epicurean survey of poetic theories (Philodemus, On Poems 5, cols. 26-36) // *The Classical Quarterly*. Vol. 42. 1992. Pp. 395-415.
221. Asmis E. *Epicurus' Scientific Method*. Ithaca, 1984.
222. Atzert C. *De Cicerone interprete graecorum*. Diss. Gottingae: typis expressit officina academica Huthiana, 1908.
223. Bailey C. *The Greek Atomists and Epicurus*. New York: Russell and Russell, 1928 (repr. 1964).
224. Barfield R. *The ancient quarrel between philosophy and poetry*. New York: Cambridge University Press, 2011.

225. Barigazzi A. Il concetto del tempo nella fisica atomistica // *Epicurea: In memoriam Hectoris Bignone miscellanea philologica* / Ed. M. Untersteiner. Genova, 1959. Pp. 29-59.
226. Behncke G. *De Cicerone Epicureorum philosophiae existimatore et iudice*. Berlin: Druck von A.W. Hayn's Erben, 1879.
227. Bernhardt C.M. *De Cicerone Graecae philosophiae interprete*. Diss. Berlin, 1865.
228. Bindseil T. *Nonnulla ad Lucretii de rerum natura Carminis librum primum et secundum qui sunt de atomis*. Diss. Halae: formis Ploetzianis, 1865.
229. Braun J.W. *Lucretii de atomis doctrina*. Diss. Monasterii: ex typographia E.C. Brunn, 1857.
230. Brunschwig J., Sedley D. *Hellenistic philosophy // The Cambridge Companion to Greek and Roman Philosophy* / Ed. D. Sedley. Cambridge University Press. 2003. Pp. 151-183.
231. Cantarella R., Arrighetti G. Il libro «Sul tempo» (PHerc. 1413) dell'opera di Epicuro «Sulla natura» // *Cronache Ercolanesi. Bolletino del Centro Internazionale per lo Studio dei Papiri Ercolanesi*. № 2. 1972. Pp. 5-46.
232. Classen C.J. *Poetry and Rhetoric in Lucretius // Transactions and Proceedings of the American Philological Association (TAPA)*. Vol. 99. 1968. Pp. 77-118.
233. Clavel V. *De M.T. Cicerone Graecorum interprete. (accedunt etiam loci Graecorum auctorum cum M.T. Ciceronis interpretationibus et Ciceronianum lexicon Graeco-Latinum)*. Paris: Imprimerie A. Laine et J. Havard, 1868.
234. Clay D. *Lucretius and Epicurus*. Ithaca, London: Cornell University Press, 1983.
235. Diels H. *Elementum*. Berlin, 1899.
236. Domokos G., Jerolmack D.J., Kun F., Török J. *Plato's cube and the natural geometry of fragmentation // Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 117, № 31. 2020. Статья: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2001037117> (Дата обращения 15.08.2022), новость: <https://penntoday.upenn.edu/news/plato-was-right-earth-made-average-cubes>.
237. Friedländer P. *Pattern of Sound and Atomistic Theory in Lucretius // The American Journal of Philology*. Vol. 62, № 1. 1941. Pp. 16-34.
238. Forbiger A. *De Lucretii carmine a scriptore senioris aetatis denuo pertractato*. Diss. Lipsiae, 1824.
239. Garani M. *Empedocles redivivus: poetry and analogy in Empedocles and Lucretius*. New York; Abingdon: Taylor & Francis, 2007.
240. Gassendi P. *Opera Omnia*. T. III (*Syntagma philosophiae Epicureae*). Lugduni, 1658.
241. Gigante M. *Scetticismo e epicureismo*. Naples, 1981. Pp. 37-49.
242. Gillespie S., Hardie P. *The Cambridge Companion to Lucretius*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007.

243. Glidden D.K. «Sensus» and Sense Perception in the «De rerum natura» // *California studies in Classical Antiquity*. Vol. 12, 1979. Pp. 155-181.
244. Glidden D. *Epicurean Prolepsis* // *Oxford studies in ancient philosophy (OSAPh)*. Vol. 3. 1985. P. 175-218.
245. Gneisse C. *Der Begriff des Omne bei Lucretius*. *Neue Jahrbücher*, 1880.
246. Gould T. *The ancient quarrel between poetry and philosophy*. Princeton, 1990.
247. Greenough J.B. *Elementum* // *Harvard Studies*. Vol. I, 1890.
248. Gruber G.M. *Medium and Message in Lucretius' «Honey» Analogy*. Proquest: Umi Dissertation Publishing. 2011.
249. Guyau M. *La Morale d'Épicure*. Paris, 1878.
250. Hartfelder C. *De Cicerone Epicureae doctrinae interprete*. Diss. Carolinuhae, 1875.
251. Heinimann F. *Nomos und Physis: Herkunft und Bedeutung einer Antithese im griechischen Denken des 5. Jahrhunderts*. Basel, 1945.
252. Hirst M.E. *A Reference to Lucretius in Cicero Pro Milone* // *The Classical Review* / Vol. 43, Issue 05. 1929. Pp. 166-168.
253. Holford-Strevens L. *Horror vacui in Lucretian Biography* // *Leeds International Classical Studies*. Vol. 1.1. 2002.
254. Howe H.M. *Amatinius, Lucretius, and Cicero* // *The American Journal of Philology*. Vol. 72. № 1. 1951. Pp. 57-62.
255. Hyde W.D.W. *From Epicurus to Christ: a Study in the Principles of Personality*. New York; London: the Macmillan Company, 1904.
256. Inwood B. *The Origin of Epicurus' Concept of Void* // *Classical philology*. Vol.76. №4. 1981. Pp. 273-285.
257. Inwood B. *The poem of Empedocles, revised ed*. Toronto, 2001.
258. Kazanskaya M.N. *Black and white: scholia and glossographers on the colour of φρένες* // *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. Vol. XVII. St.Petersburg: Nauka, 2013. Pp. 343-367.
259. Keen R. *Notes on Epicurean Terminology and Lucretius* // *Apeiron: A Journal for Ancient Philosophy and Science*. Vol. 13. № 2. 1979. Pp. 63-69.
260. Kilpatrick R. S. «Amicus Medicus»: *Medicine and Epicurean Therapy in «De Rerum Natura»* // *Memoirs of the American Academy in Rome*. Vol. 41. 1996. P. 69-100.
261. Kleve K. *Lucretius' Book II in P.Herc. 395* // *Akten des 23. Internationalen Papyrologenkongresses / Hrsg. B. Palme*. Wien, 2007. Pp. 347-354.
262. Kleve K. *Lucretius in Herculaneum* // *Cronache Ercolanesi*. Vol. 19. 1989. Pp. 5-27.

- 263.Kudlien Fr. «Schwärzliche» Organe im frühgriechischen Denken // *Medizinhistorisches Journal*. Bd. 8, H. 1. 1973. Ss. 53-58.
- 264.Lejewski C. *The Concept of Matter in Presocratic Philosophy // The Concept of Matter in Greek and Medieval Philosophy* / Edited by E. McMullin. Notre Dame: University Of Notre Dame Press, 1965. Pp. 25-36.
- 265.Levin S.B. *The ancient quarrel between philosophy and poetry revisited: Plato and the Greek literary tradition*. New York: Oxford University Press, 2001
- 266.Long A.A. Aisthesis, Prolepsis and Linguistic Theory in Epicurus // *Bulletin of the Institute of Classical Studies (BICS)*. Vol. 18. 1971. Pp. 114–133.
- 267.Long A.A. Timon of Phlius: Pyrronist and Satirist // *Proceedings of the Cambridge Philological Society (PCPS)*. Vol. 24 (204), 1978. Pp. 68-91.
- 268.Long A.G. *Death and immortality in ancient philosophy*. New York: Cambridge University Press, 2019.
- 269.Luzzi R. *Splendor aquai. Il lessico dell'acqua nel De rerum natura*. Tesi di dottorato in letteratura Latina. 2009-2010.
- 270.Madvig J.N. *Disputatio de aliquot lacunis codicum Lucretii*. Hauniae: Typis directoris J.H. Schultzi, 1832.
- 271.Maier Fr. *Der σοφία-Begriff. Zur Bedeutung, Wertung und Rolle des Begriffs von Homer bis Euripides*. Diss. Augsburg, 1970.
- 272.Marković D. *The Rhetoric of Explanation in Lucretius' De rerum natura*. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden, Boston: Brill, 2008.
- 273.McMullin E. *Matter as a Principle // The Concept of Matter in Greek and Medieval Philosophy*. Ed. by E. McMullin. Notre Dame: University Of Notre Dame Press, 1965. Pp. 117-212.
- 274.Meiggs R. *Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World*. New York: Oxford University Press, 1982. (Special edition for Sandpiper Books Ltd., 1998).
- 275.Merbach F. *De Epicuri Canonica*, 1909.
- 276.Merrill W.A.: Review on «Reiley K.C. *Studies in the Philosophical Terminology of Lucretius and Cicero*. Diss. New York: Columbia University Press, 1909» // *Classical Philology*. Vol. 5, Issue 2, 1910. P. 249.
- 277.Milanese G. *Lucida carmina: comunicazione e scrittura da Epicuro a Lucrezio*. Milano, 1989.
- 278.Müller H. *Ciceros Prosaübersetzungen*. Diss. Marburg, 1964.
- 279.Nagnajewicz M. The Technique of identifying Greek terms and their Latin equivalents in Cicero's scientific writings // *Annales de Lettres & Sciences humaines*, 19. 1971. Pp. 5–44.
- 280.Németh A. *Epicurus on the Self*. London; New York: Routledge, 2017.

281. Nicoli E. *Atoms, Elements, Seeds. A Renaissance Interpreter of Lucretius' Atomism // Lucretius Poet and Philosopher. Background and Fortunes of De Rerum Natura / Eds Ph.R. Hardie, V. Prosperi, D. Zucca. Berlin; Boston: De Gruyter, 2020. Pp. 235-250.*
282. Nicoli E. *Ficino, Lucretius and Atomism // Early Science and Medicine. Vol. 23. №4. 2018. Pp. 330-361.*
283. Nuchelmans G.R.F.M. *Studien über φιλόλογος, φιλολογία und φιλολογεῖν. Diss. Nijmegen, 1950.*
284. Nussbaum M. *Beyond Obsession and Disgust: Lucretius' Genealogy of Love // Apeiron. Vol. 22. 1989. Pp.1-59.*
285. Pachnicke H. *De philosophia Epicuri. Diss. Halle: Typis expressit E. Hopf, 1882.*
286. Parzinger P. *Beiträge zur Kenntnis der Entwicklung des Ciceronischen Stils, 2nd part. Programm des Königlichen Humanistischen Gymnasiums Dillingen für das Studienjahr 1911/12. Landshut, 1912.*
287. Pascal C. *La declinazione atomica in Epicuro e Lucrezio // Rivista di filologia e di istruzione classica / Ed. E. Stampini. 1902. Pp. 235-248.*
288. Peters F. *T. Lucretius et M. Cicero quomodo vocabula Graeca Epicuri disciplinae propria Latine verterint. Diss. Münster, 1926.*
289. Reale G. *Il pensiero antico. Vita e Pensiero. Milano, 2001.*
290. Reiley K.C. *Studies in the Philosophical Terminology of Lucretius and Cicero. Diss. New York: Columbia University Press, 1909.*
291. Reisacker A.J. *Epicuri de animorum natura doctrina a Lucretio discipulo tractata. Coloniae Agrippinensium: excudebat J.P. Bachem, 1855.*
292. Reisacker A.J. *Quaestiones Lucretianae. Diss. Bonnae: formis F.P. Lechneri, 1847.*
293. *Philodemus and Poetry: Poetic Theory and Practice in Lucretius, Philodemus, and Horace / Ed. D. Obbink. Oxford: Oxford University Press, 1995.*
294. Roller D.W. *Gaius Memmius: Patron of Lucretius // Classical Philology. Vol. 65, № 4. 1970. Pp. 246-248.*
295. Rosen S. *The quarrel between philosophy and poetry? Studies in ancient thought. New York; London: Routledge, 1993 (1988).*
296. Rostagni A. *Filodemo contro l'estetica classica. Scritti Minori. Torino, 1955.*
297. Schmidt E. A. *Clinamen. Eine Studie zum dynamischen Atomismus der Antike. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2007.*
298. Sedley D.N. *Lucretius' Use and Avoidance of Greek // Aspects of the Language of Latin Poetry / Edd. J.N. Adams, R.G. Mayer. New York: Oxford University Press, 1999. Pp. 227-246.*

- 299.Segal C. *Lucretius on Death and Anxiety: Poetry and Philosophy in De Rerum Natura*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- 300.Snyder J.M. *Puns and Poetry in Lucretius' De Rerum Natura*. Amsterdam, 1980.
- 301.Snyder J.M. *The Web of Song: Weaving Imagery in Homer and the Lyric Poets // The Classical Journal*. Vol. 76, № 3. 1981. Pp. 193-196.
- 302.Solaro G. *Lucrezio auctor difficilis. Note e testimonianze // Quaderni Urbinati di Cultura Classica. New Series*. Vol. 74. № 2. 2003. Pp. 127-131.
- 303.Taylor D.J. *Declinatio: A Study of the Linguistic Theory of Marcus Terentius Varro*. Amsterdam, 1975.
- 304.Thomas P.F. *De Epicuri canonica*. Parisiis: F. Alcan, 1889.
- 305.Trépanier Simon. *The didactic plot of Lucretius, De rerum natura, and its empedoclean model // Bulletin of the Institute of Classical Studies. Suppl. No. 94, Greek and Roman Philosophy 100 BC to 200 AD, Vol. I / edd. R. Sorabji, R.W. Sharples, 2007. Pp. 243-282.*
- 306.Vlastos G. *Minimal Parts in Epicurean Atomism // Isis*. Vol. 56. 1965. Pp. 121-147 = *Probleme der Lukrezforschung / Hrsg. von C.J. Classen. Hildesheim; Zürich; New York: G. Olms Verlag, 1986. Pp. 97-123.*
- 307.Volk K. *Lucretius' Prayer for Peace and the Date of De Rerum Natura // The Classical Quarterly. New Series, Vol. 60, № 1. 2010. Pp. 127-131.*
- 308.Warren J. *Epicurus and Democritean Ethics. An Archaeology of Ataraxia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- 309.Witczak K.T. *The Origin of the Latin Fifth Declension // Philologia Classica. № 16 (2). St.Petersburg, 2021. Pp. 262-276.*
- 310.Woltjer J. *Lucretii philosophia cum fontibus comparata (Specimen litterarium)*. Diss. Groningae: apud P. Noordhoff, 1877.